

4936

Цѣна 1 рубль.

378

MINERVA

Выпускъ V.

СБОРНИКЪ,
издаваемый
при Историко-
Филологическомъ
Семинаріи Выс-
шихъ Женскихъ
Курсовъ въ Кіевѣ.

КІЕВЪ, 1915.

Н. П. Голубовская.

ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ.

Подъ редакціей прив.-доц. В. Е. Данилевича.

КІЕВЪ.

Типографія А. П. Гросманъ, Владимірская, 49. Телеф. 5-68.
1915.

JAMES J. THOMAS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

1912

PHYSICS DEPARTMENT

CHICAGO

ILL.

Источники и Пособія.

- 1) Лѣтопись по Лаврентьевскому Списку. Изд. Археографич. Комиссiи. Петр., 1872 г.
- 2) Лѣтопись по Ипатьевскому Списку. То-же изд. 1871 г.
- 3) Новгородская Лѣтопись по Синодальному Харатейному Списку. Изд. Археогр. Комиссiи. Петр., 1888 г.
- 4) Новгородскія Лѣтописи (II и III-я). То-же изд. 1879 г.
- 5) Новгородская IV-я Лѣтопись. Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. IV. Петр., 1848 г.
- 6) Псковскія и Софійскія Лѣтописи. П. С. Р. Л., т. V., Петр., 1851 г.
- 7) Супрасльская Рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя Лѣтописи. Москва, 1836 г.
- 8) Лѣтопись по Воскресенскому Списку. П. С. Р. Л., т. VII. Петр., 1856 г.
- 9) Патріаршая или Никоновская Лѣтопись. П. С. Р. Л., т. IX. Петр., 1862 г.
- 10) Тверская Лѣтопись. П. С. Р. Л., т. XV, Петр., 1863 г.
- 11) Лѣтопись, именуемая Лѣтописью Авраамки. П. С. Р. Л., т. XVI. Петр., 1889 г.
- 12) Ермолинская Лѣтопись. П. С. Р. Л., т. XXIII. Петр., 1910 г.
- 13) Кіево-Печерскій Патерикъ. Въ перев. Викторовой. Кіевъ, 1870 г.
- 14) Житіе Свв. Бориса и Глѣба. Сильвестровскій списокъ XIV в., изд. Срезневскаго. Петр., 1860 г.
- 15) Русскія Извѣстія Длугоша. Лѣтопись Занятій Археографической Комиссiи 1865—1866 г. Петр., 1868 г.
- 16) Посланіе митроп. Никифора къ Владиміру Мономаху. Русскія Достопамятности, т. I. Москва, 1815 г.

-
- 1) Карамзинъ „Исторія Государства Россійскаго“, книга I—II. Петр., 1843 г.
 - 2) Арцыбашевъ „Повѣствованіе о Россіи“, т. I. Москва, 1898 г.
 - 3) Полевой „Исторія Русскаго Народа“, т. I—II. Москва, 1890 г.

- 4) Соловьевъ „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, т. I—III. Москва, 1870 г.
- 5) Костомаровъ „Историческія Монографіи и Исслѣдованія“, т. I (1872 г.), VII—VIII (1904 г.).
- 6) Костомаровъ „Исторія Россіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“, вып. I. Петр., 1873 г.
- 7) Погодинъ „Древняя Русская Исторія до Монгольскаго ига“, т. I. Москва, 1872 г.
- 8) Соловьевъ „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“. Москва, 1847 г.
- 9) Иловайскій „Исторія Россіи“, т. I. Москва, 1890 г.
- 10) Вестужевъ-Рюминъ „Русская Исторія“, т. I. Петр., 1872 г.
- 11) Платоновъ „Лекціи по Русской Исторіи“. Петр., 1909 г.
- 12) Вѣловъ „Исторія Россіи“. Петр., 1895 г.
- 13) Ключевскій „Курсъ Русской Исторіи“, т. I. Москва, 1910 г.
- 14) Багалъй „Русская Исторія“, ч. I. Харьковъ, 1909 г.
- 15) Багалъй „Русская Исторія“, т. I—„Княжеская Русь“. Москва, 1914 г.
- 16) Грушевскій „Исторія України—Руси“, т. I—II, у Львові, 1905 г.
- 17) Рожковъ „Обзоръ Русской Исторіи съ соціологической точки зрѣнія“, в. I. Москва, 1905 г.
- 18) „Книга для чтенія по Русской Исторіи“ подъ редакціей профессора Довнаръ-Запольскаго“. Кіевъ, 1904 г.
- 19) Присяжковъ „Княжое Право въ Древней Руси“. Петр., 1909 г.
- 20) Грушевскій „Очеркъ Исторіи Кіевской Земли“. Кіевъ, 1891 г.
- 21) Андриашевъ „Очеркъ Исторіи Волынской Земли“. Кіевъ, 1887 г.
- 22) Ивановъ „Историческія судьбы Волынской Земли“. Одесса, 1895 г.
- 23) Лонгиновъ „Червенскіе города“. Варшава, 1885 г.
- 24) А. Грушевскій „Очеркъ Исторіи Турово-Пинскаго княжества“. Кіевъ, 1901 г.
- 25) Линниченко „Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV ст.“, ч. I. К., 1884 г.
- 26) Данилевичъ „Очеркъ Исторіи Полоцкой Земли до конца XIV ст.“. К., 1896 г.
- 27) Довнаръ-Запольскій „Очеркъ Исторіи Кривичской и Дреговичской Земли до конца XII в.“. К., 1891 г.
- 28) Голубовскій „Исторія Смоленской Земли до начала XV ст.“. К., 1895 г.
- 29) Никитскій „Исторія экономического быта Великаго Новгорода“. Москва, 1893 г.
- 30) Никитскій „Очерки жизни Великаго Новгорода“. Ж. М. Н. II. 1870 г. августъ.
- 31) Корсаковъ „Мера и Ростовское княжество“. Казань, 1872 г.
- 32) Иловайскій „Исторія Рязанскаго княжества“. Москва, 1884 г.
- 33) Багалъй „Исторія Сѣверской Земли до половины XIV ст.“. К., 1882 г.

- 34) *Голубовскій* „Исторія Сѣверной Земли до половины XIV ст.“. К., 1880 г.
- 35) *Зотовъ* „О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому Синоднику“. Петр., 1892 г.
- 36) *Ляскоронскій* „Исторія Переяславской Земли“. К., 1897 г.
- 37) *Голубовскій* „Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ“. Кіевъ, 1884 г.
- 38) *Линниченко* „Вѣче въ Кіевской области“. Кіевъ, 1884 г.
- 39) *Вьялевъ* „Судьбы Земщины и выборнаго начала въ Руси“. Чтенія Об-ва Истор. и Древн. Россійскихъ. 1905 г., кн. 4.
- 40) *Грушевскій* „Волинскій вопросъ“. К., 1891 г.
- 41) *Шахматовъ* „Къ вопросу объ образованіи Русскихъ парѣчій и русскихъ народностей“. Ж. М. Н. П. 1899 г., апрѣль.
- 42) *Ляскоронскій* „Русскіе походы въ степи въ удѣльно-вѣчевое время и походъ кн. Витовта на татаръ 1399 г.“. Ж. М. Н. П. 1907 г., мартъ—май.
- 43) *Тельбергъ* „Нѣсколько замѣчаній о междукняжескихъ снемахъ въ Древней Руси“. Ж. М. Н. П. 1905 г., іюнь.
- 44) *Леонтовичъ* „Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Руси“. Ж. М. Н. П. 1874 г., іюль—августъ.
- 45) *Баронъ Корфъ* „Замѣтки объ отношеніи древне-русскаго лѣтописца къ монархическому принципу“. Ж. М. Н. П. 1909 г. іюнь.
- 46) *Присяжковъ* „Кормилецъ, воевода, тысяцкій“. Извѣстія 2-го отд. Имп. Акад. Наукъ 1908 г., кн. 1.
- 47) *Бѣловъ* „Объ историческомъ значеніи русскаго боярства до конца XVII в.“. Ж. М. Н. П. 1886 г., январь.
- 48) *Рожковъ* „Политическія партіи въ Великомъ Новгородѣ XII—XV в.“ въ „Историческихъ и Соціалогическихъ Очеркахъ“, вып. II. Москва, 1906 г.
- 49) *Лилеевъ* „О лѣтописной Нѣжатиной нивѣ“. Чтенія Об-ва Нестора Лѣтописца, т. XIII.
- 50) *Митр. Макарій* „Исторія Русской Церкви“. т. I—II. Петр., 1857 г.
- 51) *Голубинскій* „Исторія Русской Церкви“, т. I. Москва, 1880 г.
- 52) *Его-же* „Исторія канонизаціи святыхъ Русской Церкви“. Чтенія Имп. Об-ва Ист. и Древностей Россійск., 1903 г., кн. I.
- 53) *Максимовичъ* „О древней епархіи Переяславской“. Собраніе сочиненій, т. I. К., 1876 г.
- 54) *Фотинскій* „Посланіе митр. Никифора къ Волинскому князю Ярославу Святополковичу“. Волинскій Ист.-Археологическій Сборникъ, в. I. Житомиръ, 1896 г.
- 55) *Владимірскаій - Будановъ* „Обзоръ Исторіи Русскаго Права“. К., 1909 г.
- 56) *Сергѣевичъ* „Древности Русскаго Права“, т. I—II. Петр., 1909 г.
- 57) *Филипповъ* „Учебникъ Исторіи Русскаго Права“. Юрьевъ, 1912 г.

- 58) *Дьяконовъ* „Очерки общественнаго и государственнаго строя Древней Руси“. Петр., 1910 г.
- 59) *Павловъ - Сильванскій* „Государевы служилые люди; люди кабальные и докладные“. Петр., 1909 г.
- 60) *Довнаръ-Запольскій* „Исторія русскаго народнаго хозяйства“, т. I. Кіевъ, 1911 г.
- 61) *Дювернуа* „Источники права и судъ въ Древней Россіи“. М., 1869 г.
- 62) *Мрочекъ - Дроздовскій* „Изслѣдованія о Русской Правдѣ“. М., 1881 г.
- 63) *Пизно* „Историческій очеркъ мѣръ гражданскихъ взысканій по русскому праву“. К., 1874 г.
- 64) *Товстолмъсъ* „Сущность займа въ историческомъ развитіи по русскому гражданскому праву“. Ж. М. Юстиціи 1898 г., кн. 8.
- 65) *Дубенскій* „Комментаріи къ изданію Русской Правды“. Русскія Достопамятности, т. II. 1843 г., Москва.
- 66) *Калачовъ* „Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды“. Петр., 1880 г.
- 67) *Ланге* „Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды“ „Архивъ историческ. и практ. свѣдѣній, относящихся до Россіи“ Калачева.
- 68) *Загоровскій* „Историческій очеркъ займа по русскому праву до конца XIII ст.“.
- 69) *Ясинскій* „Закупы Русской Правды“. К., 1904 г.
- 70) *Максимейко* „Русская Правда и Литовское Право“. Сборникъ Статей по Русскому Праву, посвящен. Владимірскому - Буданову. К., 1904 г.
- 71) *Максимейко* „Опытъ критическаго изслѣдованія Русской Правды“, вып. I. Харьковъ, 1914 г.
- 72) *Яковкинъ* „Закупы Русской Правды“. Ж. М. Н. II. 1913 года, апрѣль—май.
- 73) *Красноперовъ* „Рабовладѣніе и работорговля въ древней Бѣлороссіи“. Ж. М. Н. II. 1907 г., декабрь.
- 74) *Рожковъ* „Очерки юридическаго быта по Русской Правдѣ“ въ „Историч. и соціологич. очеркахъ“, т. II. Москва, 1906 г.
- 75) *Барсовъ* „Очерки Русской Исторической Географіи“. Варшава, 1885 г.
- 76) *Барсовъ* „Матеріалы для Историко-географическаго Словаря Россіи“. Вильна, 1865 г.
- 77) *Антоновичъ и Армашевскій* „Лекціи по геологін и исторіи Кіева“. К., 1897 г.
- 78) *Люценко* „О древней печати, съ надписью „отъ Ратибора“, найденной въ 1872 г. около г. Еникале“. Труды III Археолог. Съѣзда, т. II.
- 79) *Кондаковъ* „Изображенія русскои княжеской семьи“. Петр., 1906 г.
- 80) *Пытинъ* „Исторія Русской Литературы“, т. I. Петр., 1907 г.

- 81) *Погодинъ* „Образованность и грамотность въ древнемъ періодѣ Русской Исторіи“. Ж. М. Н. П. 1871 г., январь.
- 82) *Порфирьевъ* „О почитаніи книжномъ въ древнія времена Россіи“. Правосл. Собесѣдн. 1858 г., кн. 2.
- 83) *Его-же* „Употребленіе книги Псалтырь въ древнемъ быту рус. народа“. Правосл. Собесѣдн. 1857 г.
- 84) *Харламповичъ* „Борьба школьныхъ вліяній въ до-Петровской Русіи“. Кіевск. Старина 1902 г., июнь.
- 85) *Лобода* „Къ вопросу о древне-русск. образованности въ до-татарскій періодъ“. Чтенія Об-ва Нестора Лѣтописца, т. XVII, в. 3.
- 86) *Ждановъ* „34-ый отчетъ объ Уваровскихъ преміяхъ“. Рецензія на сочиненіе Архангельскаго „Творенія отцовъ церкви въ древне-русск. письменности“. Петр., 1892 г.
- 87) *Козловскій* „Сношенія Древней Русіи“. Варшав. Универс. Изв. 1911 г., кн. V.
- 88) *Сухомлиновъ* „О языкознаніи въ Древней Русіи“. Ученныя Записки 2-го Отд. Имп. Акад. Наукъ. 1854 г., кн. 1.
- 89) *Сперанскій* „Гаданія по Псалтыри“. Памятники Древней Письменности и Искусства, 1899 г.
- 90) *Погодинъ* „О Поученіи Мономаховомъ“. Извѣст. 2-го Отдѣл. Имп. Акад. Наукъ, т. X.
- 91) *Аскоченскій* „Владиміръ Мономахъ, какъ писатель“. Чтенія Любит. духовн. Просвѣщенія, 1886 г., августъ.
- 92) *Протопоповъ* „Поученіе Владиміра Мономаха, какъ напутникъ религіозно-нравств. возрѣній и жизни на Русіи въ до-татарскую эпоху“. Ж. М. Н. П. 1874 г., кн. 2.
- 93) *Прозоровскій* „По вопросу о регаліяхъ, приписываемыхъ Владиміру Мономаху“. Труды III Археолог. Съѣзда, т. II.
- 94) *Ждановъ* „Повѣсти о Вавилонѣ и Сказанія о князьяхъ Владимірскихъ“. Ж. М. Н. П. 1891 г., августъ—октябрь.
- 95) *Лашнюковъ* „Владиміръ Мономахъ и его время“. Ж. М. Н. П. 1867 г., июнь—августъ.
- 96) *Ляскоронскій* „Владиміръ Мономахъ и его заботы о благѣ Русской Земли“. К., 1892 г.
- 97) *Шляковъ* „О Поученіи Владиміра Мономаха“. Петр., 1900 г.
- 98) *Ивакинъ* „Князь Владиміръ Мономахъ и его Поученіе“. Моск., 1901 г.
- 99) *Брокгаузъ и Евфронъ* „Энциклопедическій Словарь“, т. XII и въ Новомъ Изданіи, т. X.
- 100) *Шахматовъ* „Розысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ“. Лѣтописъ Занятій Археогр. Комиссіи, т. XX.
- 101) *Любавскій* „Лекціи по Древней Русской Исторіи“. Москва, 1915 г.
- 102) *Покровскій* „Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ“, т. I. Москва.
- 103) *Ключевскій* „Боярская Дума Древней Русіи“. Москва, 1902 г.

104) *Орѣшниковъ* „Матеріалы къ русской сфрагистикѣ“. Труды Московскаго Нумизматическаго Общества. Т. III. Москва, 1905 г.

105) *Лопаревъ* „Бракъ Метиславны“. Византійскій Временникъ. 1902 г., т. IX, в. 3—4.

106) *Пападимитріу* „Бракъ русской княжны Метиславны Добродѣи съ греческимъ церевичемъ Алексѣемъ Комниномъ“. Византійскій Временникъ. 1904 г., т. XI, в. 1—2.

107) *Гр. Толстой и Кондаковъ* „Русскія древности въ памятникахъ искусства“. В. V. Петр., 1897 г.

108) *Кондаковъ* „Русскіе клады до-Монгольского періода“. Т. I. Петр., 1896 г.

109) *Спицынъ* „Бухарскій Кладъ и Мономахова шапка“. Извѣстія Импер. Археолог. Комиссіи. 1909 г., в. 29.

110) *Дьяконовъ* „Власть Московскихъ Государей“. Петр., 1909 г.

111) *Ляскоронскій* „Кіевскій Вышгородъ въ удѣльно-вѣчевое время“. Ж. М. Н. II. 1913 г., апрѣль—декабрь.

Владиміръ Мономахъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Время жизни и дѣятельности Владиміра Мономаха захватываетъ долгій промежутокъ времени отъ половины XI вѣка и кончая первую четвертью XII-го, такъ какъ онъ родился въ 1053 году и умеръ въ 1125-омъ. Этотъ періодъ русской исторіи характеризуется борьбою разнообразныхъ историческихъ силъ, которыя не могли не оказать вліянія на личность и дѣятельность Мономаха. Поэтому раньше, чѣмъ заняться его жизнью, не лишнее, хотя бы въ общемъ, бросить взглядъ на эту эпоху, которая дала почву и направленіе его дѣятельности и положила отпечатокъ на его личность.

Въ политическомъ отношеніи Русь этого времени не представляла собою сплоченнаго государственнаго цѣлаго, а распалась на отдѣльныя земли, волости. Причины этого раздробленія разно истолковываются учеными, но всѣ сходятся въ томъ, что, безъ сомнѣнія, причины эти являются органическими, тѣсно связанными съ жизнью народа. Соловьевъ полагаетъ основу раздробленія древней Руси въ политической обособленности древнихъ русскихъ племенъ, хотя и добавляетъ, что мало по малу эта основа уступала мѣсто другой—городу, объединявшему вокругъ себя окружающую территорію. Придавалъ онъ также значеніе и особенностямъ княжескаго владѣнія и княжескимъ усобицамъ, способствовавшимъ установленію и развитію областного порядка.

Костомаровъ видѣлъ причину образованія областей-земель въ этнографическихъ отличіяхъ русскихъ племенъ, которыя легли въ основу этого дѣленія; не отрицаетъ онъ и раздробляющаго вліянія княжескаго владѣнія. Племя клалъ въ основу земель также и Рожковъ. Близко приближаясь къ Костомарову, Филипповъ искалъ причину раздробленія Руси въ стремленіи племенъ къ самостоятельности и борьбѣ ихъ за преобладаніе, придавая также значеніе и вліянію родового владѣнія князей. Похоже мнѣніе Барсова: племя у него является древнѣйшей основой, позже начинаетъ преобладать политико-территориальное начало въ связи съ развитіемъ торговли и промышленности. Территориальное начало особенно ярко проявляется у Владимірскаго-Буданова, хотя и княжескому владѣнію онъ придавалъ извѣстное значеніе. Зато на вполнѣ этнографической точкѣ зрѣнія находится Шахматовъ въ своей статьѣ, посвященной вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и народностей. Далѣе есть мнѣніе, представителемъ котораго является Леонтовичъ, по которому корень всѣхъ почти жизненныхъ явленій въ древней Руси нужно искать въ семейно-задружномъ характерѣ древне-русскаго быта—мнѣніе, которое по существу раздѣляется однимъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей, Прѣсняковымъ. Наконецъ Сергѣевичъ и, болѣе подробно, Ключевскій высказывались за то, что основа земли-волости не племенная, а экономическая, являющаяся въ видѣ торговаго города. Оба возражаютъ мнѣнію Соловьева главнымъ образомъ на томъ основаніи, что позднѣйшія земли не соответствовали первоначальнымъ племенамъ; что въ составъ иныхъ земель входили, кромѣ основного племени, еще части другихъ племенъ, а иногда также и инородцевъ; что, наконецъ, многія племена не добились самостоятельности. Немалое значеніе Ключевскій придавалъ и очередному порядку княжескаго владѣнія. Благодаря ему власть князей теряла въ своемъ значеніи, князья дѣлались бродячимъ элементомъ и поневолѣ должны были уступать преобладаніе мѣстному самоуправленію; а земскіе города съ ихъ вѣчами,

приобрѣтая больше самостоятельности, уже сами способствовали раздробленію. Не малую роль въ этомъ процессѣ, по мнѣнію Ключевскаго, сыграли и усобицы, «безсмысленныя драки княжескія», какъ говоритъ Карамзинъ, выраженіемъ котораго и пользуется въ данномъ случаѣ Ключевскій. Извѣстно также, какое значеніе придавалъ Сергѣевичъ личному договорному началу въ дѣлѣ образованія общественныхъ и политическихъ формъ на Руси. Платоновъ въ своихъ лекціяхъ говоритъ: «быть славянъ въ началѣ былъ несомнѣнно племенной». Но причиной превращенія племенного быта въ областной онъ считаетъ торговый городъ. На множественность причинъ въ дѣлѣ какъ раздробленія Руси, такъ и вообще всего историческаго процесса ея жизни указывали еще Иловайскій и Бестужевъ-Рюминъ. И въ самомъ дѣлѣ, не разбирая подробно всѣхъ этихъ мнѣній, можно все-таки отмѣтить, что они во многомъ не противорѣчатъ другъ другу и во многомъ дополняютъ одно другое. Такъ, если Соловьевъ и Костомаровъ выдвигаютъ на первый планъ племя, какъ основу земель, то и Сергѣевичъ, Ключевскій, Платоновъ не отвергаютъ первоначальнаго значенія племенного быта. Въ свою очередь Соловьевъ придаетъ значеніе и городу, какъ позднѣйшей объединительной силѣ въ землѣ-волости. Многие признаютъ множественность причинъ. И всѣ почти признаютъ раздробляющее вліяніе родового владѣнія князей и ихъ усобицъ (или семейнаго владѣнія, какъ Леонтовичъ и Прѣсняковъ). Таковы въ общемъ мнѣнія о причинахъ раздробленія Руси, образованія областного порядка¹⁾. Подъ вліяніемъ географическихъ торгово-

¹⁾ Соловьевъ „Ист. Россіи“, т. III, стр. 25—26; Костомаровъ „О федеративн. началѣ въ др. Руси“, стр. 13—18; Его-же „Сѣверно-русс. народопрарства“, т. VII, стр. 44; Розковъ „Обзоръ Русск. Истор. съ соціолог. точки зрѣнія“, т. I, стр. 69—70; Филипповъ „Учебн. Ист. Русск. Права“, стр. 146—147; Барсовъ „Очерки Русск. Ист. Географіи“, стр. 78—80; Владиміръ-Будановъ „Обзоръ Ист. Русск. Права“, стр. 9, 11, 37; Шахматовъ „Къ вопросу объ образованіи русск. нарѣчій и русск. народностей“, Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1899 г. апрѣль; Вьяшевъ „Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси“, Чтенія О-ва Ист. и Древн. Росс. 1905 г., кн. 4, стр. 13; Грушевскій „Очеркъ Ист. Кіевской земли“,

промышленныхъ и ряда другихъ условій на основѣ древнихъ племенъ образовались земли, волости, княжества, которыя являются уже государственнымъ цѣлымъ; при этомъ взаимодействіе различныхъ причинъ повело къ тому, что племена болѣе сильныя подчинили себѣ слабѣйшія, и послѣднія такимъ образомъ не смогли образовать самостоятельнаго цѣлаго. Такъ, племя полянъ, которое легло въ основу Кіевской земли, подчинило себѣ древлянъ; сѣверяне подчинили часть вятичей; та же участь раздѣленія постигла и радимичей (причиною здѣсь является, вѣроятно, отсутствіе у этихъ племенъ оживленной торговли, по крайней мѣрѣ сравнительно съ сосѣдями, и торговыхъ городов¹⁾; дреговичи только очень поздно по сравненію съ другими племенами выдѣлились въ землю Турово-Пинскую²⁾. Зато нѣкоторыя племена, занявшія обширныя области съ нѣсколькими торговыми центрами, распались. Такъ, сѣверяне разбились на двѣ части, образовавшія земли Черниговскую и Переяславскую. Кривичи также объединились вокругъ двухъ центровъ, Полоцка и Смоленска, жители которыхъ стали съ теченіемъ времени сознавать себя уже не какъ кривичей, а какъ полочанъ и смольнянъ³⁾. Такимъ образомъ въ этомъ длительномъ

стр. 58; *Его-же* „Ист. Украин.-Руси“, т. II, стр. 49—50, 255; *Леонтовичъ* „Задружно-общинный характеръ политическаго быта древн. Руси“, Журн. Мин. Нар. Просв. 1874 г. июль, стр. 141—145; *Прѣсняковъ* „Княж. право въ древн. Руси“, глава I, стр. 19 и послѣд., 28, 33, 34, 61; *Сергѣевичъ* „Древности Русск. Права“, т. I, стр. 10—16, т. II, стр. 170, 221, 225, 261—262, 310, 317, 329, 324—326 и проч.; *Ключевскій* „Курсъ Русск. Исторіи“, т. I, стр. 161—162; *Платоновъ* „Лекціи по Русск. Исторіи“, стр. 59, 63, 93; *Иловайскій* „Ист. Россіи“, т. I, стр. 76, 108, 282; *Бестужевъ-Рюминъ* „Русская Исторія“, т. I, стр. 154, 162; *Довнаръ-Запольскій* „Ист. Кривич. и Дрегович. земли“, стр. 83—84; *Вагаль* „Русс. Ист.“, т. I, „Княжеская Русь“, стр. 194, 280—281.

¹⁾ *Ключевскій* „К. Рус. Ист.“, т. I, стр. 161; *Грушевскій* „Исторія Укр.-Руси“, т. II, стр. 316.

²⁾ *А. Грушевскій* „Очеркъ Ист. Туров.-Пинск. княж.“, стр. 70—71.

³⁾ Есть мнѣніе, что кривичи очень близки славянамъ Новгородскимъ. Въ такомъ случаѣ распаденіе должно было происходить подъ притисненіемъ 3-хъ, а не двухъ центровъ. *Вильяевъ* „Судьбы земщины“, стр. 13; *Барсовъ* „Очерки Р. II. Геогр.“, стр. 173; *Соловьевъ*, т. I, стр. 55;

и сложномъ процессѣ не могли дѣйствовать одна, двѣ силы, но рядъ ихъ, множественность причинъ. Не входя въ разборъ всѣхъ причинъ, способствовавшихъ образованію и развитію областного порядка, и признавая ихъ важность, остановимся на одномъ изъ этихъ факторовъ, именно—торговомъ. Остановиться на немъ мнѣ хотѣлось бы потому, что современные историки все болѣе и болѣе оцѣниваютъ значеніе экономическихъ условій жизни народа. Мнѣ кажется, что эти-то условія сыграли немаловажную роль и въ образованіи какъ разъ тѣхъ силъ и стремленій, которыя въ свою очередь повліяли на дѣятельность Владиміра Мономаха. Поэтому я позволю себѣ на время нѣсколько отступить отъ своей прямой темы.

Разселяясь по территоріи своей новой родины, русскіе славяне шли главнымъ образомъ по рѣкамъ, составлявшимъ тогда самый удобный путь сообщенія и торговли. Эти пути, шедшіе въ различныхъ направленіяхъ, сдѣлали мѣстность, которую они орошали, еще задолго до появленія славянъ чрезвычайно важною въ міровой торговлѣ. Такимъ образомъ славяне, появившись здѣсь, сразу вошли въ кругъ интересовъ весьма оживленнаго торговаго обмѣна и столкнулись съ населеніемъ, принимавшимъ въ этомъ обмѣнѣ самое дѣятельное участіе. Разселяясь по рѣчнымъ путямъ, славяне мало-по-малу захватывали ихъ въ свои руки и втягивались въ торговлю; здѣсь возникли ихъ важнѣйшіе города, ставшіе торговыми пунктами. Между водной системой и древними русскими городами существовала тѣсная связь; лѣтописецъ перечисляетъ русскія племена именно по рѣкамъ, такъ какъ значеніе «путей сообщенія сознавалось еще въ глубокой древности»¹⁾. О размѣрахъ этой торговли, о ея

Костомаровъ „Сѣв.-рус. народопр.“, т. VII, стр. 19; *Голубовскій* „Ист. Смоленской земли“, стр. 36, 45—47.

¹⁾ О значеніи водныхъ путей у *Бестужева-Рюмина* „Русс. Ист.“ т. I, стр. 146—151; *Барсовъ* „Очерки“ стр. 19—20, 87; *Ключевскій* „К. Р. Ист.“ т. I, стр. 75, 148—149; *Платоновъ* „Лекціи“, стр. 59, 62; *Дьяконовъ* „Очерки обществ. и государст. строя Др. Руси“, стр. 89; *Филипповъ* „Учебн. П. Рус. Права“, стр. 151; *Довнаръ-Запольскій* „Ист. русс. народн. хозяйства“,

вліяніи на исторію молодого, еще даже не сложившагося государства Ключевскій говоритъ: «всѣ явленія того времени, учрежденія, соціальныя отношенія, нравы, успѣхи знанія и искусства, даже нравственно-религіозной жизни были прямыми или отдаленными послѣдствіями совокупнаго дѣйствія двухъ факторовъ— волостного торговаго города и внѣшней торговли».

Торговля направляла внѣшнюю и внутреннюю политику; «соотношенія Руси, какъ одного племени, съ сосѣдними народами, соотношенія отдѣльныхъ земель и княженій проникнуты торговыми интересами», пишетъ проф. Довнаръ - Запольскій¹⁾. Большое значеніе при такомъ положеніи вещей должно было имѣть обладаніе тѣмъ или другимъ рѣчнымъ путемъ. «Рѣки— это земныя артеріи», пишетъ проф. Багалъй, «куда онѣ текутъ, туда направляется и жизнь»²⁾. Проф. Довнаръ-Запольскій отмѣчаетъ вліяніе этого фактора на колонизацію, указывая, что она шла на сѣверо-востокъ въ лѣсныя области, минуя южный черноземъ, такъ какъ именно въ лѣсу водился пушной звѣрь— главный предметъ торговли того времени³⁾. Но это стремленіе къ обладанію водными путями должно было имѣть еще и другія послѣдствія: передовыя племена захватывали ихъ въ свои руки, а послѣдующія стремились къ тому же. На этой почвѣ могло возникнуть торговое соперничество, борьба за водные пути. Чѣмъ культурнѣе были спорящія стороны, тѣмъ упорнѣе должна была быть борьба. Съ другой стороны, большое значеніе должно было имѣть то обстоятельство, обладало ли данное племя всѣмъ воднымъ путемъ или только частью его. Такъ ради-

т. I, стр. 48—49; *Его-же* „Ист. Крив. и Дрег. земли“, стр. 22; *Никитскій* „Ист. экономич. быта Вел. Новгорода“, стр. 1—2; *Андріашевъ* „Ист. Волыцк. земли“, стр. 13; *Ляскаронскій* „Исторія Переясл. земли“, стр. 267; *Багалъй* „Русская Исторія“, в. I, стр. 71. *Его-же* „Русск. Ист.“, т. I, „Княжеская Русь“, стр. 117, 119.

¹⁾ *Ключевскій* „К. Рус. Ист.“, т. I, стр. 116; *Платоновъ* „Лекціи“, стр. 74; *Довнаръ-Запольскій* „Ист. Русск. Народн. Хозяйства“, т. I, стр. 351.

²⁾ *Багалъй* „Русская Исторія“, в. I, стр. 71.

³⁾ *Довнаръ-Запольскій* „Ист. Русск. Народнаго Хозяйства“, т. I, стр. 53—54, 69.

мичи и вятичи могли участвовать и, по всей вѣроятности, и участвовали въ торговлѣ сѣверянъ по Донецкому пути, но нѣтъ въ источникахъ никакихъ намековъ на борьбу между ними за этотъ водный путь, такъ какъ онъ лежалъ весь въ области сѣверянъ, и спорить изъ-за него было трудно¹⁾. Другое дѣло — кривичи полоцкіе и смоленскіе, изъ которыхъ вторые занимали верховья Западной Двины, главная же часть ея теченія была въ рукахъ у первыхъ²⁾. Или — поляне и сѣверяне, занимавшіе противоположныя стороны Днѣпра. Это соперничество, корни котораго теряются въ отдаленной древности, рано могло породить племенную рознь³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, условія жизни въ этомъ отношеніи оставались тѣ-же, и если изъ племенныхъ организмовъ выросли постепенно городовыя области, то жизненные интересы остались прежніе, и даже именно въ связи съ этими интересами и совершилась эта эволюція. Разсматривая усобицы удѣльно-вѣчевого періода, можно замѣтить, что онѣ группируются въ извѣстномъ порядкѣ, при чемъ наиболее яркій антагонизмъ замѣчается именно между тѣми областями, между которыми можно предположить торговую борьбу.

Поляне могли бороться съ сѣверянами изъ-за Днѣпра, и мы видимъ упорную борьбу между Кіевомъ и Черниговомъ; полочане со смольнянами — за Двину, и вотъ черезъ всю древнюю эпоху красной нитью проходитъ стремленіе Смоленска подчинить себѣ Полоцкъ. Суздальское княжество могло спорить съ Муромо-Рязанскимъ за Оку (на что между прочимъ указываетъ

1) *Бестужевъ-Рюминъ* „Русск. Ист.“, т. I, стр. 148; *Голубовскій* „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 19, 41.

2) *Барсовъ* „Очерки“, стр. 182—183.

3) Памятникомъ подобной борьбы Кіева съ Черниговомъ, восходящей къ глубокой древности, можетъ служить тотъ странный фактъ, что Кіевъ владѣлъ по ту сторону Днѣпра узкой прибрежной полосой, а одно время важнейшей черниговской гаванью на Днѣпрѣ — Любечемъ. *Грушевскій* „Ист. Укр.-Руси“, т. II, стр. 255, 261, 313—314; *Вагаль* „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 13; *Голубовскій* „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 33, 42; *Лякаронскій* „Ист. Переяславской земли“, стр. 76, 269—270. *Вагаль* „Русск. Ист.“, т. I, „Княжеская Русь“, стр. 233.

то обстоятельство, что яблокомъ раздора между ними постоянно служила Коломна)¹⁾, и вотъ эти земли ожесточенно борются между собою и при этомъ такъ упорно, что конецъ этой борьбы выходитъ за предѣлы областного періода. Новгородъ, являвшійся конечнымъ пунктомъ двухъ путей—Днѣпровскаго и Волжскаго, по этому самому необходимо долженъ былъ приходить въ столкновенія со Смоленскомъ и Суздалемъ; и оба эти княжества ведутъ съ нимъ упорную борьбу. Эта борьба становилась національнымъ дѣломъ для данной области; отъ успѣха въ ней зависило ея самобытное существованіе. Вотъ что, напримеръ, говоритъ проф. Данилевичъ о Полоцкѣ: «вообще земство Полоцкой земли твердо отстаивало своихъ князей, и посторонній князь никогда долго не могъ продержаться въ этой землѣ». Объясняется это тѣмъ, что князья, защищающіе интересы своей земли, дѣлались дороги земству; послѣднему для того, чтобы быть самостоятельнымъ, надо было имѣть своихъ собственныхъ князей. Въ другомъ мѣстѣ проф. Данилевичъ говоритъ: «борьба съ Ростиславичами Смоленскими успѣла сдѣлаться національнымъ дѣломъ для полочанъ»²⁾. Корсаковъ прямо говоритъ, что причиною борьбы Суздаля и Рязани было стремленіе перваго подчинить себѣ вторую³⁾. Иловайскій пишетъ о рязанцахъ, что они «постоянно были преданы своимъ князьямъ, т. е. своей самостоятельности»⁴⁾. Во многихъ перипетіяхъ этой борьбы видно несомнѣнное участіе самого населенія, которое во взаимномъ антагонизмѣ доходило до весьма рѣзкихъ выступленій. Такъ, по настоянію владимірцевъ, а не по собственной охотѣ, Всеволодъ Юрьевичъ долженъ былъ заключить въ тюрьму плѣнныхъ Рязанскихъ князей и ослѣпить Ростиславичей. А рязанцы въ свой чередъ

¹⁾ Корсаковъ „Меря и Ростовск. Княж.“, стр. 125, 148; Иловайскій „Ист. Рязанск. Княжества“, стр. 38, 91.

²⁾ Данилевичъ „Очеркъ Ист. Полоцк. Земли“, стр. 65, 102; Вильяевъ „Судьбы Земщины“, стр. 48; Красноперовъ „Рабовлад. и работорговля въ др. Бѣлоруссіи“ въ Журн. Мин. Нар. Пров. 1907 г. декабрь, стр. 318, 322.

³⁾ Корсаковъ „Меря и Ростовск. Княж.“, стр. 148.

⁴⁾ Иловайскій „Ист. Рязанск. Княж.“, стр. 79.

нѣскольکو позже во время усобицы съ Суздалемъ избивали суздальцевъ, гдѣ находили, вѣшали, засыпали живьемъ въ погребѣхъ¹⁾... Это уже ненависть народная и доведенная при томъ до крайней степени. «Когда на Волгѣ сложилось сильное Ростово-Суздальское княжество, то отношенія русскихъ къ финнамъ и болгарамъ оживились еще болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалась борьба и за волжскіе рынки»²⁾. Нельзя ли поставить въ связь съ этимъ и соперничество Суздаля и Рязани, въ которой немаловажную роль могла имѣть Ока? Конечно это только немногіе примѣры. Участіе народа въ борьбѣ Новгорода съ его сосѣдями не требуетъ доказательствъ, а объ участіи народа въ распряхъ Кіева и Чернигова я постараюсь сказать далѣе въ этой работѣ. Подобно Иловайскому, одинъ изъ историковъ Сѣверской Земли, Голубовскій, называетъ постоянную помощь и сочувствіе черниговцевъ своимъ князьямъ—борьбою за свою независимость³⁾. Такъ тѣсно сплеталась борьба за свои интересы и за свою самобытность. Интересно, что области, не имѣвшія, такъ сказать, что дѣлать, о чемъ спорить, не имѣютъ между собою и подобнаго антагонизма. Напримѣръ, княжества Галицкое и Кіевское. Интересы Галича были направлены главнымъ образомъ на западъ, да и на югъ онъ имѣлъ отдѣльный водный путь по Днѣстру, и едва ли не въ этомъ слѣдуетъ искать причины обособленности Галицкой области⁴⁾. Нѣтъ соперничества и между Кіевомъ и Волыню, если не считать, конечно, споровъ изъ-за пограничныхъ городовъ, въ данномъ случаѣ, изъ-за Погоринъ⁵⁾. Наоборотъ, Волянь и Кіевъ какъ будто чувствуютъ какое то особенное тяготѣніе другъ къ другу. Каждый Воляньскій

¹⁾ Тамъ-же, стр. 29, 87, 54; Вьяевъ „Судьбы Земщины“, стр. 49.

²⁾ Козловскій „Сношенія Др. Руси“ Варшав. Унив. Извѣст. 1911 г., кн. V, стр. 15.

³⁾ Голубовскій „Ист. Сѣверек. Земли“, стр. 86, 96.

⁴⁾ Бестужевъ-Рюминъ „Русс. Ист.“, т. I, стр. 146, 148; Соловьевъ т. I, стр. 24.

⁵⁾ Барсовъ „Очерки“, стр. 108; Грушевскій „Ист. Кіевек. Земли“, стр. 12, 14—15.

князь стремился обладать Киевомъ, а Киевскій—Волынью; князья Киевскіе и Волинскіе, начиная съ извѣстнаго времени, почти совпадаютъ. Нельзя-ли это объяснить тѣмъ, что Волинскіе князья, не имѣя въ своей области отдѣльнаго рѣчного пути, стремились къ Днѣпру черезъ Киевъ, такъ какъ другой возможности пробиться къ нему для нихъ не было? Далѣе изъ двухъ сосѣдей, Чернигова и Рязани, послѣдняя тянула къ Окѣ, а Черниговъ на югъ, къ Днѣпру, и между ними почти не слышно о столкновеніяхъ. То же можно сказать и о Черниговѣ со Смоленскомъ, впрочемъ, съ нѣкоторымъ исключеніемъ: столкновенія между ними были на водораздѣлѣ истоковъ Днѣпра и Двины, основанныя на желаніи Черниговскихъ князей держать въ своихъ рукахъ все теченіе Десны. Любопытно, что въ начальную эпоху татарскаго ига здѣсь образовалось княжество Брянское, которое стало тянуть къ Смоленску, отдѣлившись отъ Чернигова¹⁾. Въ остальномъ же интересы Смоленска и Чернигова были направлены въ различныя стороны. У полочанъ, кромѣ Смоленска, были столкновенія съ другими сосѣдями, именно съ Турово-Пинской областью, но несравненно менѣе интенсивныя, чѣмъ со Смоленскомъ, такъ какъ путь по Припяти въ Польшу рано утратилъ свое значеніе²⁾. Значительная часть столкновеній между Полоцкомъ и Киевомъ относится ко времени до окончательнаго отдѣленія, обособленія Смоленска и тѣсно связана съ вопросомъ о Великомъ Водномъ Пути, къ которому отчасти примыкало Полоцкое княжество на границѣ со Смоленскимъ³⁾. Столкновенія Галича съ Волынью начинаются только тогда со всею интенсивностью, когда въ Галичѣ прекращается своя линія князей-отчичей, и его столь дѣлается предметомъ добыванія для всѣхъ вообще князей, а для сосѣда—Волыни, конечно, въ частности.

1) Голубовскій „Ист. Сѣверек. Земли“, стр. 199; Егоровъ „Ист. Смоленской Земли“, стр. 306—307.

2) А. Грушевскій „Оч. Ист. Тур.-Пин. Княжества“, стр. 39—40; Довнаръ-Запольскій „Ист. Кривич. и Дрогович. Земли“, стр. 90.

3) Довнаръ-Запольскій „Ист. Кривич. и Дрогович. Земли“, стр. 76.

Такимъ образомъ однимъ изъ факторовъ раздробленія Руси въ ея областномъ періодѣ являются мѣстные торговые интересы и борьба за нихъ, въ частности борьба за обладаніе водными путями, интересы, которые тѣсно сплетаются съ мѣстной автономіей. Другой причиной раздробленія—пассивной—является то, что у земель, не соперничающихъ между собою, тѣ же интересы направлялись въ протизоположныя стороны, соотвѣтственно направленію водныхъ путей. Однако Русская земля не теряла и своего единства. На ряду съ центробѣжной силой дѣйствовала и сила объединяющая, центростремительная. Объединяющимъ центромъ могъ явиться только такой пунктъ, который объединилъ бы всѣ торговые интересы. Такимъ центромъ явился Кіевъ. Расположенный на главномъ водномъ пути изъ Варягъ въ Греки, онъ находился ниже впаденія въ Днѣпръ его главныхъ притоковъ, Припяти и Десны, и потому держалъ въ своихъ рукахъ ключъ отъ южной торговли всѣхъ болѣе сѣверныхъ городовъ. Это положеніе Кіева ставило ихъ въ зависимость отъ него, такъ какъ тѣ или иныя отношенія къ Кіеву опредѣляли ихъ участіе во внѣшней южной торговлѣ. Это и дало Кіеву возможность стать центромъ объединенія для остальныхъ русскихъ областей, такъ какъ онъ былъ ихъ естественной торговой столицей. Недаромъ же Кіевъ-градъ—всѣмъ городамъ мати. Кіевъ былъ самымъ богатымъ и культурнымъ городомъ древней Руси, о которомъ сохранилось много лестныхъ отзывовъ у иностранцевъ. Достаточно сказать, что Адамъ Бременскій, писатель XI вѣка, называлъ Кіевъ красою Греціи и соперникомъ Константинополя¹⁾. Кіевъ долженъ былъ быть и дѣйствительно былъ исходнымъ пунктомъ централизационныхъ попытокъ князей. Однако такое положеніе онъ сохранялъ только до поло-

¹⁾ Ключевскій „К. Рус. Ист.“, т. I, стр. 171, 181, 207; Платоновъ „Лекціи“, стр. 75; Багалый „Рус. Ист.“, в. I, стр. 116, 119; Его-же „Рус. Ист.“, т. I, „Княжеская Русь“, стр. 180—181, 183; Грушевскій „Истор. Кіев. Земли“, стр. 387, 18; Довнаръ-Запольскій „Ист. Русс. народ. хозяйства“, т. I, стр. 48.

вины XII вѣка, т.-е. до того момента, когда южная торговля стала постепенно падать, а вмѣстѣ съ нею и значеніе Кіева тоже упало¹⁾. Періодъ же до этого момента есть періодъ борьбы двухъ началъ. При этомъ въ обладаніи отдѣльнымъ воднымъ путемъ лежалъ залогъ обособленности другихъ волостей отъ Кіева, а въ неимѣніи такового — залогъ единенія съ нимъ. Всѣ области, болѣе или менѣе рано обособившіяся, имѣли свой водный путь. Таковы (по мѣрѣ обособленія): Полоцкъ (Двина), Галичъ (Днѣстръ), Рязань (Ока), Смоленскъ (Двина). О Новгородѣ и говорить нечего: его особое положеніе относительно торговли рано поставило его въ исключительное положеніе. Но пока южная торговля процвѣтаетъ—сильна и связь единенія, исходящая изъ Кіева; обособленности не видно такъ ярко, какъ съ половины XII вѣка. Въ это время отрывается новое звено—Ростово-Суздальское княжество, для котораго Волга и Ока интереснѣе Днѣпра. Въ концѣ XII и началѣ XIII в. за Кіевъ борются князья Черниговскіе и Смоленскіе, владѣнія которыхъ непосредственно прилегаютъ къ Днѣпру, Волынскіе, которые, впрочемъ, начинаютъ скоро предпочитать Галичъ, да Переяславскіе²⁾ (тоже Днѣпровскіе); остальные же почти вовсе не интересуются Кіевомъ. То же постепенно происходитъ и съ его южными сосѣдями и соискателями. Въ заключеніе я хотѣла бы сказать, что считаю невозможнымъ объяснять всѣ факты, всѣ явленія данной эпохи и даннаго историческаго процесса изъ

¹⁾ Ключевскій „К. Рус. Ист.“, т. I, стр. 317, 349—350; Грушевскій „Ист. Украин. Руси“, т. II, стр. 128—130; Довнаръ-Запольскій „Истор. Рус. народн. хозяйства“, т. I, стр. 357, 361; Козловскій „Сношенія древн. Руси“, стр. 6.

²⁾ Относительно Кіева Переяславль находился въ особомъ положеніи. Находясь по Днѣпру ниже самаго Кіева, онъ въ силу своего окраиннаго положенія, слишкомъ опаснаго для мирнаго торговаго процвѣтанія, довольно быстро потерялъ самостоятельное значеніе и скоро сталъ почти зависимымъ отъ Кіева. Впрочемъ, и здѣсь впоследствии проявилась тенденція къ обособленности, выразившаяся въ возможномъ удаленіи отъ Кіевской политики и стремленіи получить особую княжескую линію въ лицѣ младшихъ Юрьевичей. (Грушевскій „Ист. Украин. Руси“, т. II, стр. 340—341).

одной причины, о чемъ мною сказано и раньше. Я только думаю, что факторъ торговый, особенно въ приложеніи къ торговымъ, воднымъ путямъ, имѣлъ свое немаловажное значеніе въ томъ процессѣ, который создалъ объединительныя и разъединительныя стремленія въ древней Руси.

Если прослѣдить политическую исторію Руси до Ярослава Мудраго, съ котораго официально считается начало удѣльной, областной системы, то можно найти цѣлый рядъ фактовъ, подтверждающихъ, что силы объединяющая и разъединяющая уже тогда боролись другъ съ другомъ. Первые кievскіе князья уже начали стремиться къ покоренію племенъ и усиленію надъ ними своей власти¹⁾. Но такъ какъ память о самостоятельности ихъ была сильна, и требовалось связать ихъ съ центромъ возможно крѣпче, то на мѣстѣ старыхъ племенныхъ князей²⁾ появляется сыновья великаго князя кievскаго³⁾. Такъ поступилъ Святославъ Игоревичъ, то же сдѣлалъ и Владиміръ Святой⁴⁾. Но если была у великихъ князей мысль сдѣлать изъ своихъ сыновей посадниковъ, послушныхъ волѣ кievскаго князя, то, съ другой стороны, сепар-

¹⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 13, 14, 25, 34, 41—42, 54—55; „Лавр. Лѣт.“, стр. 23, 41, 82.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, с. 18, 20, 34—35, 50; „Лавр. Лѣт.“, с. 30, 32, 33, 53—54, 74, 239; *Иловайскій* „Ист. Россіи“ т. I, стр. 76; *Ключевскій* „К. Рус. Ист.“, т. I, стр. 133; *Платоновъ* „Лекціи“, стр. 63; *Багалый* „Русс. Ист.“, в. I, стр. 118, 125, 126; *Грушевскій* „Ист. Украин. Руси“, т. II, стр. 47; *Присяжковъ* „Княж. Право“, стр. 27; *Дьяконовъ* „Очерки обществ. и полит. строя др. Руси“, стр. 136—137; *Рожковъ* „Рус. Ист. съ соціол. точки зрѣн.“, т. I, стр. 70—73; *Владимірскаго-Будановъ* „Обзоръ Ист. Рус. Права“, стр. 13; *Багалый* „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 35; *Голубовскій* „Владиміръ Святой и Ярославъ Мудрый“ въ „Книгѣ для чтенія по Русс. Истории“ подъ ред. проф. Довнаръ-Запольскаго, т. I, стр. 234; *Вильевъ* „Судьбы Землины“, стр. 39.

³⁾ *Дьяконовъ* „Очерки“, стр. 176; *Антоновичъ* „Лекціи по геологii и исторіи Кіева“, стр. 66; *Филипповъ* „Учебн. Ист. русс. права“, стр. 145; *Грушевскій* „Ист. Украин. Руси“, т. II, стр. 2, 27; *Присяжковъ* „Княж. право“, стр. 28—29, 40; *Иловайскій* „Ист. Россіи“, т. I, стр. 76—77; *Погодинъ* „Древняя Русск. Истoria“, т. I, стр. 126—127; *Багалый* „Ист. Сѣверск. Зем.“, стр. 47; *Голубовскій* „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 47; *Его-же* „Владиміръ Св. и Ярославъ Мудр.“, стр. 233; *Владимірскаго-Будановъ* „Обзоръ“, стр. 13, примѣч. I.

⁴⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 45, 83; „Лавр. Лѣт.“, стр. 67, 118.

ративныя стремленія общества также рано обнаруживаются. Сыновья настолько проникаются интересами земли, которою правятъ, что ради нихъ готовы возставать на отца. Такъ было, напримѣръ, съ Ярославомъ, которому только смерть Владиміра помѣшала вступить съ отцомъ въ вооруженное столкновение¹⁾. Въ послѣдующей войнѣ Ярослава со Святополкомъ Костомаровъ справедливо видѣлъ борьбу изъ-за притязаній Кіева на Новгородъ, борьбу кіевлянъ и новгородцевъ²⁾. Сдѣлавшись обладателемъ Кіева, Ярославъ самъ сталъ представителемъ объединительной политики, также какъ и его братъ Святополкъ, преступленіе котораго житіе свв. Бориса и Глѣба согласно съ лѣтописью объясняетъ желаніемъ одному владѣть всею русскою землею³⁾. Только въ силу крайней необходимости уступилъ Ярославъ часть своихъ владѣній брату Мстиславу. Если кіевляне не приняли Мстислава, то черниговцы, вѣроятно, сдѣлали это съ радостью, такъ какъ это освобождало ихъ отъ кіевскихъ посадниковъ. Если бы Мстиславъ оставилъ послѣ себя сыновей⁴⁾, то въ Черниговѣ уже тогда могла установиться своя линія князей. Посаженіе сыновей по волостямъ, обычай, которому послѣдовалъ и Ярославъ⁵⁾, имѣвшій въ виду закрѣпленіе власти кіевского князя, какъ нельзя болѣе совпалъ съ областными интересами. Области для того, чтобы быть самостоятельной, надо было имѣть своего князя. Такимъ образомъ, «попытки объединительной политики парализовались стремленіемъ самихъ племенъ къ самобытности», пишетъ проф. Грушевскій⁶⁾. «Не удѣльная система раздробила Русскую землю; сама она стала возможна въ силу того, что земля не признавала своего единства и переживала въ новомъ областномъ своемъ бытѣ преж-

1) „Ипат. Лѣт.“, стр. 89; „Лавр. Лѣт.“, стр. 127.

2) Костомаровъ „Сѣвер.-Русск. народоправства“, стр. 35—37.

3) „Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ“, изд. Срезневскаго, стр. 10, 20; „Ипат. Лѣт.“, стр. 98.

4) „Ипат. Лѣт.“, стр. 104—105; „Лавр. Лѣт.“, стр. 144, 146—147

5) „Ипат. Лѣт.“, стр. 113; „Лавр. Лѣт.“, стр. 157.

6) Грушевскій „Ист. Кіевской Земли“, стр. 57.

ною племенную вражду», говоритъ акад. Шахматовъ¹⁾. «Приуроченіе нѣкоторыхъ княжескихъ линій къ извѣстнымъ территориямъ совершилось не на перекоръ народной волѣ, а при ея содѣйствіи», читаемъ у Сергѣевича²⁾. «Княжескія стремленія совпадаютъ съ желаніемъ городовъ имѣть князя у себя»³⁾. Совершилось «совпаденіе интересовъ народа и князей»⁴⁾. «Внутреннія войны того времени проистекали не только изъ вражды князей между собою, но главнымъ образомъ изъ соперничества одной земли въ отношеніи къ другой»⁵⁾. «Прочность и вліяніе административныхъ отношеній, въ то время слабо скользившихъ по народному быту, могли быть дѣйствительными только тогда, когда они сливались съ народными побужденіями»⁶⁾. Если стремленія къ особности на ряду съ попытками объединенія существовали и приходили въ столкновеніе еще до Ярослава, то тѣмъ сильнѣе должны они были проявиться послѣ него. Періодъ XI—XII в. былъ эпохой расцвѣта торговли и первенства Кіева и на ряду съ этимъ — эпохой расцвѣта областного порядка. Взаимныя отношенія князей и ихъ усобицы, кромѣ личнаго, получаютъ и другое значеніе, перестаютъ быть «безсмысленными драками княжескими». Тѣсно связанные съ землею и ея строемъ, князья являлись носителями и выразителями тѣхъ стремленій, которыя были въ самомъ населеніи. Смотри по своимъ симпатіямъ и по своему положенію, каждый изъ нихъ служилъ тому

1) Шахматовъ „Къ вопросу объ образов. русск. нарѣчій и русск. народностей“, стр. 354.

2) Сергѣевичъ „Древности русск. права“ т. II, стр. 87.

3) Бестужевъ-Рюминъ „Русск. Ист.“, т. I, стр. 154.

4) Филипповъ „Учебн. Ист. Русск. Права“, стр. 147.

5) Владиміръ-Будановъ „Обзоръ Ист. Русск. Права“, стр. 14, 16; но причины этого соперничества онъ видитъ главнымъ образомъ въ пограничныхъ счетахъ; тамъ-же, примѣч. I.

6) Костомаровъ „Мысли о федер. строѣ въ Др. Руси“, стр. 16, 17; о томъ-же у Прѣснякова „Княж. Право“, стр. 93; Барсова „Очерки“, стр. 93; Лашнюкова „Владиміръ Мономахъ и его время“ въ Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1867 г., июнь, стр. 763; Довнаръ-Запольскаго „Истор. Кривич. и Дрегович. Земли“, стр. 84—85, 97—98; Багалъя „Ист. Сѣвер. Земли“, стр. 117, 268—269.

или иному теченію, которое образовывалось жизнью; служилъ принципу единства и централизаціи или же защищалъ автономныя интересы отдѣльныхъ областей. Владиміръ Мономахъ, жизнь котораго совпадаетъ съ періодомъ отъ половины XI до конца первой четверти XII вѣка, и который является однимъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей своего времени, необходимо долженъ былъ принять то или иное участіе въ этихъ основныхъ теченіяхъ политической жизни Руси.

I.

Владиміру Мономаху былъ всего одинъ годъ, когда умеръ его дѣдъ и крестный отецъ, Ярославъ Мудрый. По завѣщанію отца великокняжескій столъ получилъ старшій дядя Мономаха, Изяславъ, Святославъ получилъ Черниговъ, а отецъ Мономаха, Всеволодъ, — Переяславль и Ростовскую волость¹⁾. Изяславъ Ярославовичъ, стоявшій во главѣ всѣхъ русскихъ княжествъ по старшинству и по обладанію культурнымъ и торговымъ, а также политическимъ центромъ, Кіевомъ, не былъ однако человѣкомъ, способнымъ поддерживать такое положеніе, а тѣмъ болѣе усилить или укрѣпить его за собою. Поэтому съ перваго момента его княженія рядомъ съ нимъ становятся два другихъ брата, Святославъ и Всеволодъ, владѣвшіе важнѣйшими послѣ Кіева областями, и на Руси наступаетъ періодъ, который можно до нѣкоторой степени назвать троевластіемъ²⁾. Изяславъ не умѣлъ поддерживать своего первенства; зато Святославъ и Всеволодъ не могли его достигнуть иначе, какъ устранивъ оппозицію двухъ другихъ братьевъ, что каждому порознь было не подъ силу. Поэтому между ними тремя установилось равновѣсіе: всюду они

¹⁾ „Шчат. Лѣт.“, стр. 113; „Лавр. Лѣт.“, стр. 157, 238; „Новгород. I“, стр. 66, 438; „Тверск.“, стр. 183; „Лѣт. Аврамки“, стр. 313.

²⁾ *Присяжковъ* „Княж. Право“, стр. 43, 45; *Грушевскій* „Истор. Укрѣн. Руси“, стр. 52; *Его-же* „Ист. Кіевск. Земли“, стр. 62; *Антоновичъ* „Лекціи по геол. и ист. Кіева“, стр. 67; *Голубовскій* „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 64.

появляются втроемъ и вмѣстѣ рѣшаютъ всѣ важныя дѣла¹⁾. Два младшихъ брата, Игорь и Вячеславъ, и ихъ сыновья не играютъ никакой роли, такъ сказать, не имѣютъ права голоса въ рѣшеніи даже своихъ собственныхъ дѣлъ. Такъ, послѣ смерти Вячеслава, старшіе братья перевели Игоря въ Смоленскъ, при чемъ Лѣтопись употребляетъ очень рѣшительныя выраженія, показывающія фактическое распредѣленіе власти между сыновьями Ярослава. Они «посадиша» Игоря въ Смоленскъ, изъ Волыни «выведше» (можетъ быть силою). Сыновьямъ младшихъ братьевъ они ровно ничего не дали. Волынь Изяславъ взялъ себѣ, а Смоленскъ послѣ смерти Игоря братья подѣлили на 3 части²⁾. Такая же участь постигла Ростислава Владиміровича, отецъ котораго былъ самымъ старшимъ изъ Ярославичей; онъ бѣжалъ изъ Новгорода въ Тмутаракань³⁾. Такимъ образомъ централизація была въ полномъ ходу, только представителемъ ея былъ не одинъ человекъ, а трое. Въ 1067 г. Всеславъ Полоцкій долженъ былъ сдѣлаться жертвой той же собирательной политики. Послѣ неудачной для него битвы на р. Немигѣ, Ярославичи заманили Всеслава къ себѣ на крестномъ цѣлованіи и лишили свободы. Насколько въ этомъ вѣроломствѣ принимали участіе всѣ три брата, трудно рѣшить. Нѣсколько позже Лѣтопись называетъ клятвopеступникомъ только Изяслава⁴⁾. Въ

¹⁾ „Ипат. Л.“, стр. 114, 117, 118; „Лавр. Л.“, стр. 158—159, 162, 163.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 114; „Лавр. Лѣт.“, стр. 158, 159; „Ермолинск. Лѣт.“, стр. 22; „Софійская I-я“, стр. 139; „Воскресенск. Лѣт.“, стр. 333; „Тверск. Лѣт.“, стр. 153; *Пръсняковъ* „Княж. право“, стр. 44; *Погодинъ* „Древн. русс. истор.“, т. I, стр. 160; *Андріашевъ* „Очеркъ Ист. Волынск. Земли“, стр. 115; *Голубовскій* „Ист. Смол. Земли“, стр. 261; *Грушевскій* „Истор. Кіевск. Земли“, стр. 64—65; *Его-же* „Ист. Украин. Руси“, т. II, стр. 52. Проф. Грушевскій думаетъ, впрочемъ, что Смоленскъ получилъ Всеволодъ, но это трудно вывести изъ лѣтописныхъ данныхъ („Укр.—Русь“, т. II, стр. 54).

³⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 115; „Лавр. Лѣт.“, стр. 159; „Ермолинск.“, стр. 22; „Никонов.“, стр. 92; „Тверск.“, стр. 154; „Воскрес.“, стр. 334; „Новгор. I-я“, стр. 94; „Софійск. I-я“, стр. 140.

⁴⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 117—118, 121; „Лавр. Лѣт.“, стр. 162—163, 167—168; *Соловьевъ* „Ист. отношеній между князьями Рюрик. дома“, стр. 81;

Полоцкѣ Изяславъ посадилъ сына своего Мстислава, а Новгородъ, вѣроятно, тогда же отдалъ Святославу, которому это важно было ввиду политическаго равновѣсія¹⁾. Насколько единодушно совершали все это Ярославичи, и насколько каждый изъ нихъ способенъ былъ удовлетвориться своею частью, когда, кромѣ нихъ троихъ, уже не было на Руси другихъ властителей—неизвѣстно. Только отношенія между братьями скоро испортились, а обстоятельства дали возможность самому энергичному изъ нихъ, Святославу, превратить троевластіе въ двоевластіе. Въ 1068 г. произошла несчастная битва съ половцами на рѣкѣ Альтѣ. Святославъ бѣжалъ въ свой Черниговъ и скоро поправилъ дѣло, разбивши половцевъ на Снови²⁾. Но Изяславъ почему-то не хотѣлъ выступить во второй битвѣ и этимъ довелъ киевлянъ до возмущенія. Можно думать, что его отказъ былъ послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія киевлянъ: въ Лаврентьевской Лѣтописи киевляне на вѣчѣ рѣшаютъ высадить «свою дружину» изъ поруба. Соловьевъ и проф. Грушевскій понимаютъ это выраженіе въ томъ смыслѣ, что еще раньше, въ силу разныхъ столкновеній съ населеніемъ, Изяславъ посадилъ въ тюрьму многихъ киевлянъ³⁾. Характерно, что горожане провозгласили своимъ княземъ именно Всеслава, котораго они освободили изъ поруба. У себя въ Полоцкѣ Всеславъ жилъ въ большомъ ладу съ земствомъ и, можетъ быть, даже славился этимъ своимъ качествомъ. По «Слову о Полку Игоревѣ», Всеславъ яв-

Иловайскій „Ист. Россіи“, т. I, стр. 112; *Данилевичъ* „Исторія Полоцкой Земли“, стр. 66; *Грушевскій* „Ист. Киевск. Земли“, стр. 67; *Голубовскій* „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 68; *Багалъй* „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 163.

¹⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 122; „Лавр. Лѣт.“, 169; „Ермолин.“, стр. 23; „Новгород. I-я“, стр. 103, 439; *Соловьевъ* „Ист. Россіи“, т. II, прим. 55; *Его-же* „Ист. отношеній между князьями Рюрик. дома“, стр. 85; *Грушевскій* „Ист. Укр. Руси“, т. II, стр. 54; *Голубовскій* „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 69.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 118, 121; „Лавр. Лѣт.“, стр. 163, 167.

³⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 120, 121; „Лавр. Лѣт.“, стр. 166—167 (тоже въ *Никон.*, стр. 95; *Воскрес.*, стр. 336; *Тверск.*, стр. 158; *Софійск. I-ой*“, стр. 142). *Соловьевъ* „Ист. Россіи“, т. II, стр. 17; *Грушевскій* „Ист. Киевской Земли“, стр. 68—69.

ляется не только храбрымъ, но умнымъ и справедливымъ княземъ¹⁾. Вотъ почему, вѣроятно, на него и палъ выборъ киевлянъ²⁾. Между тѣмъ въ этотъ моментъ въ Кіевѣ находился Всеволодъ, который, можетъ быть, и не отказался бы занять мѣсто брата, если бы его попросили. По крайней мѣрѣ, Изяславъ, бѣжавъ изъ Кіева, не обратился къ братьямъ за помощью, а отправился къ польскому королю; должно быть, онъ не считывалъ на ихъ братскія къ себѣ чувства. Въ теченіе 7-ми мѣсяцевъ сидѣлъ Всеславъ въ Кіевѣ, а Святославъ и Всеволодъ пальцемъ не двинули, чтобы помочь брату³⁾. Уже въ этомъ выразились натянутыя отношенія братьевъ. При этомъ, кажется, Святослава въ Кіевѣ больше любили, чѣмъ Изяслава; его воинская доблесть, недавняя побѣда, располагали къ нему⁴⁾. Къ тому же, стремясь расширить свои владѣнія, Святославъ, повидимому, не подавлялъ мѣстной земской жизни; за это, можетъ быть, говорить то, что его сынъ Глѣбъ былъ любимъ новгородцами и тмутораканцами, т. е. въ двухъ городахъ, которые Святославъ старался подчинить себѣ⁵⁾. Клятвопреступленіе на Нѣмигѣ ему, повидимому, тоже не ставилось въ вину, обвиняли одного Изяслава. Иначе Св. Антоній, обличавшій Изяслава за это преступленіе и принужденный бѣжать, не искалъ бы себѣ убѣжища именно у Святослава⁶⁾. Доброжелательное отношеніе къ

¹⁾ *Данилевичъ* „Ист. Полоцк. Земли“, стр. 64—65.

²⁾ *Соловьевъ* „Ист. Россіи“, т. II, стр. 19, примѣч. 55; *Линниченко* „Вѣче въ Кіев. области“, стр. 19; *Грушевскій* „Ист. Кіев. Земли“, стр. 71; *Его-же* „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 57.

³⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 121; Даугошъ, рассказывая объ этомъ событіи, постоянно упоминаетъ Всеволода рядомъ съ Изяславомъ. Они вмѣстѣ уговариваютъ толпу и вмѣстѣ бѣгутъ изъ Кіева. Повидимому, Всеволодъ не пользовался тогда популярностью у киевскаго населенія. („Лѣтопись Занятій Археографической Комиссіи“ 1865—1866 г., вып. 4, стр. 115).

⁴⁾ *Иловайскій* „Ист. Россіи“, т. I, стр. 118; *Багалъй* „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 164; *Голубовскій* „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 68.

⁵⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 140; „Лавр. Лѣт.“, стр. 193; *Иловайскій* „Ист. Россіи“, т. I, стр. 110—111; *Костомаровъ* „Сѣвер.-русск. народоправства“, т. VII, стр. 40; *Голубовскій* „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 69, 83—говоритъ о любви населенія къ Глѣбу.

⁶⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 136; „Лавр. Лѣт.“, стр. 188.

нему кїевлянъ выразилось въ просьбѣ стать во главѣ ихъ, чтобы итти на Изяслава, когда послѣдній появился съ поляками подъ Кїевомъ, а Всеславъ бѣжалъ въ Полоцкъ. Проф. Грушевскій и проф. Линниченко понимали это посольство, какъ приглашеніе на столъ и, должно быть, оно касалось именно Святослава, такъ какъ отвѣтъ на него далъ одинъ Святославъ¹⁾. Почему онъ отказался отъ приглашенія, неизвѣстно. Проф. Грушевскій думаетъ, что на него произвело впечатлѣніе польское войско Изяслава. Во всякомъ случаѣ, онъ и Всеволодъ заступились за Кїевъ передъ братомъ, и можно себѣ представить, что дѣлалъ бы тамъ Изяславъ безъ этого вмѣшательства, если онъ выкалывалъ глаза виновникамъ освобожденія Всеслава, казнилъ болѣе 70-ти человѣкъ и многихъ, по свидѣтельству Лѣтописи, погубилъ безвинно²⁾. Не даромъ же не любили его кїевляне. Многіе изъ нихъ бѣжали въ Черниговъ. Святославъ сталъ во главѣ партіи недовольныхъ, партіи земства³⁾. Между тѣмъ Изяславъ, не успѣвши удержать за собою Полоцкъ⁴⁾, вступилъ съ Всеславомъ въ переговоры. Повидимому, эти переговоры, направленные противъ братьевъ, существовали не только въ воображеніи Святослава, который «взострилъ» Всеволода на старшаго брата: Изяславъ могъ бояться за свое положеніе и искать союзниковъ. Наступилъ моментъ, когда братьямъ стало трудно жить вмѣстѣ, и централизація готовилась сдѣлаться еще тѣснѣе⁵⁾. Въ 1074 году Изяславъ, побуждаемый,

¹⁾ Линниченко „Вѣче въ Кїев. области“, стр. 19; Грушевскій „Ист. Кїев. Земли“, стр. 72; *Его-же* „Ист. Украин.-Руси“, т. II, стр. 58.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 122; „Лавр. Лѣт.“, стр. 168—169.

³⁾ Соловьевъ „Ист. Россіи“, т. II, стр. 19—20; Грушевскій „Истор. Кїев. Земли“, стр. 78; *Его-же* „Ист. Украин.-Руси“, т. II, стр. 61; Голубовскій „Ист. Сѣверк. Земли“, стр. 70.

⁴⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 122; „Лавр. Лѣт.“, стр. 169—170; Соловьевъ „Ист. Росс.“, т. II, стр. 19; *Его-же* „Ист. отношеній“, стр. 86; Арцыбашевъ „Повѣствованіе о Россіи“, т. I, стр. 28; Данилевичъ „Ист. Полоц. Земли“, стр. 68.

⁵⁾ Соловьевъ „Ист. Россіи“, т. II, стр. 19; *Его-же* „Ист. отношеній“, стр. 87; Данилевичъ „Ист. Полоц. Земли“, стр. 69; Грушевскій „Исторія Кїев. Земли“, стр. 77—78; *Его-же* „Ист. Украин.—Руси“, т. II, стр. 61.

какъ можно думать, волненіями въ Кіевѣ, уѣхалъ въ Польшу, не дожидаясь похода братьевъ, боясь, какъ говоритъ Длугошъ, «попасться живымъ въ руки враговъ». Хотя въ Берестовомъ столовались и Святославъ, и Всеволодъ, но Кіевъ занялъ одинъ Святославъ и фактически сталъ единолично у власти. По крайней мѣрѣ, Владиміръ Мономахъ, впервые появившійся при немъ на политической аренѣ, говоритъ о немъ въ единственномъ числѣ: «посла мя въ Ляхы», не упоминая объ отцѣ¹⁾. Лѣтопись впервые говоритъ о Мономахѣ (не считая, конечно, извѣстія о рожденіи) именно въ эпоху княженія Святослава въ Кіевѣ. Въ 1076 г. онъ ходилъ противъ чеховъ въ помощь королю польскому вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ Олегомъ Святослави-чемъ, а потомъ—къ Новгороду въ помощь князю Глѣбу Новгородскому²⁾.

Между тѣмъ въ Поученіи до похода 1076 г. упоминаются Мономахомъ еще и другіе походы и путешествія, для которыхъ не имѣется параллели въ Лѣтописи. «Первое къ Ростову идохъ сквозѣ Вятичи, отецъ мя посла, а самъ иде Курську», такъ начинается Мономахъ исчисленіе своихъ трудовъ и путей. По предположенію Соловьева, это путешествіе является въ сущности почти бѣгствомъ послѣ изгнанія Изяслава кіевлянами: Всеволодъ былъ съ нимъ въ Кіевѣ и послѣ катастрофы искалъ убѣжища въ Курскѣ, а сына отправилъ въ Ростовъ³⁾. Но такъ какъ подробностей, разъясняющихъ дѣло, Мономахъ никакихъ не приводитъ, то въ этомъ путешествіи можно видѣть просто исполненіе порученія по дѣламъ отца, какъ думаетъ, напримѣръ, проф. Ляскаронскій⁴⁾. Изъ начальныхъ словъ Поученія пытаются так-

1) „Ипат. Лѣтоп.“, стр. 128; „Лавр. Лѣтоп.“, стр. 177, 238; Длугошъ, стр. 127; Грушевскій „Ист. Кіев. Земли“, стр. 78, 84.

2) „Ипат. Лѣт.“, стр. 139; „Лавр. Лѣт.“, стр. 193, 238; Соловьевъ „Ист. Россіи“, т. II, стр. 22—23; Ивакинъ „Князь Владиміръ Мономахъ и его поученіе“, стр. 155.

3) „Лавр. Лѣт.“, стр. 238; Соловьевъ „Ист. Россіи“, т. II, прим. 50; Ивакинъ „Владиміръ Моном. и его поученіе“, стр. 145—146.

4) Ляскаронскій „Владиміръ Моном. и его заботы о благѣ Русск. Земли“, стр. 7.

же заключить, гдѣ могъ княжить Мономахъ до времени Свято-слава; косвенное указаніе на это, можетъ быть, заключается въ словахъ Мономаха: «а mine посла Смолинську», очевидно, Изяславъ. Ивакинъ видитъ въ этихъ словахъ указаніе на то, что Изяславъ, вѣроятно, возвратившись изъ перваго своего изгнанія, отдалъ Смоленскъ Мономаху¹⁾. Спорнымъ является и вопросъ, гдѣ княжилъ Владиміръ при Святославѣ. Одни изслѣдователи полагаютъ, что Святославъ, по вокняженіи своемъ въ Кіевѣ, отдалъ Всеволоду Смоленскъ, въ которомъ тотъ и посадилъ сына Владиміра²⁾, другіе—что Смоленскъ достался Мономаху только по смерти Святослава, при немъ же онъ княжилъ въ Туровѣ³⁾. Ивакинъ думаетъ даже, что Смоленскъ, отданный Мономаху еще Изяславомъ, былъ отобранъ Святославомъ, взамѣнъ чего Мономахъ получилъ Туровъ. Однако, если предположить, что Владиміръ владѣлъ Смоленскомъ до Святослава, что вполне возможно, судя по вышеприведенному указанію Мономаха, то онъ владѣлъ имъ и при Святославѣ. Туровъ едва ли могъ замѣнить собою богатый Смоленскъ, а обижать сына своего пособника и союзника, Святославъ, вѣроятно, не рѣшился бы. Скорѣе онъ къ Смоленску придалъ еще и Туровъ. Этимъ и объясняется дважды повторяющееся упоминаніе Мономаха о путяхъ его въ Туровъ при Святославѣ. Мономахъ не перечисляетъ всѣхъ своихъ походовъ и путей⁴⁾, и естественно, что отъ этого времени ему

1) „Поученіе“, стр. 238; *Ивакинъ* „Владиміръ Мономахъ“, стр. 149.

2) *Карамзинъ* „Ист. Государства Россійскаго“, т. II, стр. 49; *Полевой* „Ист. Русс. Народа“, т. II, стр. 305—309; *Костомаровъ* „Русская Ист. въ жизнеописаніяхъ ея главн. дѣятелей“, т. I, стр. 42; *Голубовскій* „Ист. Смоленск. Земли“, стр. 261; *Шмелевъ* „О поученіи Владиміра Мономаха“, стр. 302; *Ляскаронскій* „Владиміръ Мономахъ“, стр. 9.

3) *Погодинъ* „Древн. Русск. Ист.“, т. I, стр. 171; *Соловьевъ* „Ист. Россіи“, т. II, стр. 24; *Его-же* „Ист. отношеній“, стр. 93; *Барсовъ* „Очерки“, стр. 130; *Грушевскій* „Ист. Кіев. Земли“, стр. 80; *Ивакинъ* „Владиміръ Моном. и его поученіе“, стр. 150, 156; *Довнаръ-Запольскій* „Истор. Кривич. и Дрегович. Земли“, стр. 87.

4) *Ивакинъ* „Владиміръ Моном. и его поученіе“, стр. 268; *Шляковъ* „О поученіи Владиміра Моном.“, стр. 31; *Грушевскій* „Ист. Укр. - Руси“, т. II, стр. 79; *Линниченко* „Взаимныя отношенія Руси и Польши“, стр. 115.

наиболѣе были памятны пути именно въ новое его владѣніе¹⁾. Въ поученіи заключается также извѣстіе, разъясняющее подробнѣе, чѣмъ въ Лѣтописи, нѣкоторые факты начала княженія Святослава. Вотъ это мѣсто изъ Поученія: «то и Смолинску идохъ Володимірю. Тое же зимы той посласта Берестию брата на головнѣ, иде бяху пожгли; той ту блюдохъ городъ тѣхъ. Та идохъ Переяславлю отцю, а по Велицѣ дни исъ Переяславля та Володимерю, на Сутейску мира творигъ съ ляхы; оттуда пакы на лѣто Володимерю опять». Предполагаютъ, что король Болеславъ Польскій не сразу отказалъ въ помощи бѣжавшему къ нему Изяславу и двинулся было на Волинское княжество и пожогъ Берестье. Въ походѣ противъ него участвовалъ и Мономахъ, а загѣмъ оберегалъ Волюнь отъ вторженія поляковъ. Наконецъ, по порученію Святослава, онъ заключилъ миръ съ поляками въ Сутейскѣ, послѣ чего король Болеславъ выгналъ отъ себя злополучнаго Изяслава. Такъ понимаютъ это мѣсто многіе изслѣдователи²⁾. Изъ этого можно заключить, что, хотя и въ качествѣ подручнаго князя, ходившаго въ послушаніи у Святослава, Владиміръ уже въ то время являлся дѣятельнымъ участникомъ совершавшихся событій. Какъ извѣстно, Святославъ княжилъ въ Кіевѣ недолго; и за это время отношеніе кіевлянъ къ нему, повидимому, измѣнилось. Даже тонъ Лѣтописи, когда она говоритъ о Святославѣ, замѣтно мѣняется. Правда, лѣтописецъ не можетъ умолчать о нѣкоторыхъ фактахъ, говорящихъ въ пользу Святослава; достаточно сказать, что Св. Θεодосій, первоначально обличавшій его за изгнаніе брата, потомъ примирился съ нимъ и, умирая, именно ему поручилъ свою обитель³⁾. Но въ другихъ мѣстахъ Лѣтописи можно замѣтить

1) „Поученіе“, стр. 238—239.

2) *Линниченко* „Взаимныя отношенія“, стр. 115—117; *Грушевскій* „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 63; *Его-же* „Ист. Кіевск. Земли“, стр. 80—81; *Андріашевъ* „Ист. Волинск. Земли“, стр. 109; *Ивакинъ* „Владиміръ Мономахъ“, стр. 150—152; *Шляковъ* „О поученіи Владим. Моц.“, стр. 7; *Ляскаронскій* „Владиміръ Моном.“, стр. 7—8.

3) „Ипат. Лѣт.“, стр. 131—132; „Лавр. Лѣт.“, стр. 182.

явное недружелюбие къ нему. Особенно ярко оно сказалось въ разсказѣ о германскомъ посольствѣ: здѣсь лѣтописецъ говоритъ о Святославѣ съ прямымъ порицаніемъ¹⁾. Когда онъ умеръ, то не произошло никакихъ безпорядковъ, какъ это часто бывало послѣ смерти нелюбимыхъ князей, но тѣло его увезли и похоронили въ Черниговѣ, точно онъ былъ чужимъ для кievлянъ²⁾. Должно быть, это такъ и было. Князья слишкомъ тѣсно сживались со своими областями, и тѣ въ свою очередь съ ними. Это не были части одного цѣльнаго государства, отданныя въ управленіе тому или другому князю; въ этомъ направленіи дѣйствительно старались дѣйствовать кievскіе князья, стремившіеся къ централизаціи, но не такъ было на дѣлѣ. Волость, земля, чувствовала себя органическимъ цѣлымъ, самобытнымъ и обособленнымъ. Только тѣ князья, которые это понимали или хотябы чувствовали, но во всякомъ случаѣ сливались со своею волостью, были дороги землѣ, и за нихъ она стояла, часто всѣмъ жертвуя. Святославъ былъ, повидимому, любимъ въ Черниговѣ; если онъ ладилъ съ земствомъ Кіева и Новгорода, то тѣмъ болѣе со своимъ стольнымъ городомъ. Не даромъ Черниговъ послѣ его смерти такъ крѣпко держался его сыновей³⁾. Но если Святославъ былъ княземъ Черниговскимъ по преимуществу, то не могъ быть уже любъ кievлянамъ, какимъ-бы хорошимъ правителемъ онъ ни былъ. Поэтому могущество Святослава не имѣло твердой почвы. Черниговъ не могъ ни въ какомъ отношеніи замѣнить собою Кіевъ въ качествѣ базы для централизаціи; онъ не имѣлъ ни того культурнаго, ни того торго-

¹⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 139; „Лаврек. Лѣт.“, стр. 192—193.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 139; „Лавр. Лѣт.“, стр. 193; *Грушевскій* „Ист. Кіевск. Земли“, стр. 86—87; *Багалъй* „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 269, 275; *Голубовскій* „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 80.

³⁾ Любопытно, что въ Любецкомъ Синодикѣ, имѣющемъ немаловажное значеніе въ качествѣ древняго памятника, говорящаго о Черниговскихъ князьяхъ, не помянуты Всеволодъ и Мономахъ. По мнѣнію Зотова, они, какъ не происходящіе отъ Святослава, по понятіямъ составителя, не имѣли права быть помянутыми среди Черниговскихъ князей. (*Зотовъ* „О Черниговскихъ князьяхъ по Любецкому Синодику“, стр. 180).

ваго значенія, какъ Кіевъ. Въ періодъ экономическаго господства Кіева только князь Кіевскій въ собственномъ смыслѣ этого слова, для котораго интересы Кіевской Земли были на самомъ первомъ планѣ, могъ быть главою Русской Земли. Именно по этой причинѣ, а не вслѣдствіе безнравственности Святослава, изгнавшаго брата, какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ проф. Грушевскій, дѣло Святослава кончилось съ его смертью¹⁾. Въ 1076 году Святославъ умеръ, и Всеволодъ занялъ его мѣсто на Кіевскомъ столѣ. Но когда изъ-за границы появился Изяславъ, онъ уступилъ ему Кіевъ безъ боя²⁾. Является вопросъ, почему онъ не могъ удержать за собою Кіева? Могъ же это сдѣлать Святославъ. Почему кіевляне, которымъ совсѣмъ не за что было любить Изяслава, пустили его къ себѣ и не поддержали Всеволода? Очевидно, онъ не пользовался такою популярностью въ населеніи, чтобы могъ на него разсчитывать. Въ княженіе старшихъ братьевъ Всеволодъ все время остается на заднемъ планѣ, во время дѣлежей получаетъ меньше всѣхъ. Въ свое время Изяславъ взялъ себѣ Волынь и Полоцкъ, Святославъ—Новгородъ, Смоленскъ братья подѣлили на три части, такъ что первоначально вся добыча Всеволода ограничивалась третью Смоленска. Можетъ быть и къ Святославу онъ присталъ, разсчитывая, что тотъ долженъ будетъ вознаградить его при удачѣ, въ чемъ и не обманулся. Не будучи въ силахъ удержать за собою Кіевъ, Всеволодъ помирился съ братомъ на обоюдно выгодныхъ условіяхъ. Въ сущности все осталось на Руси по прежнему, только на мѣсто Святослава сталъ Изяславъ, и власть фактически, какъ и раньше, оставалась въ рукахъ двоихъ. Изяславъ взялъ себѣ все, чѣмъ владѣлъ прежде и, хотя вывелъ Олега Святославича изъ Волыни, ничего не взялъ изъ Святославовыхъ областей,—всѣмъ этимъ поживился Всеволодъ. Эту черту Всеволода справедливо подчеркиваетъ проф. Грушевскій, который даетъ ему вырази-

¹⁾ Грушевскій „Ист. Кіевск. Земли“, стр. 87.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 139—140; „Лавр. Лѣт.“, стр. 193.

тельное названіе великаго благопріобрѣтателя. Всеволодъ взялъ себѣ всю Черниговскую волость, кромѣ Тмуторокани, да и то, вѣроятно, потому, что взять ее было очень трудно. Олегъ долженъ былъ жить у него безъ всякой волости, Всеволодъ не далъ ему ничего¹⁾. Нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ, впрочемъ, что Олегу былъ предложенъ Муромъ съ Рязанью, но на это нѣтъ никакихъ указаній въ Лѣтописи, и положеніе его скорѣе походило на почетный плѣнъ; на это, какъ будто, намѣкаетъ Лѣтопись, говоря нѣсколько позже: «бѣжа Олегъ отъ Всеволода»²⁾. Какую роль при этомъ игралъ Владиміръ Мономахъ? Изъ князей, владѣвшихъ Русью въ настоящій моментъ, онъ былъ самый талантливый, самый умный, какъ это показали послѣдующія обстоятельства. Едва достигнувши совершеннолѣтія, онъ дѣлается правою рукою отца. Онъ является необходимымъ участникомъ cadaго событія, его имя мелькаетъ въ Лѣтописи чуть не на каждой страницѣ. Правда, онъ занимаетъ скромное положеніе Смоленскаго князя, но безъ него ничего не обходится. Какъ долженъ онъ былъ отнестись къ несправедливости, причиненной его двоюродному брату, съ которымъ онъ, повидимому, былъ въ дружбѣ (Олегъ крестилъ его двухъ старшихъ сыновей)³⁾? Если даже допустить, что изгойство было дѣйствительно дѣйствующимъ родовымъ учрежденіемъ, то и тогда, по мнѣнію выдающагося защитника родовой теоріи, Соловьева, положеніе Святославичей не давало права считать ихъ изгоями. Во всякомъ случаѣ Всеволоду, помогавшему въ свое время Святославу, было не къ лицу ссылаться на незаконность его поступковъ, и на этомъ основаніи лишать его сыновей вла-

¹⁾ „Лавр. Лѣт.“, стр. 193, 239; „Ипат. Лѣт.“, стр. 140.

²⁾ Шловайскій „Ист. Росс.“, т. I, стр. 120; Соловьевъ „Ист. отношеній“, стр. 93; Бѣловъ „Ист. Россіи“, стр. 42; Грушевскій „Ист. Украин.—Руси“, т. II, стр. 68; Егоровъ „Ист. Кіев. Земли“, стр. 88; „Лавр. Лѣт.“, стр. 193; „Ипат. Лѣт.“, стр. 140; Присяжковъ „Княж. право“, стр. 50, примѣч. 5; Шляковъ „О поученіи“, стр. 17.

³⁾ „Лавр. Лѣт.“, стр. 244, 245; Пвакинъ „Владиміръ Моном. и его поученіе“, стр. 295.

дѣній, да еще въ свою пользу¹⁾. Могъ ли вступиться Мономахъ за Святославичей, мы не знаемъ, но вѣриѣ всего, что онъ не хотѣлъ вступаться. По крайней мѣрѣ, когда его отецъ самъ сѣлъ въ Кіевѣ, а ему отдалъ Черниговъ, онъ и не подумалъ дѣлиться со Святославичами и тѣмъ, по выраженію Сергѣевича, «продолжалъ неправду отца»²⁾. Весь тонъ Лѣтописи, враждебный Святославичамъ и неизмѣнно благопріятный Всеволоду и Владиміру, также говоритъ въ пользу этого мнѣнія. Повѣсть Временныхъ Лѣтъ была переработана Сильвестромъ, игуменомъ Михайловскаго Выдубецкаго монастыря, и въ этомъ переработанномъ видѣ легла въ основу позднѣйшихъ редакцій Лѣтописи. Особенно ярко эта первая редакція Повѣсти выдержана въ Лаврентьевскомъ спискѣ, въ который включено поученіе Мономаха и его письмо къ Олегу³⁾. Выдубецкій монастырь принадлежалъ Всеволоду и остался фамильнымъ монастыремъ его рода⁴⁾. Сильвестръ, его игумень, былъ сдѣланъ, во время великокняженія Владиміра Мономаха, епископомъ Переяславскимъ, т. е. посаженъ въ исконномъ его княжествѣ⁵⁾, и трудъ свой закончилъ въ ту же эпоху. Отсюда понятна благосклонность къ Мономаху и оправданіе всѣхъ его поступковъ; кромѣ того, взгляды и личныя отношенія Мономаха могли при такихъ обстоятельствахъ отразиться на тонѣ Лѣтописи. «Владиміръ Мономахъ по всей вѣроятности не

1) Соловьевъ „Ист. Россіи“, т. II, стр. 27—28, прим. 71; *Его-же* „Ист. отношеній“, ст. 94—95.

2) Сергѣевичъ „Древности Рус. Права“, т. II, стр. 301, 302.

3) Шахматовъ „Розысканія о древнѣйш. русск. лѣтописныхъ сводахъ“, въ Лѣтописи занят. Археог. Комиссіи, т. XX, стр. 1—2; Ключевскій „К. Русс. Ист.“, т. I, стр. 98; Бестужевъ-Рюминъ „Русск. Ист.“, т. I, стр. 21; Соловьевъ „Ист. Россіи“, т. III, стр. 130—131; Иловайскій „Ист. Россіи“, т. I, стр. 178; „Лавр. Лѣт.“, стр. 274; „Никонов. Лѣт.“, стр. 149.

4) „Лавр. Лѣт.“, стр. 169; „Ипат. Лѣт.“, стр. 122; Иловайскій „Ист. Россіи“, т. I, стр. 178.

5) „Лавр. Лѣт.“, стр. 277; „Ипат. Лѣт.“, стр. 206; Голубинскій „Ист. Русской Церкви“, т. I, стр. 566; Иловайскій „Ист. Россіи“, т. I, стр. 182; Вѣловъ „Ист. Россіи“, стр. 53; Ляскаронскій „Ист. Переяслав. Земли“, стр. 476; Максимовичъ „О древней епархіи Переяславской“, собр. соч., т. I, стр. 115.

только поощрялъ составленіе этой Лѣтописи, пишетъ Иловайскій, но можетъ быть и самъ помогаль автору сообщеніемъ свѣдѣній и источниковъ. Этимъ обстоятельствомъ можно, на-примѣръ, объяснить занесеніе въ Лѣтопись его письма къ Олегу Святославичу и Поученія своимъ дѣтямъ»¹⁾. Можно только пожалѣть, что до насъ отъ этого времени не дошла Черниговская Лѣтопись,—она очень помогла бы разобраться въ томъ, что освѣщено лишь съ кievской точки зрѣнія, въ которой по временамъ просвѣчиваетъ точка зрѣнія самого Мономаха. Такимъ образомъ, едва выступивши на арену политической дѣятельности, Владиміръ является, если можно такъ выразиться, съ определенной программой благопріобрѣтателя и централизатора въ духѣ своихъ дядей и отца, къ политикѣ которыхъ онъ могъ присмотрѣться за всю свою молодость. А какъ для такового, для него уже былъ намѣченъ путь въ будущемъ—стремленіе въ Кіевъ.

По возвращеніи Изяслава было предпринято два похода на Полоцкъ; въ обоихъ участвовалъ и Мономахъ. Послѣ послѣдняго, онъ возвратился въ Черниговъ къ отцу съ богатою добычею, такъ что могъ отцу сдѣлать весьма дорогой подарокъ въ 300 гривенъ золота²⁾. Этотъ послѣдній походъ интересенъ тѣмъ, что въ немъ впервые появляются въ роли вспомогательныхъ войскъ половцы. Это—первый случай, когда князья вмѣшиваютъ ихъ въ свои усобицы, и замѣчательно, что ихъ привелъ Мономахъ³⁾. Лѣтопись такъ часто упрекаетъ противника Мономаха, Олега, за то, что онъ пользовался половцами, вмѣняя эгозму въ тяжкое преступленіе, что кажется даже невѣроятнымъ, чтобы

¹⁾ *Иловайскій* „Ист. Россіи“, т. 1, стр. 179—180.

²⁾ „Лавр. Лѣт.“, стр. 239; Ивакинъ теряется въ догадкахъ, откуда Мономахъ могъ взять такую сумму, когда ежегодный доходъ со Смоленскаго княжества не достигалъ такой величины („Влад. Моном.“, стр. 166). Да и съ какой стати отдасть-бы Мономахъ, хотя-бы и отцу, доходъ за цѣлый годъ со своей волости? Просто Ивакинъ не хочетъ допустить что это была добыча.

³⁾ „Лавр. Лѣт.“, стр. 239.

его идеализированный врагъ могъ прибѣгать къ тѣмъ же средствамъ. Еще удивительнѣе тотъ спокойный тонъ, какимъ дѣлаетъ это признаніе самъ Владиміръ, при этомъ въ Поученіи, которое онъ предназначалъ для назиданія своихъ дѣтей. Карамзинъ и Иловайскій прямо не говорятъ объ этомъ; Соловьевъ говоритъ объ этомъ событіи вскользь, какъ бы нѣсколько стѣсняясь этого факта¹⁾. Ивакинъ въ своемъ специальномъ изслѣдованіи о Поученіи Мономаха всячески старается оправдать его²⁾. Но фактъ остается фактомъ: «сколько намъ извѣстно, первый показавшій имъ (т.-е. половцамъ) эту дорогу—былъ Владиміръ Мономахъ», пишетъ Костомаровъ³⁾. Замѣчательно, что онъ и не думаетъ объяснять или оправдывать свой поступокъ, должно быть, потому, что онъ казался ему простымъ и естественнымъ. Русскіе князья имѣли обыкновеніе приглашать къ себѣ на помощь кочевниковъ-сосѣдей. Прежде такія услуги оказывали печенѣги и торки, позднѣе—татары⁴⁾; это было обычаемъ времени. Правда, половцы жгли и грабили, но безъ нихъ трудно было обойтись съ одною дружиною, а народное ополченіе земства далеко не всегда выступало. Во всякомъ случаѣ этотъ фактъ указываетъ лишній разъ пристрастіе Лѣтописи къ Мономаху, такъ какъ, не обвиняя за это Мономаха, она за тоже самое обрушивается на Олега. Возвратившись изъ похода, Владиміръ задалъ въ Черниговѣ пиръ своему отцу, при чемъ былъ приглашенъ и Олегъ. Интересно по этому поводу замѣчаніе, повидимому, нечаянно вырвавшееся у Карамзина, нечаянно потому, что идетъ въ разрѣзъ съ его преклоненіемъ передъ Мономахомъ: «сей Олегъ не могъ быть обольщенъ ласками дяди и брата»⁵⁾. Слѣдовательно, ему показалось, что въ

¹⁾ Соловьевъ „Ист. Россіи“, т. II, стр. 23.

²⁾ Ивакинъ „Владим. Моном. и его поученіе“, стр. 157.

³⁾ Костомаровъ „Русск. Ист. въ жизнеопис. ея главнѣйш. дѣятелей“, т. I, стр. 44.

⁴⁾ Голубовскій „Печенѣги, Торки и Половцы“, стр. 72, 167—169, 172, 176.

⁵⁾ Карамзинъ „Ист. Госуд. Россійск.“, т. II, стр. 49.

данномъ случаѣ хотѣли обольстить Олега. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что, разставшись съ Мономахомъ въ Полоцкой землѣ, Святополкъ Изяславичъ двинулся оттуда подъ Новгородъ¹⁾, гдѣ еще княжилъ старшій братъ Олега, Глѣбъ; поэтому самого Олега слѣдовало особенно придержать въ Черниговѣ. Какъ бы то ни было, но послѣдній предпочелъ этимъ пирамъ бѣгство въ Тмутаракань къ брату Роману²⁾. Теперь Русь была почти точно раздѣлена пополамъ: одной половиной владѣлъ Изяславъ съ сыновьями, другою Всеволодъ съ Владиміромъ. Но большіе торговые города, прежде всѣхъ Черниговъ, не хотѣли подчиниться своей участи; они хотѣли жить самобытно, имѣть своихъ князей. Претендентовъ было сколько угодно въ лицѣ князей-изгоевъ. Одновременно съ миромъ, который заключили между собою Изяславъ и Всеволодъ, Черниговъ принялъ къ себѣ Бориса Вячеславича, должно быть, потому, что Святославичи были въ этотъ моментъ далеко отъ Сѣверской земли³⁾. Но Борисъ пробылъ тамъ всего восемь дней и бѣжалъ при приближеніи дядей⁴⁾. Однако черниговцы не оставляли своихъ намѣреній. Старшій сынъ Святослава, Глѣбъ, былъ убитъ гдѣ-то въ Заволочьѣ и похороненъ въ Черниговѣ у св. Спаса⁵⁾; въ слѣдующемъ-же мѣсяцѣ недалеко отъ Чернигова появился другой Святославичъ, Олегъ, съ Борисомъ Вячеславичемъ. На р. Сожицѣ Всеволодъ былъ ими разбитъ и бѣжалъ, но не въ Черниговъ, на жителей котораго, очевидно, не надѣялся, а въ Кіевъ къ Изяславу. Собравши дружину и даже земскія ополченія (вои), братья пошли на Чер-

¹⁾ „Лавр. Лѣт.“, стр. 239.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 140; „Лавр. Лѣт.“, стр. 193, 239.

³⁾ Голубовскій „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 82.

⁴⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 140; „Лавр. Лѣт.“, стр. 193.

⁵⁾ Обстоятельства, при которыхъ погибъ Глѣбъ—неизвѣстны. Длугошъ говоритъ, что онъ „a suis nequiter occiso“. Если эту фразу сопоставить съ извѣстіемъ Поученія о походѣ Святополка подъ Новгородъ, то, можетъ быть, до извѣстной степени обрисуетъ картина его смерти. (Длугошъ, стр. 136).

ниговъ¹⁾. Въ Переяславлѣ съ отцомъ соединился Владиміръ, спѣшно прѣхавшій къ нему на помощь, пробиваясь черезъ половецѣ²⁾. Затѣмъ всѣ вчетверомъ (съ Изяславомъ былъ сынъ его Ярополкъ) двинулись далѣе. Тотъ фактъ, что въ этой усобицѣ участвовало земское ополченіе, показываетъ, что кievлянамъ былъ пріятенъ этотъ походъ на Черниговъ. Затѣмъ Мономахъ осадилъ городъ. По крайней мѣрѣ онъ былъ самымъ ревностнымъ изъ осаждающихъ, такъ какъ Лѣтопись при этомъ случаѣ упоминаетъ его одного, хотя тамъ были и старшіе князья. При этой осадѣ обнаружилась любовь черниговцевъ къ Олегу; они заперлись и не хотѣли сдаваться, хотя, повидимому, князья Олегъ и Борисъ вышли изъ города и дали своимъ дядямъ битву въ открытомъ полѣ, на урочищѣ Нежатиной нивѣ³⁾. Въ данномъ случаѣ проявилось именно отстаиваніе отдѣльной землею «своихъ» излюбленныхъ князей. Привязанность и вѣрность Чернигова Олегу признаетъ и отмѣчаетъ цѣлый рядъ изслѣдователей⁴⁾. Между тѣмъ битва на Нежатиной нивѣ была проиграна Олегомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ было проиграно дѣло Чернигова.

1) „Ипат. Лѣт.“, стр. 140—141; „Лавр. Лѣт.“, стр. 193—195; *Соловьевъ* „Ист. Россіи“, т. I, стр. 25; *Грушевскій* „Ист. Кіев. Земли“, стр. 89—видятъ въ „вояхъ“ ополченіе.

2) „Лавр. Лѣт.“, стр. 239.

3) Интересныя соображенія, гдѣ нужно искать эту ниву, даетъ Лилеевъ въ своемъ докладѣ, читанномъ въ О-вѣ Нестора Лѣтописца. Онъ полагаетъ, что это урочище находилось въ Переяславской землѣ и при томъ у рѣки (Десны или Остра), такъ какъ тѣло Изяслава съ мѣста битвы везли въ Кіевъ въ лодкѣ. Въ частности авторъ допускаетъ сопоставленіе этого урочища съ такъ называемсю Полянскою могилою, предполагая, что въ силу племенной розни полянъ и сѣверянъ, подобное названіе могло сохраниться за мѣстомъ, гдѣ пали полянскій князь и многіе изъ его дружины. (Чтенія Общ. Нестора Лѣтописца, кн. XIII).

4) *Карамзинъ* „Ист. Госуд. Росс.“, т. II, стр. 50; *Иловайскій* „Ист. Россіи“, т. I, стр. 131; *Соловьевъ* „Ист. Росс.“, т. II, стр. 25; *Костомаровъ* „Русск. Ист. въ жизнеопис. ея главнѣйш. дѣятелей“, т. I, стр. 44; *Вильяевъ* „Судьбы Земщины“, стр. 46; *Присяжковъ* „Княж. Право“, стр. 49, 51; *Грушевскій* „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 70; *Багалъй* „Русск. Ист.“, в. I, стр. 161, 179; *Его-же* „Истор. Сѣверск. Земли“, стр. 168, 277; *Голубовскій* „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 83—84; *Лашинковъ* „Владим. Моном. и его время“, стр. 763.

Борисъ былъ убитъ, Олегъ бѣжалъ въ Тмутаракань, а Всеволодъ, послѣ смерти Изяслава, погибшаго въ той же битвѣ, сѣлъ на великокняжескій столъ и, по выраженію Лѣтописи, «переемъ всю власть русскую»¹⁾. Фактически онъ дѣйствительно былъ господиномъ на Руси. Кромѣ Волыни съ Туровымъ, которые онъ отдалъ Ярополку Изяславичу, да Новгорода, гдѣ попрежнему княжилъ Святополкъ, вся Русь была въ его рукахъ. Въ Черниговѣ онъ посадилъ своего сына Мономаха, довѣривши ему такимъ образомъ самый важный и отвѣтственный постъ²⁾. Образованный, начитанный, повидимому, умный, любимый отцомъ и духовенствомъ за набожность, Всеволодъ всегда умѣлъ вести свою линію и соблюдать свои интересы, при томъ неособенно брезгуя средствами, и, наконецъ, достигъ дѣйствительно господствующаго положенія. Но при всемъ томъ Всеволодъ не былъ выдающимся дѣятелемъ, и его карьера, если можно такъ выразиться, всегда зависѣла отъ другихъ людей. Первый шагъ къ расширенію своихъ владѣній на счетъ братіи онъ сдѣлалъ, примкнувъ къ Святославу противъ Изяслава; второй—примкнувъ къ Изяславу противъ дѣтей Святослава. Осторожный и не слишкомъ воинственный, Всеволодъ никогда не рисковалъ и потому выигрывалъ понемногу, но вѣрно. За то его личность всегда заслонялась другими: сначала—братьями, а потомъ—сыномъ³⁾. Владиміръ Мономахъ унаслѣдовалъ всѣ качества своего отца, но, сверхъ того, обладалъ смѣлостью, энергіей, воинскимъ дарованіемъ и, главное, большею широтою ума. «Трудно опредѣлить, что въ результатѣ нужно приписать Всеволоду и что его правой рукѣ, Мономаху», говоритъ проф. Грушевскій⁴⁾. Трудно также сказать, насколько была сознательна, повидимому,

¹⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 140—143; „Лавр. Лѣт.“, стр. 195—197.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 143; „Лавр. Лѣт.“, стр. 198.

³⁾ См. мнѣнія о Всеволодѣ у *Лаптюкова* „Владим. Моном. и его время“, стр. 742, 743; у проф. *Грушевскаго* „Ист. Кіевск. Земли“, стр. 91, 95—96.

⁴⁾ *Грушевскій* „Ист. Кіевск. Земли“, стр. 96; *Его-же* „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 72, 80; *Багалъй* „Ист. Россіи“, в. I, стр. 155.

последовательная, политика централизации и собиранія волостей въ своихъ рукахъ, которая красною нитью проходитъ черезъ дѣйствія отца и сына. Нѣтъ ни одного кievскаго князя, который бы и ранѣе не «собиралъ» Руси. Но это собираніе походило на Сизифову работу: собранное отцемъ распадалось при сыновьяхъ. Поэтому подобныя стремленія должны были имѣть въ то время свой особый характеръ: удѣльная, областная система вытекала изъ самой жизни и разрушить ее едва ли даже приходило въ голову князьямъ того времени. Но превратить удѣльныхъ князей въ своихъ подручниковъ—объ этомъ могъ мечтать сильный кievскій князь, при условіи, конечно, что онъ чувствовалъ твердую опору въ Кіевѣ, иначе говоря, былъ тамъ излюбленнымъ княземъ. Всеволодъ, т.-е. другими словами, Мономахъ, и старался провести въ жизнь эту политику. Поэтому-то «въ правительственной дѣятельности Мономаха подъ патриархальными формами нельзя не видѣть зародышей самодержавія»¹⁾. За все время княженія Всеволода онъ самолично выступаетъ раза два—три. Всѣ походы противъ половцевъ и безпокойной родни совершаетъ Мономахъ; всѣ догооворы заключаетъ онъ же; всѣ побѣды одерживаетъ опять таки онъ. Къ этому надо прибавить, что Всеволодъ подъ старость опустилсѧ и забросилъ дѣла²⁾. Владиміръ могъ направлять отцовскую политику и, по-видимому, такъ и дѣлалъ. Дѣлать власть ему было не съ кѣмъ: судьба дала ему еще одно большое преимущество тѣмъ, что у него былъ всего одинъ братъ и при томъ гораздо моложе его. Едва Мономахъ вокняжилсѧ въ Черниговѣ, какъ ему пришлось оставить весьма спѣшно свой новый столъ и «о двою коню» (т.-е. съ запасными лошадьми для скорости) гнаться за Всеславомъ, который «обжегъ» его Смоленскъ, вѣроятно, въ отместку за разграбленіе Мономахомъ Минска. Всеслава Владиміръ не засталъ, но за то разграбилъ и пожегъ его землю до Друтска³⁾.

¹⁾ *Лаинлюковъ* „Владим. Моном. и его время“, стр. 742, 743.

²⁾ „Лавр. Лѣт.“, стр. 209; „Ипат. Лѣт.“, стр. 151.

³⁾ „Лавр. Лѣт.“, стр. 239.

Зимою того же 1078-го года онъ одержалъ побѣду надъ половцами, которые разграбили Стародубъ, и отнялъ всю ихъ добычу. Союзниками его въ этомъ походѣ были также половцы, вѣроятно, какое нибудь ихъ колѣно, враждебное нападавшимъ¹⁾. Вообще, въ этотъ періодъ своей жизни Мономаху приходилось постоянно воевать съ половцами. Нельзя не удивляться той энергіи, съ какою онъ леталъ изъ одного конца Руси въ другой, появляясь то у Полоцка, то на границѣ Польши, то въ Черниговѣ, то на Волыни, всюду закрѣпляя свое преобладаніе, а въ промежуткахъ гонялся за половцами, разбивалъ ихъ, отнималъ награбленный полонъ. Недаромъ такъ гордился Мономахъ своими «путями», и немудрено, что ему иногда приходилось переѣзжать разстояніе отъ Чернигова до Кіева въ промежутокъ времени отъ утра до вечерни²⁾. Въ 1079 году Всеволодъ и Мономахъ освободились отъ одного опаснаго врага: Романъ Святославичъ двинулся съ половцами на Черниговъ изъ Тмутараканя, но Всеволодъ заключилъ съ ними миръ, давъ имъ, очевидно, больше, чѣмъ пообѣщалъ Романъ. Половцы не захотѣли итти дальше и убили Романа. «И суть кости его и до сего лѣта тамо лежаче, сына Святославля, внука Ярославля». Въ этой фразѣ лѣтописи какъ будто чувствуются невольное сожалѣніе и симпатія къ Роману. Въ то-же время Олегъ, оставшійся дома, былъ схваченъ какими-то хозарами и отвезенъ въ ссылку въ Византію. Что это дѣло не обошлось безъ поощренія изъ Кіева, видно изъ того, что вслѣдъ за ссылкой Олега въ Тмутаракани появляется посадникъ Всеволода, Ратиборъ³⁾. Кромѣ того, это не могло быть совершено безъ согла-

1) „Лавр. Лѣт.“, стр. 239; *Ивакинъ* „Владим. Моном. и его поученіе“, стр. 168—169.

2) „Лавр. Лѣт.“, стр. 241; *Ивакинъ* „Владим. Моном. и его поученіе“, стр. 266,—доказываетъ возможность такого переѣзда.

3) „Ипат. Лѣт.“, стр. 143; „Лавр. Лѣт.“, стр. 198; „Ермол. Лѣт.“, стр. 24; „Воскрес. Лѣт.“, стр. 3; „Никон. Лѣт.“, стр. 109—110; „Тверск. Лѣт.“, стр. 175; „Софійск. I-ой Лѣт.“, стр. 148.—Извѣстія позднѣйшихъ сводовъ въ данномъ случаѣ интересны тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ ни слова объ

сія византійскаго императора, а онъ находился въ родствѣ съ Всеволодомъ¹⁾. Но желанныхъ результатовъ это событіе не повлекло за собою. Спустя годъ, въ теченіе котораго Владиміръ одержалъ большую побѣду надъ торками²⁾, два изгоя, Давидъ Игоревичъ и Володаръ Ростиславичъ, бѣжали въ Тмутаракань и выгнали кіевскаго посадника, а еще черезъ годъ возвратился Олегъ и сѣлъ самъ въ Тмутаракани³⁾. Правда, послѣ этого онъ сидѣлъ тамъ тихо въ продолженіи десяти лѣтъ, но окончательно избавиться отъ него не удалось также, какъ и приобрести Тмутаракань. Не прекращались безпокойства и съ другой стороны. Особенно былъ безпокоенъ для Мономаха 1084-й годъ. Ему пришлось усмирять вятичей, возставшихъ подъ предводительствомъ Ходота и его сына и отстаивавшихъ, вѣроятно, свою племенную самобытность⁴⁾. Въ то же время начались недоразумѣнія на Волыни съ Ярополкомъ. Два оставшіеся на Руси Ростиславича—Василько и Рюрикъ, бѣжали отъ Ярополка, у котораго, повидимому, жили, затѣмъ напали на Волынь и принудили его самого бѣжать въ Польшу⁵⁾. Лѣтопись говоритъ дальше, что Мономахъ прогналъ Ростиславичей и возстановилъ Ярополка на Волыни, но, судя по Поученію, дѣло было сложнѣе. Мономахъ говоритъ, что гнался за Ростиславичихъ загадочныхъ хозарахъ, и посаженіе Ратибора ставится въ непосредственную связь съ заточеніемъ Олега. Интересна въ связи съ этимъ одна находка въ Керченскомъ градоначальствѣ—печать XI вѣка съ надписью „отъ Ратибора“. (Труды III Археолог. Съѣзда, в. II, статья Люценко, стр. 165—169; ср. также Орѣшникова „Матеріалы для русской сфрагистики“).

¹⁾ Соловьевъ „Ист. Росс.“, т. II; стр. 28, Бѣловъ „Ист. Росс.“, стр. 45; Вагальй „Русск. Ист.“, т. 1, стр. 168—169, 172; Голубовскій „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 86—87; Прѣсняковъ „Княж. Право“, стр. 50, прим. 5; Грушевскій „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 72; Лашнюковъ „Владиміръ Моном. и его время“, стр. 739—740.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 143; „Лавр. Лѣт.“, стр. 198.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ „Лавр. Лѣт.“, стр. 239; Ивакинъ „Владим. Моном. и его поученіе“, стр. 169—170; Голубовскій „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 88, 89; Линниченко „Вѣче въ Кіевск. области“, стр. 6.

⁵⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 144; „Лавр. Лѣт.“, стр. 198—199; Андрияшевъ „Ист. Волын. Земли“, стр. 110—111.

чами, но безуспѣшно¹⁾, а потомъ видѣлся съ Ярополкомъ на Бродахъ; далѣе онъ рассказываетъ о своей побѣдѣ надъ половцами и потомъ опять о свиданіи на Бродахъ, при чемъ они «любовь великую сотворили»²⁾. Такимъ образомъ свиданій на Бродахъ было два; изъ нихъ второе предшествовало возстановленію Ярополка, слѣдовательно, первое было безрезультатно³⁾. Можно предположить, что Мономахъ обѣщаль помощь двоюродному брату только на извѣстныхъ условіяхъ. Какія же это могли быть условія, если Ярополкъ сначала, несмотря на свое тяжелое положеніе, не согласился на нихъ при первомъ свиданіи? «Какъ кажется, пишетъ Барсовъ, возвращеніе на Русь и свой удѣльный столъ онъ долженъ былъ купить дорогою цѣною—уступкою Ростиславичамъ западной части Володимірскихъ владѣній»⁴⁾. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что, какъ видно изъ послѣдующихъ событій, Ростиславичи утвердились въ Галицкой землѣ именно съ этого времени и съ позволенія Всеволода⁵⁾. Храбрые и настойчивые, они внушали страхъ Всеволоду своими постоянными притязаніями, и, когда они захватили Воынь, рѣшено было дать имъ какую нибудь волость. Но Всеволодъ съ Мономахомъ не хотѣли ничего уступить изъ своихъ собственныхъ волостей, а порѣшили, очевидно, наградить Ростиславичей за счетъ Ярополка. Только тогда, когда Ярополкъ увидѣлъ, что его оставляютъ на произволъ судьбы безъ помощи, онъ сми-

¹⁾ Въ „Лавр. Лѣт.“ неправильно поставлено „за Изяславичи“, см. Соловьевъ „Ист. Росс.“, т. II, стр. 29, прим. 78; Ивакинъ „Влад. Моном. и его поученіе“, стр. 170—171.

²⁾ „Лавр. Лѣт.“, стр. 239.

³⁾ Соловьевъ „Ист. Росс.“, т. II, стр. 29; Ивакинъ „Владим. Моном. и его поученіе“, стр. 172.

⁴⁾ Барсовъ „Очерки русс. ист. географіи“, стр. 106.

⁵⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 167; „Лавр. Лѣт.“, стр. 247; Погодинъ „Древн. русс. ист.“, т. I, стр. 173; Полевой „Ист. русск. народа“, т. II стр. 319; Соловьевъ „Ист. Россіи“, т. II, стр. 29; Грушевскій „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 74, 409; Его-же „Ист. Кіев. Земли“, стр. 92; Андрияшевъ „Ист. Воыньск. Земли“, стр. 111; Ивановъ „Ист. Воыньск. Земли“, стр. 121; Лонгиновъ „Червенскіе города“, стр. 99; Линниченко „Взаимныя отношенія Руси и Польши“, стр. 120.

рился, и тогда-то они и сотворили великую любовь съ Мономахомъ, послѣ чего Владиміръ водворилъ его на Волыни. Такимъ образомъ Всеволодъ остался въ выигрышѣ: правда, онъ надѣлилъ Ростиславичей, но за то ослабилъ Ярополка, а самъ не поступился ничѣмъ. Въ томъ же году Давидъ Игоревичъ ограбилъ Олешье, служившее, по всей вѣроятности, портомъ для морской торговли Кіева¹⁾, и находившихся тамъ купцовъ. Торговые интересы были всегда очень дороги князьямъ, и грабежъ Олешья былъ для Кіева, вѣроятно, очень чувствительнымъ. Всеволодъ тотчасъ же уступилъ и далъ Давиду Дорогобужъ, опять таки въ области Ярополка. На этотъ разъ терпѣніе послѣдняго лопнуло, и онъ двинулся войною на дядю²⁾, по совѣту «злыхъ совѣтниковъ», какъ увѣряетъ лѣтописецъ. Но его постигла неудача: Мономахъ моментально появился на Волыни и выгналъ Ярополка, который снова бѣжалъ въ Польшу. Владиміръ же взялъ въ плѣнъ его мать и жену, а имѣніе его пограбилъ, «имѣніа его возьмъ», говоритъ Ипатьевская лѣтопись, «имѣніа его возьмъ много», добавляетъ Никоновская. Во Владимірѣ былъ посаженъ Давидъ Игоревичъ³⁾. Черезъ годъ Ярополкъ смирился, просилъ о мирѣ и получилъ обратно Волынь, но съ прежними урѣзками. Въ 1087 году онъ рѣшился, повидимому, расправиться самъ съ Ростиславичами, но на дорогѣ былъ заколотъ наемнымъ убійцей⁴⁾, который бѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику Ростиславичу, чѣмъ обличилъ послѣдняго⁵⁾. Хотя въ Кіевѣ Ярополку были

¹⁾ *Грушевскій* „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 517—518.

²⁾ *Соловьевъ* „Ист. Росс.“, т. II, стр. 29; *Полевой* „Ист. Русс. народа“, т. II, стр. 319; *Соловьевъ* „Исторія отношеній“, стр. 101; *Грушевскій* „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 364; *Андріашевъ* „Ист. Волын. Земли“, стр. 111; *Ивановъ* „Ист. Волыиск. Земли“, стр. 121; *Барсовъ* „Очерки“, стр. 108; *Линниченко* „Взаимныя отнош. Руси и Польши“, стр. 129; *Лашиноковъ* „Владим. Моном. и его время“, стр. 740; *Въловъ* „Ист. Россіи“, стр. 46; *Присяжковъ* „Княж. Право“, стр. 53; *Ляскоронскій* „Владим. Моном.“, стр. 14.

³⁾ „Лавр. Лѣт.“, стр. 199; „Ипат. Лѣт.“, стр. 144; „Никонове. Лѣт.“, стр. 114.

⁴⁾ „Лавр. Лѣт.“, стр. 199—120; „Ипат. Лѣт.“, стр. 145.

⁵⁾ *Соловьевъ* „Ист. Росс.“, т. II, стр. стр. 31.

устроены торжественныя похороны, но едва ли его смерть была слишкомъ непріятна Всеволоду и Мономаху; по крайней мѣрѣ Рюрикъ остался ненаказаннымъ, хотя Всеволодъ и ходилъ въ томъ же году къ Перемышлю¹⁾. Къ тому же, по весьма вѣроятному предположенію проф. Грушевскаго, Всеволодъ тогда же взялъ себѣ Погорину²⁾. Такимъ образомъ всѣ выгоды отъ смерти Ярополка получилъ только кіевскій князь. Святополку Изяславичу дали Туровъ, а на мѣсто его въ Новгородѣ посадили сына Мономаха, Мстислава³⁾. Такимъ образомъ за семьею Изяслава остался одинъ Туровъ, а Волынь отдали Давиду Игоревичу. Волынь раздѣлилась на двѣ части и потому ослабѣла; все остальное принадлежало Всеволоду и Мономаху. Полоцкъ, хотя и оставался самостоятельнымъ, былъ ослабленъ двумя походами Мономаха, особенно вторымъ, въ 1084 г., сопровождавшимся жестокими опустошеніями. По выраженію Мономаха, онъ на этотъ разъ не оставилъ въ Минскѣ «ни челядины, ни скотины». Достойно замѣчанія, что этотъ походъ онъ совершилъ опять въ союзѣ съ половцами⁴⁾. На ряду со всѣми этими событіями Мономахъ не оставлялъ борьбы со степью. Съ 1084 г. и до смерти отца онъ совершилъ цѣлый рядъ походовъ на половцевъ и одержалъ много побѣдъ. Нѣкоторые изъ нихъ были предприняты для безопасности черниговскаго княжества (Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскъ⁵⁾), другіе—въ предѣлахъ кіевской земли (Красно, Святославль, Торческъ, Юрьевъ)⁶⁾ и переяславскаго княжества

¹⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 145.

²⁾ Грушевскій „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 77.

³⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 145; „Лавр. Лѣт.“, стр. 265—266; „Новгор. Г-я Лѣт.“, стр. 67, 439.

⁴⁾ „Лавр. Лѣт.“, стр. 239; Данилевичъ „Ист. Полоцк. Земли“, стр. 69—70.

⁵⁾ Барсовъ „Очерки“, стр. 147, 190; Его-же „Матеріалы для историко-геогр. словаря Россіи“, стр. 173; Багалъй „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 158; Ивакинъ „Владим. Моном. и его поученіе“, стр. 168.

⁶⁾ Барсовъ „Очерки“, стр. 145; Его-же „Матеріалы“, стр. 199, 219, 107, 183; Грушевскій „Ист. Кіевск. Земли“, стр. 27, 29, 33, 36; Ивакинъ „Владим. Моном. и его поученіе“, стр. 179, 182.

(Хороль, Горошинъ, Прилуки, Бѣлая Вѣжа, Варинъ)¹⁾. Борьба съ половцами была для Руси дѣломъ насущной потребности, дѣломъ національнымъ; недалеко уже было то время, когда на нее стали смотрѣть, какъ на дѣло Божіе²⁾. Потому побѣды надъ степняками, несомнѣнно, весьма способствовали популярности Мономаха на Руси. Когда въ 1093 г. умеръ Всеволодъ, Владиміру было уже 40 лѣтъ; его характеръ, стремленія, способности ясно опредѣлились. Онъ былъ первымъ между русскими князьями, какъ по своему авторитету, такъ и по своимъ владѣніямъ. Онъ показалъ себя дальновиднымъ политикомъ и искуснымъ полководцемъ, много боровшимся за Русь съ погаными. Кромѣ того, онъ владѣлъ княжествами: сѣверскимъ, переяславскимъ, смоленскимъ, ростовскимъ и новгородскимъ, соединенными въ рукахъ его и его сыновей. Казалось бы, такъ легко и просто было для него занять Кіевъ послѣ смерти отца: что значилъ со своимъ старшинствомъ Святополкъ Изяславичъ, когда онъ владѣлъ только однимъ Туровомъ! Между тѣмъ Владиміръ самъ послалъ звать его въ Кіевъ на великокняжескій столъ. Лѣтопись приводитъ по этому поводу думы Мономаха: «аще язъ сяду на столъ отца, то имамъ рать со Святополкомъ узяти, яко то есть столъ отца его преже былъ»³⁾. Едва ли можно было бояться рати при такомъ неравенствѣ силъ. Если же дѣло шло объ уваженіи старѣйшинства, то въ послѣдствіи Момахъ показалъ, какъ мало оно для него значило. Слѣдовательно, у него были другія причины. Эти причины, можетъ быть, заключаются въ томъ, что Владиміръ еще не сумѣлъ сдѣлаться «излюбленнымъ» княземъ для кіевлянъ. Въ популярности его, какъ говоритъ проф. Грушевскій, чего-то не

¹⁾ Барсовъ „Очерки“, стр. 166; *Его-же* „Матерьялы“, стр. 18, 58, 168, 200; Ласкоронскій „Ист. Переясл. Земли“, стр. 176, 185, 197; Пвакинъ „Владим. Моном. и его поученіе“, стр. 176, 182; Арцыбашевъ „Повѣств. о Россіи“, т. I, стр. 34—35, прим. 202, 214.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 193; „Лавр. Лѣт.“, 273—274.

³⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 152; „Лавр. Лѣт.“, стр. 210.

хватало¹⁾. Почти все время княженія своего отца въ Кіевѣ онъ провелъ въ походахъ и разъѣздахъ, пересѣкая Русь по всѣмъ направленіямъ. Между тѣмъ Всеволодъ раздражалъ кіевлянъ, отдавая во всемъ предпочтеніе своей переяславской дружинѣ передъ кіевской²⁾, тѣмъ болѣе, что позволялъ ей совершать несправедливости и насилія³⁾. «Народныя жалобы на ихъ грабежи и неправды проникли въ самую лѣтопись, обыкновенно столь благосклонную къ дому Мономаха»⁴⁾. Изъ Поученія Мономаха видно, что въ этомъ отношеніи онъ не походилъ на отца, творилъ судъ всегда самъ и стремился недопускать несправедливостей. Однако, съ этой именно стороны онъ могъ быть и неизвѣстенъ кіевскому населенію. Наоборотъ, недовольство отцомъ могло отчасти перейти и на сына. Кіевляне были недовольны, что ихъ земля оскудѣла отъ ратей и продажъ⁵⁾, а виновникомъ этихъ многочисленныхъ ратей въ значительной мѣрѣ былъ Момахъ. Очевидно, его побѣды не внушали еще того восторженнаго отношенія, какъ впоследствии; для этого нужны были походы 1103-го и 1111-го годовъ. Такимъ образомъ Владиміръ едва ли могъ положиться на кіевлянъ. Здѣсь любили Ярополка, да и у Святополка была своя партія⁶⁾: его приняли съ радостью⁷⁾. Не было у Мономаха опоры и въ сѣверской землѣ—Вятичи смирились только послѣ двукратнаго похода, а Черниговъ въ томъ же году принялъ къ себѣ Олега Святославича. Предвидѣть этого Момахъ, конечно, не могъ, но, какъ проницательный политикъ, онъ могъ учитывать настроеніе

¹⁾ Грушевскій „Ист. Кіевск. Земли“, стр. 97; Его-же „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 82.

²⁾ Соловьевъ „Ист. Росс.“, т. II, стр. 33; Его-же „Ист. отношеній“, стр. 96—98; Бестужевъ-Рюминъ „Русск. Ист.“, т. I, стр. 165; Грушевскій „Ист. Кіев. Земли“, стр. 95.

³⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 151; „Лавр. Лѣт.“, стр. 200.

⁴⁾ Пловайскій „Ист. Росс.“, т. I, стр. 122—123.

⁵⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 152; „Лавр. Лѣт.“, стр. 211.

⁶⁾ Костомаровъ „Русск. Ист. въ жизнеоп. ея главнѣйш. дѣятелей“ т. I, стр. 44; Грушевскій „Ист. Кіев. Земли“, стр. 97.

⁷⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 152; „Лавр. Лѣт.“, стр. 210.

населенія. И такъ онъ «самъ» позвалъ Святополка въ Кіевъ, оттѣнивъ свое благоразуміе пріятной окраской братолюбія и великодушія, что было очень полезно для расположенія въ свою пользу общественнаго мнѣнія. Къ тому же Святополкъ не былъ такою личностью, которая могла бы ему заступить дорогу, и Мономахъ все таки оставался первымъ челоуѣкомъ на Руси. Нѣкоторые ученые думаютъ, что размышленія Мономаха были вызваны приглашеніемъ его на столъ кіевлянами¹⁾. Но въ лѣтописи, при томъ расположенной къ нему, нѣтъ о такомъ приглашеніи ни слова; такимъ образомъ эта догадка основывается на лестной для Мономаха оцѣнкѣ его характера и только.

Первое, что сдѣлалъ Святополкъ въ качествѣ великаго князя, было большою неосторожностью: онъ велѣлъ посадить въ тюрьму половецкихъ пословъ, явившихся договариваться о мирѣ послѣ смерти Всеволода. Слѣдствіемъ этого поступка была осада половцами Торческа²⁾. Побуждаемый «смысленными мужами», Святополкъ обратился за помощью къ Мономаху. Тотъ явился, и у нихъ произошло свиданіе въ Выдубецкомъ монастырѣ. О чемъ они договаривались—неизвѣстно. Сергѣевичъ думалъ, что о волостяхъ, такъ какъ Владиміръ, повидимому, пошелъ въ походъ неохотно и, можетъ быть, не хотѣлъ даромъ помогать брату³⁾. Въ результатѣ они такъ поссорились, что тѣмъ-же мужамъ смысленнымъ пришлось убѣждать ихъ обоихъ оставить свои распри до другого времени и идти противъ половцевъ⁴⁾. Наконецъ, князья выступили и, несмотря на благоразумные совѣты Владиміра, подъ вліяніемъ кіевлянъ, жаждавшихъ боя, Святополкъ рѣшилъ дать битву, перейдя Стугну недалеко отъ

¹⁾ Соловьевъ „Ист. Росс.“, т. II, стр. 38, прим. 94; Егоровъ „Истор. отношеній“, стр. 106; Бестужевъ-Рюминъ „Русск. Ист.“, т. I, стр. 165; Шловайскій „Ист. Росс.“, т. I, стр. 123; Линниченко „Вѣче въ Кіевск. области“, стр. 24; Бѣловъ „Ист. Россіи“, стр. 47; Брокг. и Евфронъ Энциклопед. Словарь статья „Владим. Моном.“, т. X, стр. 930 (Новое изданіе).

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 152; „Лавр. Лѣт.“, стр. 211.

³⁾ Сергѣевичъ „Древности Русс. Права“, т. II, стр. 223—224.

⁴⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 153; „Лавр. Лѣт.“, стр. 211—212.

Треполя. Дѣло окончилось полнымъ пораженіемъ князей. Сначала побѣжали Кіевскія ополченія, потомъ Святополкъ съ дружиной и, наконецъ, Мономахъ съ братомъ Ростиславомъ. Это случилось въ маѣ 1093 года. Стугна разлилась, и много русскихъ погибло во время бѣгства, при переправѣ. Между другими утонулъ и братъ Мономаха. Владиміръ бросился ему на помощь и самъ едва не погибъ, но брата все-таки не спасъ. Послѣ битвы Мономахъ бѣжалъ въ Черниговъ, а Святополкъ—въ Кіевъ. Чтобы поправить дѣло и освободить Торческъ, этотъ послѣдній далъ вторую битву половцамъ у Желани, въ которой, однако, былъ разбитъ и едва спасся въ Кіевъ самъ—третей. «Наутрея же бысть плачь великъ у градѣ», говоритъ по этому поводу лѣтописецъ¹⁾. Половцы взяли Торческъ и сожгли, при чемъ захватили массу плѣнныхъ. Лѣтопись краснорѣчиво описываетъ тяжелое положеніе этихъ полоняникоѣ, которыхъ половцы вели въ свои вѣжи, чтобы обратить въ рабство и продать, можетъ быть, куда нибудь далеко отъ Руси. Мономахъ, должно быть, былъ очень обезсиленъ пораженіемъ, потому что онъ не помогаль болѣе Святополку, и тотъ долженъ былъ заключить миръ съ половецкими ханами, закрѣпивъ его женитьбой на дочери хана Тугорхана²⁾. Этимъ моментомъ воспользовался Олегъ Святославичъ, который, очевидно, внимательно слѣдилъ изъ своего Тмутараканя за всѣмъ, что дѣлалось на Руси. Заключивъ союзъ съ половцами, онъ явился подъ Черниговомъ и осадилъ въ немъ Мономаха. Слабость Владиміра «дала надежду Олегу получить не только часть въ Русской землѣ, но и всѣ отцовскія области, на которыя онъ съ братьями имѣлъ полное право»³⁾. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ сводовъ Лѣтописи, именно въ Лѣтописи Тверской, сохранилось интересное освѣщеніе этого событія. Лѣтопись вспоминаетъ по данному поводу о раздѣленіи

¹⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 153—155; „Лавр. Лѣт.“, стр. 212—214.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 157; „Лавр. Лѣт.“, стр. 217—218.

³⁾ Соловьевъ „Ист. Росс.“, т. II, стр. 43, прим. 111.

земель между Ярославичами и при этомъ поясняетъ: «того ради и приде Олегъ Святославичъ на Володиміра, зане же то бѣше столъ отца его»¹⁾. Дружины у Мономаха было очень немного, а черниговцы, очевидно, его не поддерживали; осаждавшіе взяли окольный городъ, а Владиміръ заперся съ дружиною въ острогъ. Тогда, по словамъ Поученія, ему стало жаль сель горящихъ и монастырей, которые были зажжены половцами во время осады, и, «чтобы не хвалились поганые», онъ сдалъ Черниговъ Олегу. Послѣ этого онъ вышелъ изъ города и невредимо достигъ Переяславля съ семьею и дружиною, которой, по его словамъ, не было и ста человекъ, хотя половцы и облизывались на него, какъ волки, не смѣя, однако, тронуть²⁾. Карамзинъ такъ и считаетъ это удаленіе Мономаха вполне добровольнымъ: «новая жертва, принесенная имъ общей пользѣ!» — восклицаетъ онъ³⁾. «Тогда уже, какъ видно, въ немъ созрѣла мысль дѣйствовать не для личныхъ своихъ выгодъ, а для пользы всей Русской земли» — пишетъ по этому поводу Костомаровъ⁴⁾. Тѣ же довѣріе и сочувствіе Мономаху видны и у другихъ изслѣдователей⁵⁾. Едва ли, однако, можно допустить свободную волю у человека, окруженнаго съ горстью дружины въ наполовину взятомъ городѣ, съ женщинами и дѣтьми на рукахъ. Смысленные мужи говорили, что у Святополка было мало дружины, когда онъ хвалился своими восьмьюстами отроковъ, а у Мономаха не было и ста человекъ. Помощь ему могла придти только отъ Святополка, но тотъ все это время возился съ половцами и едва ли не былъ болѣе обезсиленъ, чѣмъ самъ Владиміръ. Между тѣмъ трудно предположить, чтобы у Олега было мало войска: не для того же

1) „Тверск. Лѣт.“, стр. 183.

2) „Ипат. Лѣт.“, стр. 157—158; „Лавр. Лѣт.“, стр. 218, 240.

3) Карамзинъ „Ист. Рос. Росс.“, т. II, стр. 64.

4) Костомаровъ „Русс. Ист. въ жизнеопис. ея главн. дѣят.“, т. I, стр. 47.

5) Погодинъ „Древн. Русс. Ист.“, т. I, стр. 358; Арцыбашевъ „Повѣств. о Росс.“, т. I, стр. 40; Соловьевъ „Ист. Отношеній“, стр. 109; Пважинъ „Владим. Моном.“, стр. 191.

онъ готовился къ этому моменту десять лѣтъ, чтобы явиться съ недостаточною силою. Такимъ образомъ сдача Мономаха была вынужденною. Такъ объ этомъ рассказываетъ и Длугошъ: онъ говоритъ, что Владиміръ, видя себя тѣснимымъ, послалъ пословъ къ Олегу, прося мира¹⁾. Но, какъ и раньше въ дѣлѣ со Святополкомъ, Момахъ и на этотъ разъ постарался представить все дѣло такъ, будто онъ «самъ», ради своихъ христіанскихъ чувствъ, отдалъ Олегу «отца его мѣсто». Вотъ что пишетъ по этому поводу Соловьевъ: «намъ трудно рѣшить, насколько присоединялся къ нимъ (т. е. побужденіямъ Мономаха) еще расчетъ на невозможность долгаго сопротивленія съ небольшою дружиною, въ которой по выѣздѣ изъ Чернигова не было и ста человѣкъ, считая вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми»²⁾. «Можетъ быть и нашлись, пишетъ проф. Голубовскій, нѣкоторые изъ его современниковъ, которые повѣрили ему, но намъ кажутся не стоящими довѣрія эти слова въ устахъ того самаго Мономаха, который, взявши Минскъ, не оставилъ въ немъ, по его собственному выраженію, ни челядины, ни скотины, когда это нужно было для его цѣлей»³⁾. Неприкосновенность Владиміра и сопровождавшихъ его была, вѣроятно, обезпечена по договору сдачи, потому что иначе врядъ ли можно объяснить то, что половцы не захватили такой важной добычи, какую они изъ себя представляли. Не объяснять же это страхомъ къ личности Мономаха, да еще послѣ недавнихъ и сильныхъ поражений, понесенныхъ русскими отъ половцевъ! Такимъ образомъ Олегъ получилъ, наконецъ, свой Черниговъ, а черниговцы своего князя. Правда, онъ добился этого съ помощью половцевъ, «и этого, говоритъ Соловьевъ, ему не простили, забыли обиду ему нанесенную, забыли, что онъ самъ долженъ былъ добывать себѣ

¹⁾ Длугошъ, стр. 147.

²⁾ Соловьевъ „Ист. Росс.“, т. II, стр. 44.

³⁾ Голубовскій „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 90; то-же у проф. Багалъя „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 278; Лякоронскаго „Ист. Черясск. Земли“, стр. 306; Его-же „Владим. Моном.“, стр. 21.

отцовское мѣсто, на которое не пускали его двоюродные братья»¹⁾. Дѣйствительно, общественное мнѣніе, выраженное въ лѣтописи, крайне недоброжелательно относится къ Олегу. Но кому принадлежало оно? Всей ли Русской землѣ? Сѣверская земля, повидимому, не только не обвиняла Олега, но и любила и поддерживала его, а вѣдь именно она то и страдала отъ его набѣговъ: кievской земли онъ ни разу не затронулъ. Въ чемъ же было дѣло? Мономахъ съ тѣми же самыми половцами жестоко опустошалъ Полоцкое княжество, и никто никогда его въ этомъ не упрекалъ. Да и какое дѣло было кievлянину до того, что страдали Мѣняне или Полочане! Значить, дѣло было не въ самомъ фактѣ наведенія половцевъ на Русскую землю. Было обидно и досадно другое, то, что Олегъ съ этими половцами добился Чернигова. Недаромъ впослѣдствіи для кievлянъ все враждебное для нихъ, идущее изъ Чернигова, связывалось съ именемъ Олега: на Ольговичей они готовы итти хотя бы и съ дѣтьми!²⁾ «Думать, что народъ въ этихъ распряхъ не принималъ участія, было бы больше, чѣмъ поверхностно. Вся исторія Сѣверянъ убѣждаетъ насъ въ противномъ»³⁾. Желаніе Чернигова имѣть «своихъ» князей въ лицѣ Святославичей не подлежитъ, мнѣ кажется, сомнѣнію. Это то и было той тайной причиной, которая не дала Мономаху возможности утвердиться въ Черниговѣ, несмотря на весь его умъ и достоинства, какъ правителя, и заставляла его беспокоиться при всякомъ движеніи со стороны Олега. «Той бо Олегъ вступаетъ въ златъ стремя въ градъ Тмутараканѣ, той же звонъ слыша давній великій Ярославъ сынъ, Всеволодъ; а Владимиръ по вся утра уши закладаша въ Черниговѣ»—такъ изображаетъ это безпокойство Слово о полку Игоревѣ. Мономахъ едва ли могъ лично прими-

1) Соловьевъ „Ист. Россіи“, т. II, стр. 44.

2) „Ипат. Лѣт.“, стр. 243; Тутъ рѣчь сначала идетъ о Давидовичахъ, но интересно, что кievляне называютъ ихъ Ольговичами: кто въ Черниговѣ, тотъ и Ольговичъ!

3) Голубовскій „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 96.

риться съ потерю Чернигова, но пока ему ничего не оставалось, какъ удалиться въ свой Переяславль. Здѣсь ему приходилось вести упорную борьбу съ половцами. Переяславль былъ, такъ сказать, передовымъ постомъ для Руси относительно степи¹⁾. Немудрено, что именно на него болѣе всего нападали кочевники. Три года, проведенные Владиміромъ въ постоянной борьбѣ съ врагами, не дававшими ни минуты покоя, были, можетъ быть, самыми тяжелыми въ жизни Мономаха. Самъ онъ говоритъ, что много бѣдъ принялъ за это время²⁾. На этой почвѣ, дѣйствительно, могло родиться ожесточеніе противъ половцевъ, которое и дало себя почувствовать въ убійствѣ хановъ Итларя и Китана, повлекшемъ за собою столько тяжелыхъ послѣдствій. Первый походъ, совершенный Мономахомъ на половцевъ въ этотъ періодъ, былъ направленъ подъ Римовъ и былъ удаченъ³⁾. Затѣмъ половцы явились заключать миръ съ Владиміромъ, и ихъ ханы Итларь и Китанъ пришли въ самый Переяславль. Мономахъ, дѣйствительно, заключилъ съ ними миръ и поцѣловалъ въ томъ крестѣ. Въ залогъ же ихъ безопасности въ его владѣніяхъ онъ далъ половецкимъ князьямъ своего сына Святослава въ качествѣ заложника. Тогда дружина стала побуждать Переяславскаго князя убить Итларя и Китана, пока они находятся въ его власти. Владиміръ сначала колебался, но потомъ согласился. Въ ту же ночь онъ отправилъ двухъ дружинниковъ въ станъ Китана, расположенный подъ городомъ. Они выкрали Святослава, а потомъ убили Китана и его слугъ. На другое утро Владиміръ послалъ пригласить ничего не знавшаго Итларя въ избу къ боярину Ратибору. Тамъ его заперли и, разобравши крышу, перебили изъ лука его и всѣхъ, его сопровождавшихъ. Такъ рассказываетъ Лѣтопись⁴⁾. Самъ Моно-

1) Ляскоронскій „Ист. Переясл. Земли“, стр. 291.

2) „Лавр. Лѣт.“, стр. 240.

3) „Лавр. Лѣт.“, стр. 240; Арцыбашевъ „Повѣст. о Россіи“, т. I, стр. 40, прим. 245; Ляскоронскій „Ист. Переясл. Земли“, стр. 307; Иваницинъ „Владим. Моном. и его поученіе“, стр. 191—192.

4) „Ипат. Лѣт.“, стр. 158—159; „Лавр. Лѣт.“, стр. 219—220.

махъ пишетъ объ этомъ событіи очень кратко: «и Итлареву чадь избиша»¹⁾, и больше ничего. Можетъ быть, ему и самому непріятно было вспоминать объ этомъ. Оставивши въ сторонѣ нравственность этого поступка, который, кстати сказать, называлъ гнуснымъ даже Карамзинъ²⁾, придется во всякомъ случаѣ признать его весьма неблагоприятнымъ. Ожидая неминуемаго нападенія половцевъ, Мономахъ и Святополкъ, тоже принимавшій участіе въ этомъ дѣлѣ черезъ своего посла Славяту, двинулись въ степи и разграбили половецкія вѣжи³⁾. Въ этотъ походъ они послали звать и Олега для того, чтобы, по выраженію проф. Грушевскаго, открыть его солидарность съ половцами⁴⁾. Однако изъ Лѣтописи не видно этой солидарности. По ея разсказу, Олегъ отправился въ походъ, но не однимъ путемъ съ братіей, и въ разграбленіи вѣжъ не участвовалъ. Отношенія князей были не таковы, чтобы онъ могъ съ полнымъ довѣріемъ идти съ братьями въ совмѣстный походъ⁵⁾. Кромѣ того, едва ли ему было желательно подвергать свою землю, едва оправившуюся отъ старыхъ ранъ, новымъ грабежамъ половцевъ, которые были бы неминуемы, если бы онъ разграбилъ ихъ вѣжи. Все это въ достаточной мѣрѣ объясняетъ его уклончивость. Святополкъ и Мономахъ не раскрыть хотѣли эту мнимую солидарность, а навязать ее Олегу: для Мономаха нуженъ былъ предлогъ, чтобы имѣть право напасть на Олега. «Предвидя возстаніе Святославичей по законнымъ причинамъ, онъ (т. е. Мономахъ) постарался обвинить ихъ и отнять у нихъ право защиты противъ насилія»⁶⁾. И, дѣйствительно, это былъ только первый шагъ въ этомъ направленіи. Мономахъ со Святополкомъ, который здѣсь, очевидно,

1) „Лавр. Лѣт.“, стр. 240.

2) Карамзинъ „Ист. Гос. Росс.“, т. II, стр. 65.

3) „Ипат. Лѣт.“, стр. 152; „Лавр. Лѣт.“, стр. 220—221, 246.

4) Грушевскій „Ист. Кіев. Земли“, стр. 104.

5) Соловьевъ „Ист. Росс.“, т. II, стр. 45; Иловайскій „Ист. Рязанск. Княж.“, стр. 10; Лашнюковъ „Владим. Моном. и его время“, стр. 748 прим. 107.

6) Лашнюковъ „Владим. Моном. и его время“, стр. 750.

дѣйствуетъ на второмъ планѣ, такъ какъ его интересы во всемъ этомъ дѣлѣ, какъ выясняетъ проф. Грушевскій, не были затронуты¹⁾, послали къ Олегу съ требованіемъ выдать имъ сына Итларя, жившаго у него на воспитаніи, или самому убить его. Этимъ требованіемъ, вѣроятно, хотѣли заставить Олега поневолѣ помогать имъ противъ половцевъ, такъ какъ убійство половецкаго княжича вызвало бы нападеніе на его землю. Въ случаѣ же отказа, можно было выгнать Олега изъ Чернигова, обвинивши его въ союзѣ съ половцами. Разсчетъ былъ вѣрный. Дѣйствительно, Олегъ, несмотря на явную враждебность братьевъ, не исполнилъ ихъ требованія, и «бысть межѣ има ненависть»²⁾; и между воинами ихъ, прибавляетъ Длугошъ³⁾, что вполне естественно, въ связи съ тѣмъ участіемъ, которое принимали въ событіяхъ населеніе и особенно дружина. Братья не сразу стали дѣйствовать противъ Чернигова, такъ какъ половцы явились съ местию и осадили Юрьевъ. Жители въ отчаяніи оставили городъ и бѣжали въ Кіевъ; Святополку пришлось основать для нихъ новый городъ, а Юрьевъ половцы сожгли⁴⁾. Тутъ же, впервые въ Лѣтописи, появляется Давидъ Святославичъ: онъ идетъ изъ Новгорода на Смоленскъ, но въ это же время новгородцы зовутъ къ себѣ Мстислава Мономаховича изъ Ростова, а Давиду посылаютъ сказать: «не ходи къ намъ», послѣ чего Давидъ возвращается въ Смоленскъ⁵⁾. Является вопросъ: каковъ смыслъ этихъ событій? Рядъ лѣтописей, подтверждая это событіе, не даетъ никакихъ другихъ подробностей его⁶⁾. Зато въ Новгородской I-ой и въ Софійской I-ой говорится, что Святополкъ и Владиміръ ходили на Давида къ Смоленску и дали ему Новгородъ; послѣ

¹⁾ Грушевскій „Ист. Кіев. Земли“, стр. 105.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 159; „Лавр. Лѣт.“, стр. 220—221.

³⁾ Длугошъ, стр. 150.

⁴⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 159—162; „Лавр. Лѣт.“, стр. 220—221.

⁵⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 160; „Лавр. Лѣт.“, стр. 221.

⁶⁾ „Воскрес. Лѣт.“, стр. 8; „Никон. Лѣт.“, стр. 124; „Тверск. Лѣт.“, стр. 183.

чего рассказывается то же, что и въ другихъ Лѣтописяхъ¹⁾. Изъ этого многіе выводятъ, что Давидъ Святославичъ захватилъ Смоленскъ во время войны Олега съ Мономахомъ за Черниговъ. Но такъ какъ такое близкое сосѣдство Святославичей дѣлало ихъ слишкомъ сильными, то Святополкъ и Мономахъ заставили Давида перемѣнить Смоленскъ на Новгородъ, откуда Мстиславъ Мономаховичъ былъ переведенъ въ Ростовъ. Таково мнѣніе Соловьева, Полевого и проф. Грушевскаго²⁾. Того же мнѣнія придерживались Карамзинъ и Погодинъ, а также проф. Грушевскій въ своей другой работѣ, съ тою только разницей, что, по ихъ предположенію, Смоленскъ былъ отданъ Давиду еще Всеволодомъ³⁾. При этомъ, однако, въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ замѣтна нѣкоторая путаница. Во-первыхъ, въ Ермолинской Лѣтописи говорится, что Давидъ сѣлъ въ Новгородъ непосредственно послѣ Святополка, когда тотъ ушелъ въ Туровъ⁴⁾. Но это едва-ли достовѣрно. Когда влослѣдствіи Святополкъ, будучи уже великимъ княземъ, задумалъ мѣняться съ Мономахомъ, предлагая ему Волынь вмѣсто Новгорода, новгородцы воспротивились и не пустили отъ себя Мстислава, говоря: «сего ны далъ Всеволодъ, а въскормили есмы собѣ князя, а ты еси шель отъ насъ»⁵⁾. Этимъ устанавливается, 1) что Мстислава посадилъ въ Новгородъ Всеволодъ, 2) что это было непосредственно послѣ ухода Святополка, и 3) что Мстиславъ былъ тогда еще малъ. Въ 1095 г., когда Мстиславъ впервые, если вѣрить Ермолинской Лѣтописи, вошелъ въ Новгородъ, ему было не менѣе 20 лѣтъ (онъ родился въ 1076 г.⁶⁾), а въ 1088 г., когда Святополкъ поки-

1) „Новгор. Лѣт.“, стр. 118; „Софійск. Лѣт.“, стр. 150.

2) Соловьевъ „Ист. Рос.“, т. II, стр. 45—46; *Его-же* „Ист. отношеній“, стр. 110—111; Полевой „Ист. Русс. народа“, т. II, стр. 329; Грушевскій „Ист. Кіев. Земли“, стр. 106, прим. 1.

3) Карамзинъ „Ист. Госуд. Росс.“, т. II, стр. 66; Погодинъ „Древ. Русс. Ист.“, т. I, стр. 362; Грушевскій „Волыцкій вопросъ“, стр. 6.

4) „Ермолинск. Лѣт.“, стр. 25, 26.

5) „Ипат. Лѣт.“, стр. 182; „Лавр. Лѣт.“, стр. 266.

6) „Ипат. Лѣт.“, стр. 139.

нуль Новгородъ, Мстиславу было всего 13 лѣтъ и, слѣдовательно, новгородцы имѣли полное право говорить, что они вскормили себѣ князя. Второе противорѣчіе заключается въ томъ, что въ Софійской I-ой помѣщается рассказъ о выводѣ Давида изъ Смоленска Святополкомъ и Мономахомъ подъ тѣмъ же 1095 г., что и рассказъ объ его диверсіи противъ Смоленска и потерѣ Новгорода; между тѣмъ по Новгородской I-ой, какъ и по Лѣтописи Авраамки, слѣдуетъ, что Давидъ княжилъ въ Новгородѣ 2 года, послѣ 5-тилѣтняго княженія Мстислава¹⁾. Это противорѣчіе вызвало разныя толкованія²⁾. Ясно, какъ мнѣ кажется, одно, что свѣдѣнія Софійской Лѣтописи, помѣщенные подъ однимъ годомъ, должны быть разобщены. Если допустить, что впервые Давидъ завладѣлъ Смоленскомъ въ связи съ возвращеніемъ Олега и тогда же былъ переведенъ двоюродными братьями въ Новгородъ (въ 1094 году), а потерялъ Новгородъ въ 1095-омъ, въ концѣ его, то и получатся тѣ два искомые года княженія Давида въ Новгородѣ, о которыхъ говоритъ Новгородская I-ая. Къ тому же Давидъ, сидѣвшій въ противоположность Олегу все время гдѣ-то на Руси, могъ даже ранѣе его воспользоваться тѣмъ стѣсненнымъ положеніемъ, въ которое попали Святополкъ и Мономахъ послѣ половецкаго разгрома, и завладѣть Смоленскомъ. Затѣмъ является вопросъ, чѣмъ былъ вызванъ этотъ походъ Давида изъ Новгорода къ Смоленску? По Соловьеву, тутъ Давидъ является зачинщикомъ и первый захватываетъ Мономахову волость, послѣ чего уже Изяславъ Владиміровичъ беретъ Курскъ, а затѣмъ и Муромъ³⁾. По проф. Грушевскому, наоборотъ, первый занялъ чужую волость, Муромъ, Изяславъ⁴⁾, а Давидъ отвѣтилъ на это захватомъ Смоленска. По Лѣтописи выходитъ, однако, другой

1) „Новгор. I-я“, стр. 67, 439; „Лѣт. Авраамки“, стр. 313.

2) *Грушевскій* „Ист. Кіевс. Земли“, стр. 106, прим. 1; *Его-же* „Ист. Украин.—Руси“, т. II, стр. 81—82, 86—87, примѣч. 1; *Голубовскій* „Ист. Смолен. Земли“, стр. 261—262, прим. 2.

3) *Соловьевъ* „Ист. Россіи“, т. II, стр. 46; *Его-же* „Ист. отношеній“, стр. 112.

4) *Грушевскій* „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 86.

порядокъ событій: Давидъ занялъ Смоленскъ, а послѣ Изяславъ изъ Курска занялъ Муромъ¹⁾. Въ этихъ словахъ, «изъ Курска», и заключается объясненіе. Впослѣдствіи, очевидно, на Любецкомъ съѣздѣ, Олегу былъ отданъ Курскъ съ Посемьемъ, что слѣдуетъ изъ того, что Ольговичи (Всеволодъ и Святославъ) называли его своею отчиной²⁾. А такъ какъ невѣроятно допустить, чтобы на Любецкомъ съѣздѣ Святославичамъ, особенно Олегу, могли дать что-либо лишнее сверхъ исконныхъ Святославовыхъ областей, то придется признать, что раньше, чѣмъ захватить Муромъ, Изяславъ Мономаховичъ захватилъ Олеговъ Курскъ, чѣмъ и вызванъ былъ походъ Давида на Смоленскъ. Правда, при этомъ онъ потерялъ Новгородъ, зато смольняне, повидимому, бывшіе въ оппозиціи къ Мономаху, удержали Давида въ Смоленскѣ³⁾. Послѣ этого Изяславъ занялъ Муромъ⁴⁾. Любопытно, что при этомъ проявились сепаративныя стремленія муромцевъ, и они выдали Изяславу посадниковъ Черниговскаго князя⁵⁾. Такимъ образомъ, наступленіе на Олега снова началось. «Хотя въ письмѣ своемъ къ Олегу Владиміръ впослѣдствіи осуждаетъ сына за то, что онъ пожелалъ чужого, но едва ли можно думать, чтобы Изяславъ въ этомъ случаѣ осмѣлился поступить противъ воли Мономаха, который держалъ своихъ дѣтей въ строгомъ повиновеніи»⁶⁾. Интересно, что Карамзинъ, желая оправдать сына своего излюбленнаго князя, говоритъ, что онъ завладѣлъ чужою волостью «нечаянно»⁷⁾. Такъ начавшаяся война

1) „Ипат. Лѣт.“, стр. 160; „Лавр. Лѣт.“, стр. 221.

2) „Ипат. Лѣт.“, стр. 215, 268; *Соловьевъ* „Ист. Росс.“, т. II, стр. 97; *Багалый* „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 191; *Голубовскій* „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 108—109; *Грушевскій* „Ист. Кіев. Земли“, стр. 149; *Его-же* „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 99.

3) Объ этой оппозиціи у *Голубовскаго* „Ист. Смолен. Земли“, стр. 262, прим. 2; и у *Грушевскаго* „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 87, прим. 1.

4) „Ипат. Лѣт.“, стр. 160; „Лавр. Лѣт.“, стр. 221—222.

5) *Иловайскій* „Ист. Рязан. Княж.“, стр. 11; *Голубовскій* „Истор. Сѣверск. Земли“, стр. 95.

6) *Иловайскій* „Ист. Рязан. Княж.“, стр. 11.

7) *Карамзинъ* „Ист. Рос. Росс.“, т. II, стр. 66.

съ Олегомъ была послѣдней и самой ожесточенной. Была ли она справедлива въ глазахъ современниковъ? По поводу позже случившагося столкновения Олега съ Изяславомъ изъ-за Мурома, Лѣтопись говоритъ, что Олегъ «правъ бѣ въ семь»¹⁾, а Никоновская лѣтопись перефразируетъ даже такъ: «правъ бѣ во всемъ»²⁾. «Это замѣчаніе лѣтописца очень любопытно», пишетъ Соловьевъ, «Олегъ лишился Чернигова и Мурома вслѣдствіе войны, которую начали противъ него двоюродные братья, слѣдовательно, по понятіямъ современниковъ, самая война была несправедлива»³⁾. То, что Олегъ немедленно не предпринялъ ничего противъ Изяслава, показываетъ, что у него было мало силъ. Въ слѣдующемъ же году Святополкъ и Владиміръ пригласили его въ Кіевъ: «пойди Къеву, ать рядъ учинимъ о Руской Земль предъ епископы и игумены и предъ мужи отецъ нашихъ и предъ горожаны». Такимъ образомъ, кромѣ князей, въ этомъ собраніи должны были участвовать духовенство, а также дружина и горожане, конечно, кіевскіе, и Олегъ понялъ, что на дѣлѣ эти переговоры превратятся въ судъ надъ нимъ. Онъ соотвѣтственно и отвѣтилъ: «нѣсть лѣпо мене судити епископомъ и чернецомъ или смердомъ». Его рѣшеніе, очевидно, было голосомъ Чернигова: недаромъ же онъ отвѣчалъ, «послушавъ злыхъ совѣтникъ», по выраженію Лѣтописи, т. е. по совѣту черниговскихъ бояръ⁴⁾. Проф. Грушевскій высказываетъ мнѣніе, что Кіевское общество могло быть третейскимъ судьей между князьями⁵⁾. Врядъ ли это такъ. Участіе злыхъ совѣтниковъ въ гордомъ отвѣтѣ Олега показываетъ, какъ оскорбилось Черниговское общество подобнымъ предложеніемъ. Наоборотъ, лѣтописецъ-кіевлянинъ, въ своемъ сознаніи гражданина господствующаго города, объясняетъ поведеніе Олега тѣмъ, что онъ «успріемъ смыслъ буй и

1) „Ипат. Лѣт.“, стр. 165; „Лавр. Лѣт.“, стр. 229.

2) „Никонов. Лѣт.“, стр. 127.

3) Соловьевъ „Ист. Россіи“, т. II, стр. 47.

4) „Ипат. Лѣт.“, стр. 160; „Лавр. Лѣт.“, стр. 222.

5) Грушевскій „Ист. Кіев. Земли“, стр. 105.

слова величавы». Кромѣ того, Олегу прямо не безопасно было ѣхать въ Кіевъ¹⁾. Ермолинская Лѣтопись такъ и объясняетъ его поведеніе: «онъ же не въсхотѣ ити къ нимъ възбояввся»²⁾. Если даже занятіе Мурома не вызвало Олега на открытое сопротивление, то послѣ подобнаго разрыва война была неизбежна. Святополкъ и Мономахъ отправили сказать Олегу: «да се ты ни на поганя идеши съ нами, ни на думу, тотъ и ты зломыслеша на наю и помогати хочеша поганымъ, а Богъ промежи нами будетъ»³⁾. Такимъ образомъ цѣль Мономаха была достигнута: можно было приступить къ изгнанію Олега и при этомъ по самому законному поводу, который дѣлалъ Олега виноватымъ въ глазахъ всѣхъ, а Мономаха—вершителемъ законной кары. Владиміръ и впослѣдствіи въ своемъ Поученіи такъ же объяснялъ свои дѣйствія, говоря, что они пошли на Олега, «зане ся башеть приложился къ поганымъ»⁴⁾. Нѣкоторые изслѣдователи вѣрятъ этимъ словамъ⁵⁾. Между тѣмъ, самый тонъ объявленія войны показываетъ, что тогда не было извѣстно ни о какомъ союзѣ Олега съ половцами: князья заключаютъ только по дѣйствіямъ Олега, что онъ имъ враждебенъ, и на этомъ основаніи дѣлаютъ выводъ, что онъ «хочетъ помогати поганымъ». Такимъ образомъ, миролюбивому Мономаху «пришлось» противъ желанія итти на Олега! Мотивы Владиміра понятны, но какъ объяснить ту готовность, съ какою помогалъ ему Святополкъ со своими кіевлянами? Лично онъ отъ этого не имѣлъ никакой выгоды; но общій тонъ Лѣтописи, неизмѣнно недоброжелатель-

¹⁾ Соловьевъ „Ист. Россія“, т. II, стр. 46; Лашнюковъ „Владим. Моном.“, стр. 750; Погодинъ „Древ. Русс. Ист.“, т. I, стр. 359; Багалый „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 172.

²⁾ „Ермолин. Лѣт.“, стр. 26; Тотъ же смыслъ придаетъ отвѣту Олега Длугошъ: „non adducetis, ut Episcoporum, Monachorum et vilium personarum imperiis caput meum substernam“, стр. 152.

³⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 160; „Лавр. Лѣт.“, стр. 222.

⁴⁾ „Лавр. Лѣт.“, стр. 241.

⁵⁾ Иловайскій „Ист. Рязан. Княж.“, стр. 11; Грушевскій „Ист. Кіев. Земли“, стр. 105; Ивочкинъ „Владим. Моном.“, стр. 194—195.

ный, враждебный къ Олегу, Лѣтописи, принадлежащей перу кievлянина, послѣдовательная нелюбовь Кieва къ Ольговичамъ, духовенство, дружина и кievскіе горожане, собравшіеся судить Черниговскаго князя—все это можетъ, кажется, освѣтить происходившее. Тутъ видится проявленіе той скрытой и упорной борьбы, которая шла у Кieва съ его торговымъ соперникомъ Черниговомъ. Унизить его, разорить, подорвать его значеніе—все это достигалось при возникшей войнѣ съ Олегомъ. И едва-ли не этой борьбѣ, иниціаторомъ и главою которой былъ Мономахъ, онъ обязанъ нарастаніемъ своей популярности въ Кieвѣ: онъ въ ней былъ какъ бы представителемъ и защитникомъ интересовъ Кieва. Святополкъ и Владиміръ двинулись къ Чернигову. Олегъ бѣжалъ передъ ними и затворился въ Стародубѣ, гдѣ его и осадили. Стародубцы, повидимому, любили своего князя: несмотря на жестокою осаду¹⁾, они впродолженіе 33-хъ дней «бъяхуся изъ города крѣпко», изнемогали, но не сдавались. Тогда Олегъ самъ вышелъ изъ города и просилъ мира. Между тѣмъ, въ тылу у осаждающихъ половцы, должно быть, вызванные Олегомъ, напали на Кieвъ и Переяславль. Это склонило князей къ нѣкоторой уступчивости²⁾, и они заключили съ Олегомъ миръ. Но условія мира были очень тяжелы для него: онъ долженъ былъ уйти изъ Сѣверской Земли къ брату Давиду въ Смоленскъ, а оттуда явиться въ Кieвъ на съѣздъ, который ранѣе имъ былъ такъ гордо отвергнутъ. При этомъ было подчеркнута главенствующее положеніе Кieва: «яко то есть старѣйшій во землѣ нашей Кыевъ, и ту достоитъ намъ снятися»³⁾. Доведенный до крайности, Олегъ поцѣловалъ братьямъ крестъ на ихъ условіяхъ и отправился въ Смоленскъ. Изъ подъ Стародуба Святополкъ съ Владиміромъ прежде всего поспѣшили за рѣку Росъ за Бонякомъ, ограбившимъ Кieвъ, между тѣмъ какъ

¹⁾ Карамзинъ „Ист. Гос. Росс.“, т. II, стр. 66, прим. 179.

²⁾ Полевой „Ист. Русс. Народа“, т. II, стр. 334; Голубовскій „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 96, прим. 4.

³⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 160—161; „Лавр. Лѣт.“, стр. 222—223.

Куря разорялъ Переяславское княжество. Затѣмъ оба князя двинулись на Тугорхана, осаждавшаго Переяславль. На Трубежѣ половцы были на голову разбиты, а самъ ханъ убитъ. Святополкъ взялъ и похоронилъ его тѣло, уважая въ немъ своего тестя¹⁾. Въ это же время на Кіевъ напалъ безбожный, шелудивый Бонякъ и страшно разграбилъ его; князья снова погнались за нимъ, но не настигли²⁾. Между тѣмъ Олегъ отправился въ Смоленскъ, гдѣ его не приняли, какъ говоритъ Иловайскій, «за его дурную репутацію»³⁾. Тѣмъ не менѣе, смольняне дали ему свое ополченіе («Олегъ поемъ воя»), такъ что, вѣроятно, они свое рѣшеніе перемѣнили⁴⁾. Отсюда Олегъ двинулся на Изяслава къ Мурому. Прежде чѣмъ начать дѣйствовать силою, онъ послалъ сказать своему крестнику: «иди въ волость отца своего, Ростовъ, а то есть волость отца моего; да хочю ту сѣдя порядъ положити съ отцемъ твоимъ; се бо меня выгналъ изъ города отца моего; или ты ми здѣ не хочещи хлѣба своего же вдати?» Повидимому, Олегъ хотѣлъ уговариваться съ братіей, опираясь на свою собственную волость⁵⁾. Изяславъ отказался исполнить требованіе дяди, надѣясь «на множество вой», Олегъ же «надѣясь на правду свою, яко правъ бѣ въ семъ». Такимъ образомъ, даже лѣтописецъ-кіевлянинъ тутъ посочувствовалъ Олегу. Въ сраженіи Изяславъ былъ убитъ, и Олегъ занялъ Муромъ. Такимъ образомъ война снова началась. Олегъ занялъ Мономаховъ Ростовъ и Суздаль и пограбилъ ихъ. На защиту отцовскихъ воло-

1) „Ипат. Лѣтоп.“, стр. 161—162; „Лавр. Лѣтоп.“, стр. 223—224, 241; Ивакинъ относитъ къ этимъ событіямъ разсказъ Поученія о походѣ Мономаха на Сулу и темное мѣсто о погонѣ за Бонякомъ, котораго, по его мифію, переписчики смѣшали съ Тугорханомъ („Владим. Моном.“, стр. 197—198, 202).

2) „Лѣтоп.“ — тамъ-же. Подробности этихъ походовъ у Ивакина „Влад. Моном.“, стр. 203—204; Грушевскаго „Ист. Кіевск. Земли“, стр. 106—107; Лякаронекаго „Ист. Переясл. Земли“, стр. 311—312.

3) Иловайскій „Ист. Рязан. Княж.“, стр. 11.

4) „Ипат. Лѣт.“, стр. 161, 164; Голубовскій „Ист. Смоленс. Земли“, стр. 262.

5) „Ипат. и Лавр. Лѣт.“, тамъ-же.

стей выступилъ Мстиславъ Владиміровичъ. Онъ послѣдовательно выгналъ дядю изъ Ростова, потомъ изъ Суздаля, разбилъ его на голову на Колакшѣ и, наконецъ, занялъ Муромъ. Къ довершенію несчастія Олега, Муромо-Рязанская Земля попыталась, воспользовавшись случаемъ, оторваться отъ Сѣверской Земли, и въ самый рѣшительный моментъ оба ея города не пустили къ себѣ Черниговскаго князя и передались его врагамъ¹⁾. Достоинно замѣчанія, что Мономахъ послалъ на помощь Мстиславу половцевъ подъ начальствомъ другого своего сына, Вячеслава; послѣдніе дали перевѣсъ силамъ Мстислава и тѣмъ рѣшили битву на Колакшѣ. Дѣло Олега было окончательно проиграно, и даже бѣжать ему было некуда²⁾. Въ это время было написано и послано знаменитое письмо Мономаха къ Олегу съ предложеніемъ о мирѣ³⁾. Что побудило его написать это посланіе? По словамъ Мономаха, причиною были его христіанскія чувства смиренія и братской любви. Но едва-ли можно такъ прямо довѣрять его словамъ: до сихъ поръ смиреніе Мономаха всегда шло рука объ руку съ какими нибудь дипломатическими разсчетами. Не можетъ быть, чтобы это побужденіе отсутствовало и на этотъ разъ. Къ тому же, кто началъ войну, кто добивался вызвать ее, какъ не онъ самъ? Къ чему было выгонять Олега изъ Чернигова, гнаться за нимъ, осаждать въ Стародубѣ и т. д., словомъ, отнимать у Олега, по его выраженію, его хлѣбъ, если Мономахомъ руководили одни братскія чувства? Въ началѣ войны Мономахъ со Святополкомъ старались поставить дѣло такъ, что они идутъ на Олега съ цѣлью наказать его за союзъ съ

1) Голубовскій „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 99.

2) „Ипат. Лѣт.“, стр. 164—167; „Лавр. Лѣт.“, стр. 228—232.

3) „Лавр. Лѣт.“, стр. 243—246. О письмѣ у Карамзина „Ист. Гос. Росс.“, т. II, стр. 68—69; Полевого „Ист. Русск. Народа“, т. II, стр. 337—340; Иловайскаго „Ист. Росс.“, т. I, стр. 127; Соловьева „Ист. Россіи“, т. II, стр. 49—51; Коотомарова „Ист. Россіи въ жизнеопис. ея главнѣйшихъ дѣят.“, т. I, стр. 50—51; Шмелева „Владим. Моном.“, въ „Книгѣ для чтенія по Русск. Истор.“, т. I, стр. 306—307; Ивакина „Владим. Моном.“, стр. 285—311.

половцами. Послѣ долгой и удачной войны оставить его безнаказаннымъ и вернуть ему все отнятое—не значило-ли отказаться отъ первоначальной мотивировки своихъ дѣйствій? Допустить, чтобы оба, и Владиміръ, и Святополкъ (который вовсе великодушіемъ не отличался), начавъ войну съ такою, можно сказать, торжественностью, потратили столько силъ, пролили столько крови, перенесли неоднократное разореніе своихъ земель половцами лишь для того, чтобы показать свое великодушіе—прямо невѣроятно. Вся эта война носить вполне опредѣленный характеръ: Олегъ борется за отцовское наслѣдіе, которое у него стараются отнять. И вотъ союзники неожиданно отказываются отъ добытаго, когда находятся совсѣмъ уже у цѣли. Причина должна была быть; но, конечно, она заключалась не въ Олегѣ: для этого онъ былъ въ слишкомъ беспомощномъ состояніи. Вся исторія отношеній Мономаха къ Чернигову показываетъ въ немъ большое желаніе овладѣть Черниговомъ, и отъ этого желанія до сихъ поръ онъ отказывался только подъ давленіемъ силы. Въ чемъ же на этотъ разъ заключалась эта сила? Если союзники, въ сущности уничтоживъ силы Олега, пошли ему навстрѣчу, сдѣлали ему уступки¹⁾ и, наконецъ, возвратили ему все отнятое, то это можно объяснить только однимъ: поддержкой, которую оказывалъ Олегу народъ, конечно, народъ Земли Сѣверской. «Этотъ успѣхъ можно объяснить только поддержкой, которую Олегъ находилъ въ самой Сѣверской Землѣ: за изгойствомъ Олега должно было снова слѣдовать подчиненіе Чернигова Кіеву»²⁾. Любецкій съѣздъ, говоритъ проф. Грушевскій, имѣлъ, какъ из-

¹⁾ Такъ мѣстомъ съѣзда былъ назначенъ Любечъ, въ Черниговской области; по Соловьеву это—уступка подозрительности Олега. Соловьевъ „Ист. Росс.“, т. II, стр. 57; Пловайскій „Ист. Росс.“, т. I, ч. 2-я, стр. 65; Барсовъ „Матеріалы“, стр. 119; Голубовскій „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 100; Вагальй „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 176. Впрочемъ Грушевскій („Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 90, прим. 1) и Барсовъ („Очерки“ стр. 143) невали этотъ Любечъ на Кіевской территоріи въ Задніпровьи.

²⁾ Голубовскій „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 96; Вагальй „Исторія Сѣверск. Земли“, стр. 278.

вѣстно, очень важное значеніе въ исторіи удѣльно-вѣчевого періода, «закрѣпивъ стремленіе отдѣльныхъ племенъ къ обособленію»¹⁾. «Здѣсь ясно выступило стремленіе Руси къ раздробленію»²⁾. Вотъ что было причиной неудачи Мономаха. И, очевидно, это мѣстное движеніе проявилось сильно, если онъ по-нялъ, что не удержитъ Чернигова за собою. Такимъ образомъ, великодушіе Владиміра послужило одѣяніемъ для его политической мудрости, повелѣвавшей отказаться, несмотря на побѣды, отъ того, что онъ не могъ надѣяться удержать за собою. «Долго боролся Мономахъ съ Олегомъ, вынужденъ былъ уступить и, покончивъ съ нимъ, является миротворцемъ»³⁾, пишетъ по этому поводу Лашнюковъ. Въ этомъ теперь могла состоять цѣль Владиміра: остаться во всей этой исторіи правымъ и получить возможно большія выгоды отъ мира. Этой цѣли и послужило письмо. Если Мономахъ уступалъ обстоятельствамъ, то онъ всегда умѣлъ обставить дѣло такъ, что, какъ казалось, онъ самъ по доброй волѣ дѣлалъ то, къ чему, въ сущности, бывалъ вынужденъ. Этимъ онъ подкупалъ общественное мнѣніе и всегда выигрывалъ. А на этотъ разъ дѣло было особенно трудно: несчастія Олега заставили на моментъ посочувствовать ему даже кіевлянина-лѣтописца. Слѣдовало уничтожить эти чувства. Письмо должно было поэтому сдѣлать Олега виноватымъ, и оно, дѣйствительно, достигло своей цѣли. На первый взглядъ, оно исполнено христіанскаго смиренія и миролюбивыхъ чувствъ, тѣмъ болѣе подкупающихъ, что недавняя смерть сына, дѣйствительно, должна была настроить Мономаха на болѣе кроткія чувства. Искреннее горе порою прорывается въ этомъ письмѣ, и все-таки въ своемъ цѣломъ это не болѣе, какъ дипломатическій, и притомъ весьма искусно составленный, документъ, такъ такъ, благодаря ему, личность врага Мо-

¹⁾ Грушевскій „Ист. Кіевск. Земли“, стр. 107; *Его-же* „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 329.

²⁾ *Иловайскій* „Ист. Россіи“, т. I, стр. 128; подобныя мнѣнія приведены также въ Введеніи.

³⁾ *Лашнюковъ* „Владим. Моном.“, стр. 751.

номаха, котораго онъ призываетъ примириться съ собою на евангельскихъ основаніяхъ, оказывается совершенно очерненною. Прежде всего Мономахъ подчеркиваетъ, что онъ пишетъ это письмо не по принужденію обстоятельствъ, а умилившись христіанскимъ смиреніемъ своего сына. Этою же мыслью онъ и кончаетъ письмо: «не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая, по Бозѣ, но душа ми своя лутши всего свѣта есть». Далѣе идутъ упреки въ смерти Изяслава и захватѣ Ростова: если бы этого не было, то они бы уладились. Какъ будто вся бѣда была въ этомъ Ростовѣ, и самъ онъ со Святополкомъ еще раньше не отняли у Олега Чернигова!. «Но самъ разумѣй, мнѣ ли бы послати къ тебѣ достойно, ци ли тобѣ ко мнѣ?» пишетъ онъ далѣе, еще болѣе подчеркивая, что онъ, правый, снизошелъ къ Олегу, виноватому. Затѣмъ Владиміръ совѣтуетъ Олегу покаяться и прислать къ нему посольство съ правдою, обѣщая за это возвращеніе волости и обращеніе къ нему сердца Мономаха. Самъ же онъ не хочетъ мстить ни за что и даже готовъ, въ свою очередь, покаяться въ своихъ винахъ: «оли то буду грѣхъ створилъ, оже на тя шедъ къ Чернигову поганыхъ дѣля, ли того ся каю». Иными словами: «я пошелъ на тебя потому, что ты приложился къ поганымъ (выраженіе самого Мономаха по этому поводу въ его Поученіи; значитъ это для Владиміра являлось несомнѣннымъ), но если это грѣхъ, то каюсь». Это «если» очень интересно. Если это все такъ и было, то Олегъ — преступникъ въ общихъ глазахъ, и покаяніе Мономаха только чернить его врага, потому что какой же грѣхъ итти на врага Руси? Затѣмъ Владиміръ указываетъ, что теперь отъ самого Олега зависитъ принять его посланіе добромъ или худомъ и даже убить его, Мономаха, сыновей, сидящихъ въ Ростовѣ (подразумѣваются Мстиславъ съ его младшимъ братомъ). Мудрено это было сдѣлать Олегу, только что разбитому на голову этимъ самымъ Мстиславомъ и не имѣвшему за собою ни одного города! Затѣмъ Мономахъ обращаетъ его вниманіе на то, что волости, которыхъ добивался Олегъ насиліемъ, они со Святополкомъ сами давали

ему у Стародуба, «умилосердившись» надъ нимъ. Соловьевъ думаетъ, что ему, дѣйствительно, давали Муромъ и Рязань. Этого ни изъ Лѣтописи, ни изъ письма не видно, но, даже въ лучшемъ случаѣ, у него отнимали Черниговъ и посылали въ волость, которой въ то же время и не думалъ оставлять сынъ Мономаха. Далѣе Владиміръ призываетъ Бога въ свидѣтели того, что онъ уже ведетъ мирные переговоры съ Давидомъ Святославичемъ, но что тотъ не можетъ договариваться окончательно безъ брата. «Оже ли кто васъ не хочетъ добра ни мира хрестьянамъ, а не буди ему отъ Бога мира узрѣти на онемъ свѣтѣ души его!» И такъ, все зависитъ, какъ будто, только отъ добрыхъ чувствъ Святославичей. Затѣмъ идетъ благочестивое обращеніе къ Богу и Пресвятой Богородицѣ, и такъ кончается это образцовое посланіе. Что Мономахъ вель какіе то переговоры съ Давидомъ, видно изъ Поученія: «и съ Давидомъ смирившеся»¹⁾, пишетъ онъ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ. Что же касается того, когда было написано это письмо, то на этотъ счетъ существуетъ разногласіе. Одни изслѣдователи думаютъ, что послѣ битвы на Колацѣ²⁾, другіе, что—до нея³⁾. Существеннаго, конечно, эта подробность къ дѣлу ничего не прибавляетъ. Чтобы покончить съ письмомъ, надо отмѣтить еще, что оно дошло до нашего времени въ соединеніи съ Поученіемъ. Такимъ образомъ, сохранилъ его не тотъ, кому оно было написано, а тотъ кто его написалъ. Эта заботливость показываетъ, какъ цѣнилъ Мономахъ свое посланіе и, должно быть, недаромъ сохранилъ его, присое-

¹⁾ „Лавр. Лѣт.“ стр. 241; Карамзинъ „Ист. Гос. Росс.“, т. II, стр. 179; Голубовскій „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 99; Грушевскій „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 89—90.

²⁾ Соловьевъ „Ист. Росс.“, т. II, стр. 49; Полевой „Ист. Русск. народа“, т. II, стр. 337; Костомаровъ „Ист. Росс. въ жизнеопис. ея главн. дѣятелей“, т. I, стр. 50; Лаптюковъ „Владим. Моном.“, стр. 751; Голубовскій „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 99.

³⁾ Карамзинъ „Ист. Гос. Росс.“, т. II, стр. 68; Погодинъ „Древ. Русс. Ист.“, т. I, стр. 360; Иловайскій „Ист. Росс.“, т. I, стр. 127; Грушевскій „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 89; Багалый „Ист. Сѣверск. Зем.“, стр. 176; Ивакинъ „Владим. Моном.“, стр. 290; Шмелевъ „Влад. Моном.“, стр. 306; Лякаронскій „Владим. Моном.“, стр. 26.

динивъ къ Поученію: оно должно было представить въ опредѣленномъ свѣтѣ для потомковъ, а, можетъ быть, и для современнаго ему общества, его отношенія къ Олегу.

Слѣдствіемъ письма Мономаха былъ съѣздъ князей въ Любечѣ¹⁾. То, о чемъ тамъ разсуждали князья, лишній разъ подчеркиваетъ характеръ предыдущихъ междуусобій: нѣтъ рѣчи ни о чьихъ винахъ, ни о какихъ союзахъ съ половцами. Говорятъ о томъ, чтобы каждый владѣлъ отцовскимъ наслѣдіемъ и не отнималъ его у другого. Одни изслѣдователи считаютъ рѣшеніе Любецкаго Съѣзда подтвержденіемъ родового порядка, другіе видятъ въ немъ утвержденіе права отчины²⁾. Какое бы оно ни было и притомъ временное (что мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ въ томъ смыслѣ, что князья распредѣляли владѣнія лишь для даннаго момента) или постоянное, — самое большее его значеніе заключается въ томъ, что отдѣльныя земли получили своихъ князей; это была побѣда волостной независимости надъ централизаціей. Святославичи были, наконецъ, удовлетворены: имъ отданы были Сѣверская и Муромо-Рязанская области. При этомъ, какъ кажется, стараніями Мономаха, въ Черниговѣ былъ посаженъ кроткій и малоспособный Давидъ, а Олегу отданъ Новгородъ—Сѣверскъ. Подобное распредѣленіе столовъ было прямо выгодно Мономаху; это выразилось вскорѣ въ томъ, что Давидъ допустилъ Мономаха построить въ устьѣ Остра знаменитый впослѣдствіи Остерскій городокъ и тѣмъ

¹⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 167; „Лавр. Лѣт.“, стр. 247. См. спеціальную статью *Тельберга* о княжескихъ снемахъ (Журн. Мин. Народн. Просв., 1905 г., июнь). Если они и не были постояннымъ учрежденіемъ, какъ думалъ *Ключевскій*, то, во всякомъ случаѣ, князья, съѣхавшись на подобный снемъ, смотрѣли на себя, какъ на высшую власть въ Землѣ Русской (*Ключевскій* „К. Русск. Ист.“, т. I, стр. 244; *Владимірскаго-Буданова* „Обзоръ Истор. Русск. Права“, стр. 74—75; *Сергѣевичъ* „Древности Рус. Права“, т. II, стр. 242—247).

²⁾ *Соловьевъ* „Ист. Росс.“, т. II, стр. 10, 51—52; *Сергѣевичъ* „Древ. Русс. Права“, т. II, стр. 73, 170, 302; *Прѣсняковъ* „Княж. Право“, стр. 57; *Грушевскій* „Ист. Кіев. Земли“, стр. 107; *Его-же* „Ист. Украин.—Руси“, т. II, стр. 90; *Антоновичъ* „Лекціи по геолог. и ист. Кіева“, стр. 68; *Багалъй* „Русс. Ист.“, т. I, стр. 148.

закрѣпить за собою нижнее теченіе Десны¹⁾. Давидъ Игоревичъ и Ростиславичи также были утверждены въ своихъ отчинахъ. Ничего на съѣздѣ не получилъ Святополкъ и едва-ли былъ этимъ доволенъ, потому что, кромѣ Кіева, онъ владѣлъ еще только однимъ Туровомъ. Мономахъ же извлекъ изъ обстоятельствъ возможно больше выгоды: онъ получилъ обратно Смоленскъ и такимъ образомъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ княжества Переяславское, Смоленское, Ростовское и Новгородское. Такъ или иначе, онъ оставался самымъ сильнымъ княземъ на Руси. Такое положеніе дѣлъ могло очень не нравиться Святополку и даже тревожить его. Поэтому, когда послѣ съѣзда къ нему явился Давидъ Игоревичъ и сталъ доказывать, что Владиміръ вступилъ въ договоръ съ Василькомъ Ростиславичемъ съ цѣлью взять себѣ Кіевъ, а Васильку дать Воынь, то Святополкъ пришелъ въ смятеніе; онъ долго размышлялъ, правда ли это, и, наконецъ, повѣрилъ²⁾. Костомаровъ видѣлъ причину этого довѣрія клеветѣ на Владиміра въ той ненависти, какую слабые и недалекіе люди питаютъ къ тѣмъ, кто, по своему превосходству, руководитъ ими³⁾. Но, быть можетъ, у

¹⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 179; *Ляскаронскій* „Ист. Переяслав. Земли“, стр. 314; *Голубовскій* „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 104. Между тѣмъ, по-видимому, Олегъ былъ старше Давида, и, слѣдовательно, ему принадлежало сидѣть въ Черниговѣ. Въ Лѣтописи не приведено ни одного года рожденія для сыновей Святослава, поэтому прямыхъ данныхъ для установленія старшинства между ними нѣтъ. Но при всемъ этомъ то, что Черниговцы держались за Олега, а не за Давида, а также то, что Святополкъ и Владиміръ никогда не выставляли противъ Олега старшинства Давида, что было бы для нихъ выгодно, говоритъ скорѣе въ пользу Олега. Далѣе, на изображеніи семейства Святослава Олегъ стоитъ непосредственно послѣ Глѣба, самаго старшаго изъ братьевъ, между нимъ и Давидомъ. (*Кондаковъ* „Изображеніе русс. княж. семьи“, стр. 41. См. также *Ариыбашевъ* „Повѣст. о Росс.“, т. I, стр. 30, прим. 171). Затѣмъ въ Никонов. Лѣт. перечисляются сыновья Всеволода: Владиміръ, Ростиславъ, и Святославъ: Глѣбъ и Олегъ, (стр. 100). А такъ какъ у Святослава сыновей было больше, то, очевидно, рѣчь идетъ только о старшихъ.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 168—169; „Лавр. Лѣт.“, стр. 248.

³⁾ *Костомаровъ* „Русс. Истор. въ жизнеопис. ея главнѣйш. дѣят.“, стр. 52.

Святополка были и другія основанія. Если, по выраженію Ключевскаго, каждый князь спалъ и во снѣ видѣлъ, какъ бы ему попасть въ Кіевъ¹⁾, то тѣмъ болѣе это примѣнимо къ Владиміру, самому талантливому и могущественному князю того времени, тѣмъ болѣе, что онъ могъ мечтать быть преемникомъ Святополка на Кіевскомъ столѣ, такъ какъ Святославичи были непопулярны въ Кіевѣ и слишкомъ ослаблены, чтобы отстаивать свое старшинство. Почему же не могла ему прійти въ голову мысль не дожидаться смерти Святополка, но ускорить желанное обладаніе Кіевомъ? Конечно, это—одно предположеніе, но если на моментъ допустить его возможность, то тогда станетъ понятнымъ, для чего нужны были Мономаху союзники. «Страннымъ могло казаться, что двое доблестныхъ князей, Мономахъ и Василько, не воспользуются своею доблестью, своею славою для возвышенія, усиленія себя на счетъ князей менѣе доблестныхъ». «Вѣроятность была въ словахъ мужей его (т. е. Давида), при томъ же мы не знаемъ, какія еще доказательства приводили они, не знаемъ въ какой степени поведеніе Мономаха и Василька въ самомъ Любечѣ могло подать поводъ къ толкамъ»²⁾. Въ силу того, что Святополкъ чувствовалъ со стороны Мономаха опасность для себя, между ними уже въ Любечѣ могло произойти охлажденіе, и тамъ же Владиміръ могъ сблизиться съ Василькомъ³⁾. Это былъ самый подходящій для него союзникъ: Святославичи, ослабленные недавнею упорною борьбою за свою отчину, недавніе враги Мономаха, не годились ему въ союзники тѣмъ болѣе, что они, по своему старѣйшинству, имѣли болѣе правъ на Кіевъ, чѣмъ Владиміръ. При выборѣ же между Давидомъ Игоревичемъ и Ростиславичами, предпочтеніе всегда должно было быть отдано послѣднимъ, имѣвшимъ славу храбрыхъ и талант-

1) *Ключевскій* „К. Русс. Ист.“, т. I, стр. 240.

2) *Соловьевъ* „Ист. Росс.“, т. II, стр. 52—53.

3) *Полевой* „Ист. Русс. Народа“, т. II, стр. 346; *Грушевскій* „Ист. Кіев. Земли“, стр. 109; *Его-же* „Вольнскій вопросъ“, стр. 12—13; *Его-же* „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 94; *Присяжковъ* „Княж. Право“, стр. 59.

ливыхъ людей. Было ли все это одними страхами Давида или нѣтъ, но эти страхи были настолько правдоподобны, что Святополкъ повѣрилъ имъ и испугался. Они вмѣстѣ захватили Василька и ослѣпили его. Но нѣкоторые позднѣйшіе лѣтописные своды виновникомъ его ослѣпленія называютъ одного Святополка: слѣдовательно, онъ казался многимъ главнымъ виновникомъ дѣла¹⁾. Первый узналъ о злодѣяніи Мономахъ; онъ пришелъ въ ужасъ и тотчасъ послалъ извѣстить Святославичей. Давидъ и Святополкъ перешли мѣру въ своемъ желаніи обезвредить опаснаго чловѣка и вызвали взрывъ негодованія. Мономахъ съ Олегомъ и Давидомъ Черниговскимъ стали съ войскомъ недалеко отъ Кіева, у Городца, и отправили къ Святополку пословъ, обличившихъ его въ его преступленіи. Тотъ оправдывался, сваливая всю вину на Давида, но ему не повѣрили. Князья уже собрались двинуться на Кіевъ, а Святополкъ приготовился бѣжать, но тутъ выступили на сцену сами кіевляне. Они не пустили бѣжать Святополка и отправили къ князьямъ посольство во главѣ съ митрополитомъ и мачехою Мономаха, вдовою Всеволода, которое и добилось обѣщанія окончить дѣло миромъ²⁾.

Проф. Грушевскій задается вопросомъ, почему Мономахъ не воспользовался тогда случаемъ стать Кіевскимъ княземъ, и изъ того факта, что кіевляне сами не отпустили отъ себя Святополка, выводитъ, что у послѣдняго была, очевидно, своя партія въ Кіевѣ, и, слѣдовательно, Мономахъ не имѣлъ даже тогда еще такой популярности у кіевлянъ, какъ впоследствии³⁾. Могло удерживать его также присутствіе вооруженныхъ Святославичей. Какъ бы то ни было, но князья вступили въ переговоры: они «искренно или притворно, повѣрили оправданіямъ Святополка»⁴⁾. Результатъ же переговоровъ былъ поразителенъ по своей неожиданности.

¹⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 169—171; „Лавр. Лѣт.“, стр. 248—252; „Лѣтоп. Авраамки“, стр. 42; „Супрасльск. Лѣт.“, стр. 16.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 171—173; „Лавр. Лѣт.“, стр. 252—255.

³⁾ Грушевскій „Ист. Кіев. Земли“ стр. 111, прим. 2.

⁴⁾ Андришевъ „Ист. Волын. Земли“, стр. 113.

данности: князя поручили Святополку выгнать Давида Игоревича изъ Волыни, но ни словомъ не обмолвились, кому она потомъ должна была достаться. Нельзя было не предвидѣть, что Святополкъ, выгнавъ Давида и занявъ Волынь, возьметъ ее себѣ. Въ сущности князя своимъ рѣшеніемъ отдали Волынь Святополку¹⁾. Такимъ образомъ вмѣсто наказанія Кіевскій князь получилъ возможность округлить свои владѣнія, чего ему давно хотѣлось. Столь скорое примиреніе со Святополкомъ князей, взявшихся вершить правосудіе, должно было произвести весьма неблагопріятное впечатлѣніе на брата Василька, Володаря, и онъ принялся за его освобожденіе собственными силами и добился своего²⁾. Только тогда, когда Василько былъ освобожденъ, Святополкъ двинулся на Давида Игоревича. Онъ выгналъ его, взялъ себѣ Волынь, а потомъ пожелалъ отнять для себя и волость Ростиславичей. Въ этотъ походъ онъ приглашалъ Мономаха, но тотъ съ негодованіемъ отказался³⁾. Насколько здѣсь было благородства, настолько и сознанія, что это дѣло могло только усилить Кіевского князя. Политика Святополка вызвала удивительныя послѣдствія: Давидъ Игоревичъ примирился съ Ростиславичами, и они вмѣстѣ разбили Святополка, послѣ чего Давидъ возвратилъ себѣ Волынь⁴⁾. При этомъ населеніе, какъ кажется, выказало къ нему привязанность, по крайней мѣрѣ, какъ къ своему князю⁵⁾. Такъ на примѣръ, во время осады Владиміра Ростисла-

¹⁾ *Лашнюковъ* „Владим. Моном.“, стр. 252—255; *Грушевскій* „Ист. Кіев. Земли“, стр. 112.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 173—175; „Лавр. Лѣт.“, стр. 245—257.

³⁾ „Лавр. Лѣт.“, стр. 232—233; *Погодинъ* „Древ. Русск. Ист.“, т. I, стр. 189; *Его-же* „О поученіи Мономаховомъ“ въ Извѣст. Отд. Русск. яз. и Словесн. Имп. Акад. Наукъ, т. I, стр. 235—237; *Ивакинъ* „Влад. Мон.“, стр. 86. Соловьевъ думаетъ, что это предложеніе относится ко времени послѣ Витического сѣзда, но тогда отказъ Владиміра былъ бы непонятенъ, во всякомъ случаѣ непонятно его негодованіе, такъ какъ онъ самъ участвовалъ въ рѣшеніи, отнимавшемъ волость у Василька. („Ист. Росс.“, т. II, стр. 62—63; то-же у *Грушевскаго* „Волыньск. Вопросъ“, стр. 31)

⁴⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 176—179; „Лавр. Лѣт.“, стр. 259—263.

⁵⁾ *Андріашевъ* „Ист. Волын. Земли“, стр. 114; *Грушевскій* „Истор. Укр.—Руси“, т. II, стр. 395—396.

вичами, горожане потребовали отъ Давида выдачи Ростиславичамъ бояръ, которые были его совѣтниками въ дѣлѣ ослѣпленія Василька Ростиславича, но прибавили, обращаясь къ нему: «а за тя можемъ ся бити»¹⁾. Такимъ образомъ у Святополка не хватило силъ или умѣнья справиться съ Давидомъ. Въ августѣ 1100 года князья Святополкъ, Мономахъ и Святославичи съѣхались въ Виличевѣ. На этомъ собраніи Давидъ Игоревичъ сначала не присутствовалъ; это видно изъ того, что Лѣтопись, перечисляя князей, первый разъ не упоминаетъ отчества Давида и ставитъ его рядомъ съ Олегомъ. Очевидно, рѣчь идетъ о Святославичѣ. А другой разъ упоминаетъ отчество, говоря: «и приде къ нимъ Давидъ Игоревичъ»²⁾. Затѣмъ 30-го августа князья снова собрались и пригласили Давида Игоревича, который и самъ, очевидно, просилъ о разбирательствѣ, что видно изъ послѣдующей рѣчи къ нему Мономаха³⁾. Очевидно, раньше, чѣмъ имѣть дѣло съ Давидомъ Игоревичемъ, прочая братія предварительно обдумала и рѣшила все между собою. Тотъ фактъ, что Давидъ самъ просилъ суда,—очень интересенъ: не хотѣлъ-ли онъ доказать, что Василько, единственный обиженный въ этомъ дѣлѣ, теперь примирился съ нимъ, и на этомъ основаніи просить оградить его отъ нападеній Святополка, не менѣе виновнаго, чѣмъ онъ самъ, особенно ввиду того, что вина самого Давида была уже заглажена. Можетъ быть, первоначально князья и хотѣли соответственно поступить. Въ Никоновской лѣтописи рассказывается, что они обѣщали Давиду Владиміръ - Волынскій⁴⁾.

1) „Ипат. Лѣт.“, стр. 175; „Лавр. Лѣт.“, стр. 258.

2) „Ипат. Лѣт.“, стр. 180; „Лавр. Лѣт.“, стр. 263 — 264; то-же еще еще въ „Никон. Лѣт.“, стр. 136 и „Воскрес. Лѣт.“, стр. 17; См. также Костомаровъ „Русс. Истор. въ жизнеопис. ея главнѣйш. дѣят.“, т. I, стр. 59; Сергѣевичъ „Древн. Русс. Права“, т. II, стр. 238; Арцыбашевъ „Повѣст. о Росс.“, т. I, стр. 56; Грушевскій „Волян. Вопросъ“, стр. 25.

3) Погодинъ „Древ. Русс. Ист.“, т. I, стр. 191; Полевой „Ист. Русс. Народа“, т. II, стр. 357; Соловьевъ „Ист. Россіи“, т. II, стр. 62; Его-же „Отношенія князей“, стр. 120; Грушевскій „Истор. Украіи.—Руси“, т. II, стр. 97.

4) „Никонов. Лѣт.“, стр. 136; Соловьевъ „Ист. Росс.“, т. II, стр. 63, прим. 136.

Но въ концѣ концовъ во вниманіе были приняты только интересы Святополка. По рѣшенію князей ему отданъ былъ Владиміръ. Давиду дали четыре незначительныхъ городка и еще прибавили сравнительно большую сумму денегъ, изъ которой половину взялъ на себя уплатить Мономахъ. Наконецъ, было постановлено отнять волость у Василька, о чемъ и было послано извѣщеніе къ Ростиславичамъ. Рѣшеніе Витичевского съѣзда поражаетъ своею неожиданностью и несправедливостью. Все началось съ обиды Василька, но съ того момента, какъ князья поручили Святополку наказать Давида, все свелось къ выгодамъ Кіевского князя. Единственнымъ человѣкомъ, который, по своей силѣ, могъ противорѣчить Святополку, былъ Владиміръ Мономахъ, и, тѣмъ не менѣе, онъ этого не сдѣлалъ. Судя по Лѣтописи, онъ являлся первымъ лицомъ при всѣхъ переговорахъ и такимъ, навѣрное, и былъ по своему первенствующему положенію среди князей. На Витичевскомъ съѣздѣ онъ, можно сказать, предсѣдательствуетъ; онъ, а не Святополкъ, держитъ рѣчь къ Давиду Игоревичу; онъ же беретъ на себя уплату половины той суммы, которую обѣщали Давиду, между тѣмъ какъ другую половину заплатили Святославичи вдвоемъ. Словомъ, поведеніе Мономаха, какъ говоритъ Лашнюковъ, было явно двусмысленное, хотя и трудно при этомъ понять его цѣли¹⁾. Тѣмъ болѣе трудно, что вся выгода отъ происшедшихъ событій досталась не ему, а Святополку. Могущество князей въ громадной степени зависѣло отъ комбинаціи волостей, и потому отдать Святополку Волынь Мономахъ не могъ съ легкимъ сердцемъ. Слѣдовательно, онъ такъ или иначе былъ принужденъ къ этому силою обстоятельствъ. Наболѣе подробное выясненіе этихъ обстоятельствъ принадлежитъ проф. Грушевскому. Походъ князей на Святополка онъ считаетъ не болѣе, какъ «демонстраціей», устроенной Мономахомъ съ цѣлью заставить Святополка разорвать его союзъ съ Давидомъ Игоревичемъ, который дѣлалъ его опаснымъ для Вла-

¹⁾ Лашнюковъ „Владим. Моном.“, стр. 757—758.

вмѣра. Лѣли сѣсей онъ добился, но Святополкъ тѣмъ не менѣе умудрился занять самостоятельное положеніе, причину котораго проф. Грушевскій ищетъ въ его союзѣ со Святославичами. Въ силу этого союза Мономахъ занялъ положеніе второстепенное и принужденъ былъ не противорѣчить исполненію желаній Святополка. Исходною же точкой всего происшедшаго проф. Грушевскій считаетъ ссору между Святополкомъ и Мономахомъ, которая, по его мнѣнію, должна была у нихъ произойти на Любецкомъ съѣздѣ или сейчасъ послѣ него и заставила Святополка искать себѣ другого союзника въ лицѣ Давида, но уже въ противовѣсъ Владиміру¹⁾. Такимъ образомъ, это объясненіе основывается на двухъ положеніяхъ: ссорѣ Святополка съ Мономахомъ и союзѣ перваго со Святославичами. Какъ о томъ, такъ и о другомъ въ Лѣтописи не говорится, и, слѣдовательно, проф. Грушевскимъ только предполагается. На ссору Кіевского князя съ Мономахомъ прямыхъ указаній нѣтъ, но онъ, дѣйствительно, могъ быть недоволенъ результатами Любецкаго соглашенія, въ которомъ не послѣднюю роль игралъ Владиміръ. Что же касается союза со Святославичами, то его трудно предположить. Правда, Давидъ Черниговскій послалъ своего сына Святосу на помощь Кіевскому князю противъ Волынскаго. Но само по себѣ это еще не есть доказательство союза: вѣдь только что князья рѣшили сообща наказать Давида Игоревича. Когда же Святополкъ попытался забрать себѣ также волость Василька, то поведеніе Святоши становится страннымъ. Онъ мечется отъ одного противника къ другому, какъ бы переставъ понимать, на чьей сторонѣ правда. Да и немудрено тутъ было запутаться. Въ концѣ концовъ онъ сдалъ занятый имъ на Волыни городъ Давиду Игоревичу, благодаря чему тотъ могъ завладѣть и Владиміромъ Волынскимъ, и возвратился къ отцу въ Черниговъ²⁾. Далѣе, по

¹⁾ Грушевскій „Ист. Кіевск. Земли“, стр. 111—113; Его-же „Истор. Укр.—Руси“, т. II, стр. 94—95, 99—100; Его-же „Волын. Вопросъ“, стр. 20, 28—29, 31, 34 и проч.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 177—179; „Лавр. Лѣт.“, стр. 260—262.

справедливому замѣчанію самого проф. Грушевскаго, Святославичи не стали бы помогать Святополку иначе, какъ за вознагражденіе¹⁾. Между тѣмъ (на что еще Соловьевъ обратилъ свое вниманіе) именно они на Витичевскомъ съѣздѣ ровно ничего не получили²⁾: Луцкъ, предполагаемая награда Святославичей, не остался въ ихъ рукахъ. Святоша самъ сдалъ его Давиду Игоревичу. Изъ-за чего же они стали бы помогать Святополку? Стремиться доставить Волюнь Святополку, безъ всякой выгоды для себя, было имъ совсѣмъ не интересно. Итакъ, мнѣ кажется, что предполагаемаго союза Святополка со Святославичами не было, и не съ ними считался Мономахъ, когда игралъ въ руку кіевскому князю. Союзъ между этимъ послѣднимъ и Святославичами едва ли когда-либо существовалъ. Святоша, въ сущности, прямо отказался помогать Святополку, сдавъ Луцкъ его врагу и оставивъ совершенно мѣсто военныхъ дѣйствій. Святополкъ-же нашель себѣ другую опору. Интересное освѣщеніе волинской войны даетъ Иловайскій: онъ высказываетъ мысль, что тутъ обнаружилось стремленіе Святополка къ собиранію волостей не безъ вліянія кіевскихъ бояръ³⁾. Эта мысль мнѣ кажется очень интересной. Кіевъ былъ всегда источникомъ централизаціи, и, такимъ образомъ, при этомъ случаѣ могли совпасть интересы князя и земства, особенно лучшихъ людей. У Святополка была своя партія въ Кіевѣ: недаромъ кіевляне, и при томъ «первые кіевляне», какъ прибавляетъ Длугошъ⁴⁾, не пустили его бѣжать изъ города предъ лицомъ Мономаха и Святославичей. Въ данномъ случаѣ противорѣчить Святополку значило, по всей вѣроятности, противорѣчить стремленіямъ самого Кіева. И Мономахъ, который, по своему политическому и матеріальному могуществу, могъ бы смѣло пойти противъ него, уступилъ, даже въ ущербъ своимъ

1) *Грушевскій* „Волинскій Вопросъ“, стр. 27.

2) *Соловьевъ* „Ист. Росс.“, т. II, стр. 63.

3) *Иловайскій* „Ист. Росс.“, т. I, стр. 132—133.

4) *Длугошъ*, стр. 158.

собственнымъ интересамъ, хотя, конечно, на время. Въ самомъ дѣлѣ, каково было положеніе дѣлъ передъ съѣздомъ въ Витичевѣ? Давидъ Игоревичъ помирился съ Ростиславичами и возвратилъ себѣ Волюнь; Святополкъ былъ выгнанъ ими изъ Волинской земли, нѣсколько разъ разбитъ и, наконецъ, оставленъ союзникомъ Святошей. За нимъ попрежнему кромѣ Турова ничего не было, а Мономахъ, не участвовавшій въ этой усобицѣ, также попрежнему опирался на свои четыре княжества. Кому, какъ не ему, принадлежалъ первый и рѣшающій голосъ въ Витичевѣ? И если Мономахъ подалъ его за интересы Святополка, то въ угоду не ему, а киевлянамъ. Популярность въ Кіевѣ была необходима Владиміру, и онъ добивался ея всякими путями. То, чего не добился Святополкъ оружіемъ, то самое было достигнуто въ Витичевѣ дипломатіей Мономаха. Такимъ образомъ, если Любецкій съѣздъ былъ побѣдой областной независимости, то на Витичевскомъ, такъ или иначе, но побѣдили киевскія централизационныя стремленія. Такъ мало по малу увеличивалъ Мономахъ свой авторитетъ и популярность, обращая даже неудачи въ свою пользу и изъ невыгоды извлекая возможную выгоду. Невыгода въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, была: Святополкъ значительно усилился, пріобрѣтя себѣ Волюнь. Однако, то, что пріобрѣлъ Святополкъ, онъ снова скоро потерялъ: киевлянъ онъ оттолкнулъ отъ себя своею жадностью и жестокостью¹⁾, между тѣмъ какъ Владиміръ Мономахъ, по видимому, весьма заботился о своей доброй славі. «Болѣе же чтите гостя», пишетъ онъ въ своемъ Поученіи, «откуда же къ вамъ придетъ, или простъ, или добръ, или соль, аще не можете даромъ, то брашномъ и питіемъ: ти бо мимоходячи прославятъ челоуѣка по всѣмъ землямъ любо добрымъ, любо злымъ»²⁾. Съ другой стороны, Святополкъ упустилъ изъ своихъ

¹⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 198; „Кіево-Печерскій Патерикъ“, стр. 120—122, 142—145; *Карамзинъ* „Ист. Госуд. Росс.“, т. II, стр. 84; *Соловьевъ* „Ист. Росс.“, т. II, стр. 73; *Линниченко* „Вѣче въ Кіевск. области“, стр. 28; *Грушевскій* „Ист. Кіев. Земли“, стр. 114, 120.

²⁾ „Давр. Лѣт.“, стр. 237.

рукъ руководство походами на половцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря своему союзу и поддержкѣ, далъ возможность Мономаху устраивать ихъ въ грандіозныхъ размѣрахъ. «Явившись представителемъ борьбы съ половцами, пропагандируя ее между князьями, завладѣвъ, такъ сказать, ея идеею, Мономахъ снова пріобрѣлъ видную роль», пишетъ проф. Грушевскій, «вслѣдствіе популярности этой идеи среди современниковъ, прочіе князья не могли устраниваться и принимали такимъ образомъ участіе въ борьбѣ, вождемъ которой являлся Мономахъ»¹⁾).

Время, въ которое онъ жилъ, было эпохою борьбы съ невѣрными, какъ называли ихъ на Западѣ, или погаными, какъ звали ихъ у насъ на Руси. И не безъ основанія поэтому Иловайскій сравнивалъ Мономаха съ Готфридомъ Бульонскимъ²⁾. Блестящіе походы вглубь степей и побѣды, одержанныя имъ, глубоко удовлетворяли народную гордость, объединяли въ этомъ чувствѣ представителей всѣхъ княжествъ и укрѣпляли внутреннюю связь между ними. Кромѣ того, борьба съ кочевниками была насущною потребностью времени: они страшно опустошали и обезлюдивали Русскую землю, заставляя видѣть въ себѣ бичъ Божій и въ то же время возбуждая къ себѣ всеобщую ненависть. Мономахъ, какъ князь окраиннаго Переяславля, чувствовалъ наибольшую потребность въ этой борьбѣ³⁾. Въ союзѣ со Святополкомъ и другими князьями, Владиміръ предпринялъ цѣлый рядъ походовъ вглубь степей, и очень удачно. Участники этихъ походовъ чувствовали себя вершителями Божьяго дѣла; князья брали съ собою духовенство, которое шло передъ войскомъ съ хоругвями и пѣніемъ; воины, готовясь къ битвѣ, давали благочестивые обѣты; ангелъ Божій летѣлъ надъ русскою ратью и поражалъ половцевъ, которые, въ страхъ передъ небесною помощію, переставали защищаться и обращались въ

¹⁾ Грушевскій „Ист. Кіев. Земли“, стр. 118.

²⁾ Иловайскій „Ист. Росс.“, т. I, стр. 137.

³⁾ Лякоронскій „Ист. Переясл. Земли“, стр. 315; Голубовскій „Печенѣги, Торки и Половцы“, стр. 83, 161—162; Грушевскій „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 102, 349.

бѣгство. Русскіе заходили въ степи такъ далеко, какъ никогда раньше, и на враждебной территоріи одерживали блестящія побѣды. Эти побѣды праздновались, какъ великіе христіанскіе праздники: «сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оны», возгласилъ Мономахъ послѣ битвы на Сутинѣ въ 1103 году. Затѣмъ русскіе полки возвращались домой съ богатой добычей, славою и честію великою. Въ центрѣ всей этой блестящей картины находился Владиміръ Мономахъ. Именно ему, по сказанію Лѣтописи, внушилъ ангелъ войну съ погаными; именно его полку послана была небесная помощь; про него слагались эпическія пѣсни¹⁾. Святополкъ сразу попалъ на второй планъ, другіе князья являлись только помощниками своего вождя Мономаха на ряду съ его сыновьями. Первый такой большой походъ былъ предпринятъ въ 1103 г., послѣ свиданія Мономаха со Святополкомъ у Долобскаго озера. Владиміръ воодушевилъ своимъ краснорѣчіемъ брата и его дружичу, послѣ чего послали звать въ походъ и другихъ князей. Къ нимъ присоединились: Давидъ Святославичъ, Давидъ Всеславичъ, Мстиславъ Давидовичъ (Игоревъ внукъ), Вячеславъ Ярополчичъ и Ярополкъ Владиміровичъ. Такимъ образомъ почти всѣ княжества имѣли въ войскѣ своихъ представителей. Князья двинулись на хана Урусобу и разбили его у Сутина, избили много половецкихъ князей, а взятаго въ плѣнъ Белдуза Мономахъ велѣлъ разсѣчь на части. Слѣдствіемъ этого похода было возстановленіе г. Юрьева на Роси княземъ Святополкомъ²⁾. Въ 1107 году былъ совершенъ походъ на хановъ Боняка и Шаруканя; они были разбиты за р. Сулой³⁾. Наконецъ въ 1111 году совершенъ былъ самый блестящій походъ, начатый также потому, что «вложи Богъ Володимеру въ сердце» предпринять его. Русскіе зашли за Донъ и разбили половцевъ на р. Сальницѣ. Именно объ этомъ походѣ

¹⁾ *Бестужевъ-Рюминъ* „Русс. Ист.“, т. I, стр. 168; *Багалый* „Рус. Ист.“, т. I, стр. 158.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 182—185; „Лавр. Лѣт.“, стр. 267—269; тамъ-же *Поученіе*, стр. 241.

³⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 186—187; „Лавр. Лѣт.“, стр. 271—272.

вспоминаетъ пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ, когда восхваляетъ Мономаха за то, что тотъ испилъ Дону золотымъ шеломомъ. Слава этого похода, по словамъ лѣтописца, разошлась, кромѣ своей земли, «къ грекамъ и уграмъ, и ляхамъ и чехамъ, даже дошла и до Рима»¹⁾. Кромѣ этихъ большихъ походовъ совершались Мономахомъ и меньшіе, которые даже не всѣ упомянуты въ Лѣтописи, какъ это видно изъ Поученія²⁾. Цѣлью подобной наступательной политики было — обезопасить русскія земли отъ нападеній со стороны степи, но она не вполнѣ достигала своей цѣли. Не было ни одного крупнаго или малаго похода за это время, на который половцы не отвѣтили бы обратнымъ нападеніемъ. Любопытно также, что на время княженія Мономаха въ Переяславлѣ приходится наибольшее число нападеній со стороны половцев³⁾. Даже послѣ знаменитаго похода 1111-го года половцы въ 1113-омъ году грабили у Выря⁴⁾. «Такіе походы не могли прекратить набѣговъ»⁵⁾, «Русь истощалась въ борьбѣ съ половцами»⁶⁾. Правда, послѣ 1113-го года половцы надолго затихли. «Очевидно», пишетъ проф. Грушевскій, «Русь одержала побѣду надъ степью»⁷⁾. Но весьма вѣроятно, что причиной этого затишья въ значительной мѣрѣ были сами половцы. Подъ 1116-мъ годомъ въ Лѣтописи говорится слѣдующее: «бишася съ половцы и съ торкы и съ печенеги у Дона и сѣкошася два дня и двѣ ноци, и придоша въ Русь къ Володимеру торци и печенѣзи»⁸⁾. Такимъ образомъ, въ степи происходила какая то борьба между самими ея обитателями, причины и подробности которой

1) „Ипат. Лѣт.“, стр. 191—194, 196.

2) *Ивакинъ* „Владим. Моном.“, стр. 261—262.

3) „Ипат. Лѣт.“, стр. 186, 198; „Лавр. Лѣт.“, стр. 270, а также событія 1093 и 1095 годовъ; *Голубовскій* „Ист. Сѣверек. Земли“, стр. 92—93; *Голубовскій* „Печенѣги“, стр. 129, 159.

4) „Ипат. Лѣт.“, стр. 198.

5) *Иловайскій* „Ист. Рязанск. Княж.“, стр. 74.

6) *Ключевскій* „К. Русс. Ист.“, т. I, стр. 346.

7) *Грушевскій* „Ист. Кіев. Земли“, стр. 119.

8) „Ипат. Лѣт.“, стр. 204.

неизвѣстны лѣтописцу, но которая, очевидно, отличалась большимъ ожесточеніемъ, если возможны были подобные бои, и если нашъ лѣтописецъ, очень рѣдко говорящій о чемъ либо, кромѣ Руси, занесъ это смутное, но очень важное извѣстіе на свои страницы. Конечно, наступательные походы имѣли свое немало-важное значеніе въ борьбѣ со степью, но на ряду съ подобною политикою существовала и другая—оборонительная. представителемъ которой во времена Мономаха былъ Олегъ Святославичъ. Она состояла въ дружбѣ съ половцами и постепенной военной колонизаціи на югѣ. Олегъ никогда не участвовалъ въ наступательныхъ походахъ на половцевъ, но всегда отражалъ ихъ собственныя нападенія. За то Сѣверская земля и страдала отъ половцевъ меньше, чѣмъ Кіевская и Переяславская¹⁾. Въ связи съ этимъ различіемъ въ системѣ, между Олегомъ и Мономахомъ была большая разница и во взглядѣ на половцевъ: въ то время какъ Владиміръ, раздѣляя взглядъ большинства современниковъ на половцевъ, какъ на поганыхъ, допустилъ вѣроломное убійство Итларя и Китана, Олегъ не захотѣлъ убить или выдать беззащитнаго Итларевича. Однако большинство думало и чувствовало, какъ Мономахъ. Незамѣтная оборонительно-колонизаціонная дѣятельность была несравненно менѣе популярна, чѣмъ блестящія побѣды, дававшія осязательное торжество надъ ненавистнымъ врагомъ. И Мономахъ, стоявшій во главѣ этой борьбы, бывшій ея вдохновителемъ и главнымъ дѣятелемъ, становился героемъ, страдальцемъ за Землю Русскую²⁾. Для самого

¹⁾ Голубовскій „Печенѣги“, стр. 110—111; Его же „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 92—94; Багалъй „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 179.

²⁾ Подробности этихъ походовъ у Арцыбашева „Повѣс. о Росс.“, т. I, стр. 58—62; Полевого „Ист. Русс. Народа“, т. II, стр. 362—364; Соловьева „Ист. Росс.“, т. II, стр. 66—71; Пловайскій „Ист. Росс.“, т. I, стр. 137—141; Погодинъ „Др. Русс. Ист.“, т. I, стр. 195, 198; Карамзинъ „Ист. Госуд. Росс.“, т. II, стр. 80—84; Багалъй „Русс. Ист.“, т. I, стр. 158; Грушевскій „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 102—107, 533; Ляскоронскій „Ист. Переясл. Земли“, стр. 315—322 и особенно въ его спеціальной статьѣ о походахъ въ степи, гдѣ онъ особенно настойчиво защищаетъ агрессивную политику относительно кочевниковъ (Журн. Мин. Нар. Просв., 1907 г., особенно мартъ, стр., 19, 23 и май стр. 17).

Мономаху результаты этихъ походовъ были весьма важны: фактически онъ сталъ во главѣ Руси. Имя Святополка ставится Летописью передъ его именемъ какъ будто только для приличія. Теперь не могло быть сомнѣній въ томъ, кто будетъ великимъ княземъ по смерти Святополка. Долгою, неустанною и искусною работою Мономахъ сумѣлъ сдѣлаться излюбленнымъ княземъ матери городовъ русскихъ и прочно взять въ свои руки гегемонию надъ всею Русью. И вотъ, въ 1113-омъ году умеръ, наконецъ, Святополкъ Изяславичъ, и Мономахъ могъ достигъ вѣнца своихъ желаній, сѣсть въ Кіевѣ на столъ «отень и дѣдень», котораго онъ добивался всю свою жизнь. Правами на великокняжескій столъ онъ не обладалъ ни съ точки зрѣнія родовой теоріи, такъ какъ старѣйшими въ роду были Святославичи, ни съ точки зрѣнія отчинной теоріи, такъ какъ былъ живъ сынъ Святополка, Ярославъ, княжившій на Волыни¹⁾. Зато за Мономахомъ была другая сила—его желалъ имѣть своимъ княземъ кіевскій народъ. Когда Святополкъ умеръ, собралось вѣче и послало просить Владиміра на столъ «отень и дѣдень». Земство не желало знать родственныхъ счетовъ князей; оно звало своего излюбленнаго князя и, очевидно, сознавало свою силу, если такъ рѣшительно высказывало свое желаніе. Дѣйствительно, ни Святославичи, ни Ярославъ Святополчичъ ни словомъ не обмолвились о своихъ правахъ. Правда, надо принять въ соображеніе, что кандидатъ былъ самымъ сильнымъ княземъ этого времени, имѣвшимъ къ тому же широкую популярность, какъ герой національной борьбы съ половцами. И все-таки Мономахъ медлилъ появиться въ Кіевѣ. Но тутъ выступила впередъ новая сила, и династическій вопросъ о новомъ Кіевскомъ князѣ тѣсно переплелся съ внутренними событіями въ самомъ Кіевѣ, причины которыхъ коренились въ началахъ соціальной розни.

¹⁾ Это признаютъ многіе. Соловьевъ „Ист. Росс.“, т. II, стр. 74; Полевой „Ист. русс. народа“, т. II, стр. 365; Иловайскій „Ист. Росс.“, т. I, стр. 141; Сергѣевичъ „Древн. Русс. Права“, т. II, стр. 74; Ляскоронскій „Влад. Мон.“, стр. 35; Грушевскій „Ист. Кіев. земли“, стр. 108.

Древняя Русь не знала въ своемъ быту сословій, но зато знала общественные классы, жизнь и взаимныя отношенія которыхъ и проявились въ данный моментъ съ особенною силою. Въ государствѣ, въ которомъ всѣ торговали, въ которомъ этого рода интересы были близки не только специально торговому классу, но и князьямъ, боярамъ, смердамъ¹⁾, могущественной разслаивающей силою должны были быть деньги²⁾. «При отсутствіи сословной кастичности, пишетъ проф. Грушевскій, общество естественно сортировалось на основаніи экономическихъ отношеній. Кіевская аристократія была аристократією капитала—классомъ крупныхъ промышленниковъ и купцовъ»³⁾. Во главѣ общества стояло боярство, представлявшее собою, несомнѣнно, самый сильный, могущественный классъ его, въ значительной мѣрѣ обязанный своимъ положеніемъ также торговлѣ⁴⁾. Благодаря значительности той роли, какую играла торговля въ древне-русскомъ быту, зачатки подобнаго экономического расчлененія должны были рано проявиться⁵⁾. Какъ велика была имущественная рознь между много- и малоимущими, показываетъ хотя бы одно событіе, относящееся еще къ 1018 г.: когда новгородцы помогали

¹⁾ *Сергѣевичъ* „Древн. Русс. Права“, т. I, стр. 337; *Дьяконовъ* „Очерки общ. и госуд. строя Др. Руси“, стр. 89; *Филипповъ* „Учебн. Ист. Русс. Права“, стр. 207; *Никитскій* „Ист. эконом. быта Вел. Новгород.“, стр. 20—21; *Багалъй* „Русс. Ист.“, т. I, „Княжеск. Русь“, стр. 29; *Довнаръ-Запольскій* „Ист. русс. народн. хозяйства“, стр. 348, 351; *Грушевскій* „Ист. Кіевск. земли“, стр. 385; *Ляскоронскій* „Ист. Переяс. земли“, стр. 266.

²⁾ *Ключевскій* „К. Русс. Ист.“, т. I, стр. 302; *Плътновъ* „Лекціи“, стр. 63; *Сергѣевичъ* „Древн. Русс. Права“, т. I, стр. 198; *Дьяконовъ* „Очерки“, стр. 72; *Владимірскаго-Будановъ* „Обзоръ Ист. Русс. Права“, стр. 26, 30; *Костомаровъ* „Сѣверно-русс. народопр. права“, т. VIII стр. 245—246.

³⁾ *Грушевскій* „Ист. Кіев. Земли“, стр. 352.

⁴⁾ *Грушевскій* тамъ-же, стр. 352—353; *Рождковъ* „Ист. съ соціологической точки зрѣнія“, т. I, стр. 40—41; *Довнаръ-Запольскій* „Дружина и боярство“ въ Книгѣ для чтенія по Русс. Ист., стр. 388—390.

⁵⁾ *Андріашевъ* „Ист. Волынк. Земли“, стр. 22; *Багалъй* „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 114—это мнѣніе высказывается по поводу курганныхъ раскопокъ.

Ярославу противъ Святополка и собирали деньги на наемъ варяговъ, то классъ бояръ былъ обложенъ, по вычисленію Ключевскаго, въ $112\frac{1}{2}$ разъ тяжелѣе прочаго населенія¹⁾. Еще болѣе усилился этотъ классъ благодаря сліянію съ княжеской дружиной, которая тоже дѣятельно торговала и постепенно осѣдала по областямъ, параллельно съ осѣданіемъ въ нихъ отдѣльныхъ княжескихъ линій²⁾. «Какъ князь, обжившійся въ своей отчинѣ и дѣдинѣ, не хочетъ ее покидать, такъ и для боярства мѣстные интересы дѣлаются дорогими и сливаются съ ихъ собственными»³⁾. Въ связи съ этимъ, и какъ совѣтники князя, и какъ лучшіе, первые люди на вѣчѣ, бояре имѣли большое значеніе во внутренней жизни общества. Худшіе люди фактически находились въ зависимости отъ лучшихъ. Естественно поэтому, что во всѣхъ дѣлахъ Земли впередъ выступаютъ, по многочисленнымъ свидѣтельствамъ Лѣтописи, именно лучшіе люди⁴⁾. Экономическая зависимость населенія отъ высшаго класса отражалась, между прочимъ, на развитіи рабства, такъ какъ однимъ изъ постоянныхъ источниковъ его было порабощеніе за долги и закупничество, которое сплошь и рядомъ фактически переходило въ настоящее рабство, благодаря широкому произволу имущихъ

1) Ключевскій „Курсъ Русс. Ист.“, т. I, стр. 342.

2) Ключевскій „Курсъ Русс. Ист.“, т. I, стр. 239; Платоновъ „Лекціи“, стр. 99; Сергѣевичъ „Древн. Русск. Права“, т. I, стр. 372; Дьяконовъ „Очерки“, стр. 87; Рожковъ „Истор. съ соціологич. точки зрѣнія“, т. I, стр. 83; Филипповъ „Учебн. Ист. Русс. Права“, стр. 194, 202—203; Владиміръ-Будановъ „Обзоръ“, стр. 25, 29; Павловъ-Сильванскій „Государевы служилые люди“, стр. 11—12, 14; Багалъй „Русская Ист.“, т. I, „Княжеск. Русь“, стр. 290; Пръсняковъ „Княж. Право“, стр. 233, 249—250, 247, 268; Линниченко „Вѣче въ Кіевской Области“, стр. 64; Грушевскій „Ист. Кіевск. Земли“, стр. 346—349, 351, 353; Голубовскій „Ист. Смоленск. Земли“, стр. 226—229; Корсаковъ „Меря и Ростовск. княж.“, стр. 82, 116.

3) Довнаръ-Запольскій „Дружина и боярство“, стр. 398.

4) Сергѣевичъ „Древн. Русск. Права“, т. I, стр. 25, т. II, стр. 60—61; Пръсняковъ „Княж. Право“, стр. 202; Корсаковъ „Меря“, стр. 82; Грушевскій „Ист. Кіев. Земли“, стр. 352; Его-же „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 290; Вьяевъ „Судьбы земщины“, стр. 14.

классов¹⁾. Рабскій трудъ холоповъ широко примѣнялся въ сельскомъ хозяйствѣ, въ крупныхъ частновладѣльческихъ имѣніяхъ, которыя выростали постепенно на ряду съ мелкимъ свободнымъ землевладѣніемъ. Образование и вообще вся культура того времени принадлежали, главнымъ образомъ, высшему слою населенія, по преимуществу, боярству, которое, по справедливости, можно назвать правящимъ, господствующимъ классомъ, бѣдный же «былъ обидимъ» всѣми. По мнѣнію Ключевскаго, вся культура Кіевской Руси была основана на порабощеніи низшихъ классовъ, которые высшіе классы стремились «охолопить», по выраженію Яковкина²⁾. Законодательство имѣло въ виду, главнымъ

¹⁾ Мнѣнія о долговомъ рабствѣ и закупицествѣ. — *Карлизинъ* „Ист. Госуд. Росс.“, т. II, стр. 27; *Погодинъ* „Др. Русс. Ист.“, т. I, стр. 131; *Бестужевъ-Рюминъ* „Русск. Ист.“, т. I, стр. 226 — 227, 215; *Соловьевъ* „Ист. Россіи“, т. I, стр. 234; *Ключевскій* „Курсъ Русс. Ист.“, т. I, стр. 199, 290, 299, 301—302; *Пръсняковъ* „Княж. Право“, стр. 301, примѣч. I; *Багалъй* „Русс. Ист.“, т. I, стр. 189; *Его-же* „Русс. Ист.“, т. I, „Княж. Русь“, стр. 290 — 291; *Грушевскій* „Ист. Кіевск. Земли“, стр. 356 — 357, 392; *Дубенскій*, комментарий къ изданію Русской Правды въ Русскихъ Достопамятн., т. II, стр. 85; *Калачовъ* „Предварительныя юридич. свѣдѣнія для объясненія Русской Правды“, стр. 141; *Ланге* „Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русск. Правды“ въ Архивѣ Историч. и Практич. свѣдѣній, относящ. до Россіи, стр. 56, 62—63; *Мрочекъ-Дроздовскій* „Исслѣдованія о Русской Правдѣ“, т. II, стр. 164; *Дювернуа* „Источники Права и судъ въ Древней Росс.“, стр. 28, 83—84, 138—139, 113—114; *Пихно* „Ист. очеркъ мѣръ гражданскихъ взысканій по Русс. Праву“, стр. 13—18; *Товстольскъ* „Сущность залога въ ист. развитіи по русс. гражданск. праву“ въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1898 г., кн. 8, стр. 141—143; *Загоревскій* „Ист. очеркъ займа по русс. праву до конца XIII столѣт.“, стр. 491, 540, 543—544, 546—553; *Сергѣевичъ* „Древн. Русск. Права“, т. I, стр. 153—154, 199, 215—230; *Владимірскаго-Буданова* „Обзоръ“, стр. 34, 394—396; *Дьяконовъ* „Очерки“, стр. 102, 106—107; *Филипповъ* „Учебн. Ист. Русс. Права“, стр. 216; *Ясинскій* „Закуны Русс. Правды“, стр. 36—38; *Удинцовъ* „Ист. Займа“, стр. 149—158, 168; *Рожековъ* „Очерки юридич. быта по Русс. Правдѣ“, стр. 197; *Максимейко* „Русск. Правда и Литов. Русс. Право“ въ сборникѣ статей, посвященныхъ Владиміреку Буданову, стр. 393; *Довнаръ-Запольскій* „Холопы“ въ „Книгѣ для чтенія“, т. I, стр. 409—411; *Яковкинъ* „Закуны Русск. Правды“ въ Журн. Мин. Нар. Просв., апрѣль и май 1913 г., стр. 109—119.

²⁾ *Дьяконовъ* „Очерки“, стр. 77, 107—108; *Ключевскій* „К. Русск. Ист.“, т. I, стр. 338, 342; *Сергѣевичъ* „Древн. Русс. Права“, т. I, стр. 220; *Въловъ* „Объ историч. значеніи русск. боярства“ Журн. Мин. Нар. Пр.,

образомъ, интересы имущихъ, такъ что тотъ же Ключевскій называетъ Русскую Правду «кодексомъ капитала»¹⁾. Изъ этого ясно, что бояре оказывали вліяніе на княжескія рѣшенія и дѣла, и плохо приходилось тому князю, который пытался обойтись безъ помощи бояръ и ихъ думы. Въ какой мѣрѣ бояре могли вліять на рѣшенія князей, видно хотя бы изъ того, что при заключеніи княжескихъ договоровъ приводили къ присягѣ и бояръ, обязывая ихъ не нарушать согласія²⁾. На примѣрѣ Олега Святославича и, нѣсколько позже, — Ярослава Святополковича, послушавшихъ «злыхъ совѣтникъ», а также Давида Игоревича, котораго они же подговорили противъ Василька, и Владиміра Мономаха, въ угоду своимъ дружинникамъ допустившаго убійство Итлара и Китана, видно это вліяніе высшаго класса. По необходимости князья должны были считаться съ нимъ, такъ какъ этотъ классъ, по выраженію Прѣснякова, сталъ «во главѣ общества, какъ руководящая сила»³⁾, «особенно въ Новгородѣ и Кіевѣ», можно

1886 г., январь, стр. 78—80; *Никитскій* „Очерки по Ист. Вел. Новгород.“, Журн. Мин. Народ. Просв., 1870 г., августъ, стр. 208—210; *Довнаръ-Запольскій* „Ист. Русс. Народ. Хозяйства“, т. I, стр. 340, 358—359; *Его-же* „Холопы“, стр. 401—402, 409; *Яковкинъ* „Закуны Русс. Правды“, апрѣль, стр. 277; *Грушевскій* „Ист. Кіев. Земли“, стр. 404.

О землевладѣніи и рабскомъ трудѣ въ примѣненіи къ нему см. *Ключевскій* „К. Русск. Ист.“, т. I, стр. 301—302, 339—341; *Сергѣевичъ* „Древ. Русс. Права“, т. I, стр. 208; *Платоновъ* „Лекціи“, стр. 126; *Дьяконовъ* „Очерки“, стр. 78—79, 98—99; *Прѣсняковъ* „Княж. Право“, стр. 274, 298; *Владимірскій-Будановъ* „Обзоръ“, стр. 31; *Въляевъ* „Судьбы Земщины“, стр. 30—31; *Никитскій* „Ист. эконо. быта Вел. Новгород.“, стр. 9—10; *Грушевскій* „Ист. Кіев. Земли“, стр. 355; *Данилевичъ* „Ист. Полоцк. Земли“, стр. 214; *Голубовскій* „Ист. Смоленск. Земли“, стр. 91; *Довнаръ-Запольскій* „Дружина и боярство“, стр. 399.

¹⁾ *Ключевскій* „Курсъ Русс. Ист.“, стр. 304.

²⁾ *Сергѣевичъ* „Древности Русс. Права“, т. I, стр. 373, т. II, стр. 376, 383; *Дьяконовъ* „Очерки“, стр. 86, 155—163; *Владимірскій-Будановъ* „Обзоръ“, стр. 49; *Павловъ-Сильванскій* „Государевы служилые люди“, стр. 6—8; *Грушевскій* „Ист. Кіевск. Земли“, стр. 320, 332—333; *Его-же* „Ист. Укр. — Руси“, т. II, стр. 290; *Довнаръ-Запольскій* „Дружина и боярство“, стр. 391—392; *Въловъ* „Объ истор. значен русс. боярства“, стр. 40.

³⁾ *Прѣсняковъ* „Княж. Право“, стр. 249; *Филиттовъ* „Учебн. Ист. Русс. Права“, стр. 203.

добавить словами Филиппова¹⁾. Само положеніе князей сближало ихъ интересы съ интересами боярства. Они сами торговали и сосредоточивали въ своихъ рукахъ громадныя богатства²⁾. Характерны въ этомъ отношеніи слова Изяслава Мстиславича, сказанныя имъ во время его войны съ Ольговичами: онъ предлагалъ своимъ союзникамъ итти на Любечъ, главный торговый портъ Чернигова, и пограбить его, такъ какъ тамъ, по его выраженію, сосредоточилась «вся ихъ жизнь» (т. е. Ольговичей)³⁾. Слѣдовательно, центръ тяжести ихъ жизни былъ въ торговомъ городѣ⁴⁾. Повидимому, ко времени смерти Святополка въ Кіевѣ обострилась рознь между много- и малоимущими на почвѣ роста задолженности, осложнявшейся высокимъ процентомъ и возможностью продажи въ рабство въ случаѣ несостоятельности. Святополкъ, который, по свидѣтельству Патерика, отличался также, какъ и его сыновья, жадностью и самъ даже, повидимому, занимался спекуляціями, только ухудшилъ положеніе. Въ житіи Св. черноризца Прохора рассказывается, какъ Святополкъ вздумалъ устроить монополію на соль⁵⁾, и съ любовью рисуется св. Прохоръ, своими чудесами спасавшій бѣдняковъ отъ алчности князя и богачей. Едва умеръ Святополкъ, какъ въ Кіевѣ произошло возмущеніе. Народъ бросился грабить рѣзоимцевъ, но, какъ видно, не на нихъ только былъ направленъ народный гнѣвъ: къ Мономаху послѣшило второе посольство изъ знатныхъ и богатыхъ, торопя его съ пріѣздомъ, такъ какъ, при отсутствіи силь-

¹⁾ *Филипповъ* „Учебн. Ист. Русс. Права“, стр. 203.

²⁾ *Багалый* „Русс. Ист.“, т. I, стр. 201; *Довнаръ-Запольскій* „Ист. русск. народн. хозяйства“, т. I, стр. 333—335; *Грушевскій* „Ист. Киевск. Земли“, стр. 83.

³⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 254.

⁴⁾ Интересно замѣчаніе Никитскаго, говорящаго, что борьба Велик. Новгорода со своими князьями въ значительной мѣрѣ была связана съ тѣми столкновеніями, въ которыя приходили торговые интересы Новгорода и его князей, обычно связанныхъ съ другими областями (*Никитскій* „Ист. экономич. быта Велик. Новгор.“, стр. 20—21; *Бестужевъ-Рюминъ* „Русск. Ист.“, т. I, стр. 317).

⁵⁾ Кіево-Печерскій Патерикъ житіе св. Прохора, стр. 21.

ной власти, ожидали нападенія со стороны народа на бояръ, монастыри и княжескій дворъ¹⁾. Такимъ образомъ волненіе въ Кіевѣ носило, повидимому, соціальный характеръ. Мономахъ явился въ городъ и оправдалъ надежды бояръ: мятежъ былъ прекращенъ²⁾. Однако онъ принялъ, повидимому, угрожающіе размѣры, такъ какъ были сдѣланы послабленія въ пользу неимущихъ: въ связи съ мятежомъ находится законъ Мономаха объ ограниченіи третнихъ процентовъ, изданный, какъ это видно изъ текста Русской Правды, вскорѣ послѣ смерти Святополка³⁾, и представляющій дальнѣйшій шагъ на пути ограниченія процентовъ. Эта мѣра была уступкой, даже болѣе того—«актомъ самозащиты соціальныхъ верховъ предъ напоромъ раздраженія чернаго люда»⁴⁾. И понятно, почему именно на проценты было обращено такое вниманіе: они были однимъ изъ тягчайшихъ условій жизни для бѣднаго люда, они «подобно змію снѣдали убогихъ»⁵⁾, какъ гово-

1) „Ипат. Лѣт.“, стр. 198. Въ житіи свв. Бориса и Глѣба по этому поводу сказано слѣдующее: „И тѣгда совокупившесе вси людіе, паче же болшии и нарочитии мужи шедше моляху Володимира да шедъ оуставить крамолу сущюю въ людехъ. И въшедъ, оутали мятежъ“ (Издан. Срезневскаго, стр. 86). Подобное мнѣніе—*Линиченко* „Вѣче въ Кіев. Области“, стр. 29; *Грушевскій* „Ист. Кіев. Земли“, стр. 124; *Его-же* „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 109; *Прѣсняковъ* „Княж. Право“, стр. 200.

2) Впрочемъ *Бѣловъ* („Объ историч. знач. русск. боярства“, стр. 79—80, 83) полагаетъ, что народъ, кинувшійся грабить богатыхъ, призвалъ Мономаха къ себѣ на помощь потому, что не могъ самъ справиться съ дружиной. А между тѣмъ, второе посольство къ Мономаху ясно призываетъ его справиться именно съ грабившимъ народомъ, а не съ дружиной. И далѣе *Бѣловъ* пишетъ: „Кіевляне призвали Мономаха, а потомъ Изяслава, дабы избавиться отъ притѣненій дружинниковъ предыдущихъ князей; вѣче ихъ давно было стѣнено дружинами, а дружины Ольговичей были, конечно, и грубѣе и жаднѣе дружинъ Мономаховичей“. И такъ вся причина столь важнаго самостоятельнаго выступленія Кіянъ—въ томъ, что дружина Святополка и Ольговичей была грубѣе! Да, наконецъ, и это надо еще доказать!

3) *Калачовъ* „Предв. Свѣд. для объясн. Русс. Правды“, стр. 139, статья XV.

4) *Прѣсняковъ* „Княж. Право“, стр. 248; то-же у проф. *Грушевскаго* „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 290.

5) Слово митрополита Никифора о постѣ (Митроп. Макаріи „Ист. Русской Церкви“, т. II, стр. 162).

рить въ своемъ Словѣ о постѣ митрополитъ Никифоръ. Мономаху приписывается нѣкоторыми изслѣдователями также рядъ законовъ, касавшихся зауповъ¹⁾, въ смыслѣ огражденія ихъ личности отъ произвола господъ. Здѣсь не мѣсто разбирать вопросъ о сущности древне-русскаго закупничества, которому посвящена спеціальная обширная литература. Въ данномъ случаѣ важно не то, былъ ли закупъ должникомъ, отдавшимъ въ самозалогъ, или работникомъ, отработывающимъ свой долгъ деньгами или инвентаремъ, или, наконецъ, просто наймитомъ, а то, что во всѣхъ этихъ случаяхъ, благодаря силѣ высшаго класса, могъ быть примѣняемъ широкой произволь, вслѣдствіе котораго фактически между закупничествомъ и рабствомъ былъ всего одинъ шагъ, такъ что для ограниченія этого произвола даже потребовалось вмѣшательство правительственной власти, хотя, какъ видно, не безъ сильнаго давленія со стороны самого населенія. Это одно изъ рѣдкихъ извѣстій лѣтописи о внутренней жизни русскаго общества. Оно интересно еще и въ томъ отношеніи, что дѣлаетъ намекъ, со стороны какихъ именно общественныхъ силъ искалъ поддержки Мономахъ. Повидимому, такой силой были бояре. Въ данномъ случаѣ Мономахъ и бояре, по выраженію проф. Грушевскаго, являются вполне солидарными²⁾. Недаромъ еще при жизни Святополка, по интересному

¹⁾ Карамзинъ „Ист. Госуд. Росс.“, т. II, стр. 89; Костомаровъ „Русск. Истор. въ жизнеописан. ея главнѣйш. дѣят.“, т. I, стр. 64—66; Соловьевъ „Ист. Россіи“, т. II, стр. 75; Ключевскій „К. Русс. Ист.“, т. I, стр. 305; Бестужевъ-Рюминъ „Русс. Ист.“, т. I, стр. 226; Багалъй „Русс. Ист.“, т. I, стр. 193; Прѣсняковъ „Княж. Право“, стр. 248, 301; Грушевскій „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 118—119; Его-же „Ист. Кіев. Земли“, стр. 124, 131—132, примѣч. 4; Линниченко „Вѣче въ Кіевск. области“, стр. 30; Владимірскій-Будановъ „Обзоръ“, стр. 604—605; Загоревскій „Ист. очеркъ займа по Русс. Праву“, стр. 522—523; Удинцовъ „Ист. Займа“, стр. 79—80; Розковъ „Очерки юридич. быта“, стр. 194; Довнаръ-Запольскій „Ист. Русск. народн. хозяйства“, т. I, стр. 197—198; Энциклопед. Словарь Брокгаузъ и Эвфронъ статья „Влад. Мономахъ“, стр. 649; то-же въ новомъ изданіи, стр. 931.

²⁾ Грушевскій „Ист. Кіев. Земли“, стр. 353; Его-же „Ист. Украин.—Руси“, т. II, стр. 109—110.

замѣчанію Соловьева, «члены старой дружины держатся постоянно Мономаха и его думы»¹⁾. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что боярство въ Кіевѣ, безспорно, стояло во главѣ общества и направляло его политику. Поэтому излюбленнымъ княземъ Кіева Мономахъ могъ быть постольку, поскольку онъ былъ излюбленъ кіевскимъ боярствомъ. Другой намекъ на такой характеръ внутренней политики Мономаха даетъ одинъ случай, имѣвшій мѣсто при его столкновении съ Ярославомъ Святополчичемъ. Лѣтопись говоритъ, что во время этой борьбы собственные бояре Ярослава отступились отъ него²⁾ и, слѣдовательно, перешли на сторону Мономаха. Общимъ явленіемъ того времени было отстаиваніе отдѣльными областями своей независимости отъ Кіева; поэтому такое тяготѣніе волынскихъ бояръ къ Кіевскому князю можетъ быть объяснено только особымъ покровительствомъ, которое онъ имъ оказывалъ. Той же политики Мономахъ придерживался и въ Новгородѣ. Связи съ боярствомъ поддерживались имъ даже при помощи браковъ: Мстиславъ послѣ смерти своей первой жены, и уже оставивъ Новгородъ, переданный его сыну Всеволоду, женился на Новгородской боярышнѣ, дочери посадника, которую Лѣтопись называетъ Дмитровною Завидица. Этотъ бракъ совершился въ 1123 году, а въ 1128-омъ посадничество получилъ Завидъ Дмитровичъ, можетъ быть, братъ княгини. Подобный же бракъ заключилъ и его сынъ Всеволодъ Мстиславичъ³⁾. Новгородцы, какъ извѣстно, любили Мстислава: еще при Святополкѣ, когда послѣдній задумалъ помѣняться съ Мономахомъ, предлагая ему Волынь вмѣсто Новгорода, новгородцы воспротивились и не пустили отъ себя Мстислава. Въ этой любви большую роль могло играть нежеланіе Новгорода зависть отъ Кіева, и это свое желаніе онъ и выполнилъ подъ покро-

¹⁾ Соловьевъ „Ист. Россіи“, т. II, стр. 83.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 205.

³⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 206; „Новг. I-я“, стр. 122–124; „Новг. IV-я“, стр. 2; „Тверск. Лѣт.“, стр. 193.

вительствомъ Мономаха¹⁾. Когда же послѣдній самъ сдѣлался великимъ княземъ и притомъ гораздо болѣе могущественнымъ, чѣмъ Святополкъ, въ Новгородѣ произошло какое то волненіе. Вотъ что говоритъ объ этомъ Новгородская Первая Лѣтопись: «Томъ же лѣтъ (1118 г.) приведе Володимиръ со Мьстиславомъ вся бояры Новгородскыя Киеву и заводи я къ честному кресту и пусти я домовъ, а иная у себѣ остави; и разыгнѣвася на ты, оже то грабиши Даньслава и Ноздрячю и на соцькаго на Ставра и затоци я вси»²⁾. «Безъ сомнѣнія, эти ограбленные были преданные Владиміру бояре», пишетъ Погодинъ. И, какъ видно, Мономахъ постоялъ за нихъ, рѣзко расправившись съ оппозиціей. Очевидно также, что онъ имѣлъ въ Новгородѣ твердую опору: волненій больше не было, и изъ Кіева былъ присланъ посадникъ³⁾. Если это соображеніе вѣрно, то оно лишній разъ под-

¹⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 181—182; „Лавр. Лѣт.“, стр. 265, 266; *Соловьевъ* „Ист. Россіи“, т. II, стр. 64—65; *Грушевскій* „Ист. Украин.—Руси“, т. II, стр. 101.

²⁾ „Новг. I-я“, стр. 122.

³⁾ „Новг. I-я“, стр. 65; „Новг. IV-я“, стр. 3; *Карамзинъ* „Исторія Гос. Росс.“, т. II, стр. 92; *Погодинъ* „Древ. Русск. Ист.“, т. I, стр. 213; *Костомаровъ* „Сѣверн.-русск. народоцр.“, стр. 41. Если сопоставить все это съ нѣкоторыми болѣе поздними обстоятельствами, то связь Мономаха съ боярствомъ можетъ еще получить подтвержденіе, хотя и косвенное. Еще при жизни Мономаха былъ посаженъ въ Новгородѣ его внукъ, Всеволодъ Мстиславичъ. Этотъ послѣдній правилъ тамъ мирно, пока въ Кіевѣ сидѣлъ Мономахъ, а потомъ Мстиславъ. Или вѣрнѣе правила Владиміръ съ Мстиславомъ, судя по приведенному извѣстію Новгородской Лѣтописи. Но съ вокняженіемъ Ярополка Владиміровича дѣло измѣнилось. Здѣсь не интересно разбирать, въ силу чего именно ослабѣлъ авторитетъ Кіевского князя, но это сейчасъ же отразилось въ Новгородѣ. Подняла голову партія, которая до сихъ поръ была, очевидно, въ подчиненномъ положеніи. Начались столкновенія князя съ Новгородцами, которыя окончились его изгнаніемъ. Очень важны тѣ вины, за которыя Новгородъ изгналъ своего князя: на первомъ мѣстѣ стоить упрекъ въ томъ, что онъ не заботится о смердахъ (по Новгородскимъ, Софійской и Тверской Лѣтописямъ), о „черныхъ людяхъ“ (по Никоновской), „людяхъ черни“ (по Воскресенской) („Ипат. Лѣт.“, стр. 215—216; „Лаврен. Лѣт.“, стр. 289; „Новгород. I-я Лѣт.“, стр. 128—129; „Новгород. IV-я Лѣт.“, стр. 56; „Софійск. I-я Лѣт.“, стр. 157; „Тверск. Лѣт.“, стр. 198—199; „Ермолинек. Лѣт.“, стр. 30—31; „Никоновск. Лѣт.“, стр. 159—161; „Воскресенск. Лѣт.“, стр. 30—31). Изъ этого видно, что противъ

тверждаетъ политическую разсчетливость Мономаха. Въ своемъ Поученіи онъ недаромъ особенно совѣтуетъ своимъ дѣтямъ еже-

Всеволода былъ черный народъ, а за него (такъ какъ у него также была сильная партія) стояли бояре. Никитскій называлъ это событіе—революціей, поднявшей народный элементъ (Жур. Мин. Нар. Просв. 1870 г., августъ, стр. 214—215; подобное мнѣніе у *Соловьева* „Ист. Росс.“, т. I, стр. 103; *Костомарова* „Сѣверн. - Русс. народоправства“, т. VIII, стр. 289—294, особенно стр. 290; *Рожкова* „Политич. партіи въ Велик. Новгородѣ XII—XV в.“, въ „Ист. и Соціолог. очеркахъ“, т. II, стр. 38—39; *Голубовскаго* „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 110—111; *Довнара-Запольскаго* „Ист. Кривич. и Дрегович. Земли“, стр. 122). По тому ожесточенному характеру, который приняла эта борьба, видно, что она подготовлялась давно, имѣла глубокіе корни въ самой жизни. И, можно думать, что партія лучшихъ людей недаромъ крѣпко держалась за внука Мономаха, проводившаго въ жизнь политику дѣда. Въ Новгородѣ во главѣ партіи, противной Мономаховичамъ, сталъ Святославъ Ольговичъ; ту же роль въ Кіевѣ сыгралъ его братъ Всеволодъ. Если само вокняженіе Всеволода заставляетъ предполагать существованіе сочувствовавшей ему партіи въ Кіевѣ, настолько оно совершилось безъ сопротивленія Кіевлянъ и самихъ Мономаховичей (*Сергѣевичъ* „Древн. Русск. Права“, т. II, стр. 17, 21; *Грушевскій* „Ист. Кіевск. Земли“, стр. 169—170, 175, прим. I; *Его-же* „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 145; *Голубовскій* „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 132), то особенно обнаруживается ея дѣятельность въ событіяхъ, сопровождавшихъ избраніе и смерть Игоря Ольговича („Ипат. Лѣтоп.“, стр. 229—233; „Лавр. Лѣтоп.“, стр. 297, 300—302; „Никон. Лѣтоп.“, стр. 169, 175—176). Должно быть эта партія была не слишкомъ слаба, если благодаря ей Игорь безъ всякаго сопротивленія былъ два раза признанъ на вѣчѣ Кіевскимъ княземъ, и затѣмъ позже, также на вѣчѣ, собранномъ по поводу покушенія на Изяслава Мстиславича, была высказана неизвѣстнымъ ораторомъ сильная боязнь, что сторонники Игоря освободятъ его и снова провозгласятъ княземъ, что, какъ извѣстно, крайне возбудило толпу и вызвало убійство Игоря. Недаромъ также митрополитъ запретилъ разглашать о чудѣ надъ тѣломъ убитаго князя: быть можетъ, онъ боялся, что это извѣстіе возбудитъ его сторонниковъ и вызоветъ столкновенія среди самихъ кіевлянъ. Что же это была за партія, существовавшая несмотря на то, что совершенно не соответствовала исконной нелюбви кіевлянъ къ Ольговичамъ, коренившейся въ областной и торговой жизни Кіева. Излюбленные князья какой нибудь земли должны были быть и излюбленными вліятельнѣйшей, сильнѣйшей части населенія, а едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что во главѣ общественной и политической жизни Кіева стояли лучшіе люди, бояре. „Наши древнія политическія партіи“, пишетъ Сергѣевичъ, „группировались обыкновенно около князей“ („Др. Русск. Права“, т. II, стр. 69), но не личные же ихъ интересы онѣ защищали. Болѣе слабая партія должна была поэтому искать себѣ вождей не въ излюбленной линіи, т. е. не среди сыновей и

дневно «думать» со своими боярами¹⁾. Въ своей политикѣ онъ всегда опирался на тѣ силы, которыя завѣдомо имѣли преимущество реальной мощи. Поэтому онъ всегда связывалъ свои интересы съ интересами Кіева, а въ немъ самомъ—съ интересами бояръ.

По отношенію къ удѣльнымъ князьямъ, Мономахъ, ничего извнѣ не прибавляя къ патріархальной власти Великаго князя, на самомъ дѣлѣ былъ настоящимъ монархомъ. Съ непокорными онъ расправлялся очень круто, при чемъ заставлялъ другихъ князей, бывшихъ съ нимъ въ мирѣ, помогать ему въ походахъ,

внуковъ Мономаха; и такими вождями въ Кіевѣ, какъ и въ Новгородѣ, явились Ольговичи. Позже, находясь въ опасномъ положеніи, Игорь Ольговичъ старался привлечь на свою сторону и бояръ, но безуспѣшно (объ этихъ его стараніяхъ *Соловьевъ* „Ист. Росс.“, т. II, стр. 122; *Бѣловъ* „Ист. Россіи“, стр. 58; *Грушевскій* „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 149). Болѣе слабая по существу, эта партія была слаба и по своимъ вождямъ, которые часто являлись врагами Кіевской земли и тѣмъ самымъ дѣлали свою партію неустойчивой. На подобное значеніе партіи Ольговичей есть, какъ кажется, намекъ въ рѣчи того оратора, который предложилъ убить Игоря. Онъ напомнилъ кіевлянамъ о случаѣ освобожденія Всеслава, котораго провозгласили княземъ „зліи люди“. А Всеславъ едва ли не былъ народнымъ избранникомъ. Такимъ образомъ сыновья и внуки Мономаха стоятъ во главѣ партіи лучшихъ людей, иначе они и не могли бы быть излюбленными князьями Кіева. А кто же положилъ начало этой популярности, и при томъ очень прочной, какъ не самъ Владиміръ Мономахъ?

Можетъ возникнуть вопросъ, почему Ольговичи могли явиться вождями партіи, которую для краткости обозначенія мы назовемъ демократическою? Вѣдь сами они были излюбленными князьями Чернигова, въ которомъ дружинный бытъ и экономическія условія также должны были выдвинуть сильныя высшіе классы. На это можно отвѣтить, что мы не знаемъ для всѣхъ земель относительной силы различныхъ слоевъ населенія. Въ однихъ боярство могло быть сильнѣе, въ другихъ слабѣе. Вѣдь опирались же нѣсколько позже князья Суздальскіе не на бояръ, а на „мезинныхъ“ людей владимірскихъ. Затѣмъ ни для какого князя не могло быть обязательнымъ въ чужой землѣ придерживать той же политики, какъ и въ своей. Побудительной силой тутъ должны были быть не принципы, особенно при зачаточномъ состояніи общественной жизни въ то время, а личные интересы, которые легко могли побудить князя, покровительствовавшаго у себя дома боярамъ, въ другомъ княжествѣ привлекать на свою сторону черный людъ. Въ данномъ случаѣ Ольговичи уже потому не могли опираться на бояръ, что на нихъ опирались Мономаховичи, и потому имъ оставалось вербовать свою партію въ другихъ слояхъ населенія.

¹⁾ „Лавр. Лѣт.“, стр. 238.

предпринятыхъ ради его личныхъ интересовъ¹⁾. Интересно, что Лѣтопись совершенно не упоминаетъ о причинахъ усобицъ временъ великокняженія Мономаха. Почему Глѣбъ Всеславичъ Минскій напалъ на Слуцкъ, и въ чемъ укорялъ онъ Мономаха, неизвѣстно. Владиміръ за это взялъ у него Оршу и Копысь, а Ярополкъ Мономаховичъ — Друтскъ и при этомъ разграбилъ его (взялъ на щитъ); затѣмъ осадили самого Глѣба въ Минскѣ. Глѣбъ просилъ мира и получилъ его. По своему обыкновению, Лѣтопись приписываетъ это великодушію Мономаха: онъ не хотѣлъ проливать крови «въ дни постныя Великаго поста». Однако, миръ былъ для него выгоденъ: къ Смоленску отошли Орша и Копысь, а Ярополкъ даже не отпустилъ на родину своихъ плѣнныхъ-дрючанъ, а поселилъ ихъ въ своемъ княжествѣ, выстроивъ для нихъ городъ Желди. Кромѣ того Глѣбъ, повидимому, обѣщавъ Мономаху полную покорность и послушаніе. «И обѣщася Глѣбъ по всему послушати Володимира. Володимеръ же, умиривъ Глѣба и наказавъ его о всемъ, вдасть ему Меньскъ». Такимъ образомъ даже свой Минскъ Глѣбъ получилъ изъ рукъ Мономаха. Въ сущности, это было потеряю независимости, и Глѣбъ превращался въ подручника Великаго князя. Должно быть, такое положеніе было ему тягостно, и онъ дѣлалъ попытки отъ него освободиться: уже въ слѣдующемъ, 1117 году Владиміръ вывелъ его изъ Минска, а въ 1119-мъ увелъ его самого въ Кіевъ, гдѣ Глѣбъ вскорѣ и умеръ²⁾. Такимъ образомъ Мономахъ присоединилъ еще и часть Полоцкаго княжества къ своимъ владѣніямъ. Почти одновременно онъ овладѣлъ и Волынью. Въ 1117 году Мономахъ перевелъ своего сына Мстислава изъ Новгорода въ Бѣлгородъ³⁾. Это могло подать поводъ предполагать, что Владиміръ хочетъ держать поближе отъ себя

¹⁾ Грушевскій „Ист. Кіевс. Земли“, стр. 130; Голубовскій „Истор. Сѣверск. Земли“, стр. 104.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 203, 205; „Лавр. Лѣт.“, стр. 276, 277; Данилевичъ „Истор. Полоцкой Земли“, стр. 74, 76; Довнаръ-Запольскій „Ист. Кривич. и Дрегов. Земли“, стр. 92—93.

³⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 204.

старшаго сына, съ цѣлью передать ему Кіевъ послѣ своей смерти. Ярослава Святополчича это должно было очень обезпокоить, такъ какъ въ слѣдующемъ поколѣніи онъ могъ разсчитывать на великое княженіе, будучи самымъ старшимъ въ роду¹⁾. Очевидно, онъ какъ-нибудь проявилъ свое недовольство, такъ какъ Мономахъ осадилъ его во Владимірѣ-Волынскомъ²⁾. Дѣло окончилось такъ же, какъ и съ Глѣбомъ: Ярославъ «покорился и ударилъ челомъ» Мономаху, который и его поставилъ въ зависимое положеніе: «велѣ ему къ собѣ приходити, когда ты позову». Лѣтопись и тутъ молчитъ о причинахъ ихъ ссоры. Предполагаютъ, что Мономахъ сердился на Волинскаго князя за нелады съ его женою, внучкой Владиміра³⁾. Если даже это и было такъ, въ смыслѣ повода для недоразумѣній, то въ томъ же году Мономахъ совершилъ поступокъ, который трудно объяснить подобнымъ образомъ: «не обращая никакого вниманія на права князя, онъ посылаетъ во Владиміръ не то для наблюденія только, не то настоящимъ княземъ, сына своего Романа»⁴⁾. Лѣтопись же говоритъ совершенно ясно: «посла Романа во Владиміръ княжить»⁵⁾. Это могло быть вызвано тѣмъ, что Ярославъ искалъ поддержки у

1) *Погодинъ* „Древн. Русск. Ист.“, т. I, стр. 209; *Соловьевъ* „Ист. Россіи“, т. II, стр. 77; *Соловьевъ* „Истор. отношеній“, стр. 127; *Бѣловъ* „Ист. Россіи“, стр. 52; *Грушевскій* „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 111—112; *Линниченко* „Взаимныя отношенія“ стр. 140.

2) Такое именно значеніе скрытаго соперничества изъ-за Кіева придаетъ этимъ событіямъ *Длугошъ*. Онъ говоритъ, что Мономахъ пошелъ на Ярослава, боясь, чтобы тотъ не выгналъ его самого изъ Кіева, и далѣе цѣлью похода Ярослава съ союзниками на Мономаха является также Кіевъ. Они идутъ „ad opprimendum Wladimirum“. (*Длугошъ*, стр. 178—179, 182—183).

3) „Ипат. Лѣт.“, стр. 197; „Никон. Лѣт.“, стр. 150; *Карамзинъ* „Ист. Гос. Росс.“, стр. 92; *Полевой* „Ист. Русс. Народа“, т. II, стр. 372; *Соловьевъ* „Ист. Россіи“, т. II, стр. 76; *Грушевскій* „Ист. Кіев. Земли“, стр. 128; *Лонгиновъ* „Червенскіе города“, стр. 100; *Энциклопедичес. Словарь Брокгаузъ и Эвфронъ*, стат. „Владим. Моном.“, стр. 649.

4) *Андріашевъ* „Ист. Волинск. Земли“, стр. 117.

5) „Ипат. Лѣт.“, стр. 205.

поляков¹⁾; къ нимъ же онъ и бѣжалъ отъ Романа²⁾. Когда послѣдній умеръ, то Мономахъ отправилъ на Воынь на княженіе своего другого сына, Андрея. Ярославъ, послѣ тщетной попытки овладѣть Червенскими городами, обратился къ помощи Венгровъ и, въ союзѣ съ ними, съ поляками и съ Ростиславичами, осадилъ Владиміръ. Интересенъ этотъ его союзъ съ Ростиславичами. Онъ показываетъ, что и они были обезпокоены возвышеніемъ власти Мономаха³⁾. Ярославъ, по сказанію Лѣтописи, очень возгордился множествомъ воиновъ и угрожалъ городу. Осажденный же Андрей «имяше надежду велику на Бога и на отца своего молитву надѣяшиться». Слѣдствія этихъ благочестивыхъ чувствъ были весьма неожиданны: изъ города вышли два ляха, которые у многихъ изслѣдователей вызывали подозрѣніе, не были ли они на службѣ у Андрея⁴⁾, и, засѣвши въ засаду, убили Ярослава. Зналъ Мономахъ объ этомъ предательствѣ или нѣтъ, трудно сказать. Но когда союзники Ярослава разсѣялись и просили

¹⁾ *Андрияшевъ* „Ист. Воын. Земли“, стр. 117; *Линниченко* „Взаимн. отнош.“, стр. 126.

²⁾ Лѣтопись говоритъ: „бѣжа въ Угры“. Но Длугошъ рассказываетъ о бѣгствѣ къ полякамъ, что вѣроятно по связи съ послѣдующими событіями (Длуг., стр. 179).

³⁾ Есть мнѣніе, что помощь Ростиславичей была вынужденной, такъ какъ передъ этимъ Володаръ былъ взятъ въ плѣнъ поляками, и они при освобожденіи, вѣроятно, обязали его помогать полякамъ во всѣхъ ихъ войнахъ. (*Соловьевъ* „Ист. Росс.“, т. II, стр. 78—79; *Его-же* „Ист. отношеній“, стр. 128; *Иловайскій* „Ист. Росс.“, т. I, стр. 145). Однако это предположеніе страдаетъ натяжностью сравнительно съ первымъ (у *Прѣснякова* „Княж. Право“, стр. 73; *Линниченко* „Взаимн. отнош.“, стр. 141; *Ивановъ* „Ист. Воын. Земли“, стр. 132—133; *Грушевскій* „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 113, 413), такъ какъ основывается, въ сущности, на заранѣе составленномъ, хорошемъ мнѣніи о поступкахъ Мономаха; первое-же вытекаетъ естественно изъ междукняжескихъ отношеній и интересовъ того времени. Къ тому же Длугошъ, на извѣстіи котораго основываются Соловьевъ и Иловайскій, говоритъ, что Ростиславичи присоединились къ Польскому и Венгерскому королю потому, что держали сторону Ярослава (Длугошъ, стр. 180—181). Это обстоятельство, какъ будто, исключаетъ принудительность похода Ростиславичей.

⁴⁾ *Соловьевъ* „Ист. Росс.“, т. II, стр. 79; *Полевой* „Ист. Русс. Народа“, т. II, стр. 379; *Иловайскій* „Ист. Росс.“, т. I, стр. 144; *Лашинковъ* „Владим. Моном.“, стр. 766.

его о мирѣ, онъ «прослави Бога о такомъ чудеси Божии и о помощи Его». «Вижьте, братіе, коль благъ Богъ и милостивъ на смиренныя и на праведныя, презирая и мьщая ихъ; а гордымъ Господь Богъ противится силою Своею, а смиреннымъ даетъ благодать», такъ кончаетъ лѣтописецъ разсказъ объ этомъ эпизодѣ¹⁾. Дальше итти некуда въ пристрастіи къ Мономаху: всякое дѣло его благо, и всякій его успѣхъ — чудо Божіе²⁾. Подобное восторженное отношеніе Кіевской Лѣтописи къ Мономаху понятно. Его твердая централизованная политика не могла не быть угодною Кіеву. Кромѣ того, лѣтописецъ-монахъ могъ болѣе сочувствовать Мономаху, отличавшемуся правовѣріемъ, чѣмъ Ярославу Святополчичу, котораго какъ разъ въ это время митрополитъ Никифоръ почти прямо обвинялъ въ латинской ереси³⁾. Кромѣ Волыни, Мономахъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ еще и Туровъ, такъ что за Святополковичами остался одинъ Клецкъ⁴⁾. Другихъ усобицъ при Мономахѣ не было. Такимъ образомъ, кромѣ Галицкой и Сѣверской Земель, да еще Полоцка, у котораго онъ отнялъ Минскъ, Копысь и Оршу, вся Русь была въ его рукахъ. Достояно вниманія еще одно весьма важное обстоятельство, которое отмѣчаетъ проф. Грушевскій: Мономахъ владѣлъ всѣмъ Великимъ Воднымъ Путемъ⁵⁾. Кто же могъ теперь противиться ему въ какомъ бы то ни было отношеніи?

1) „Ипат. Лѣт.“, стр. 204—205, 206, 207; „Лавр. Лѣт.“, стр. 277, 278.

2) Любопытно замѣчаніе Ивакина, что уничижительная форма имени Ярослава—Ярославецъ, употребляется Лѣтописью какъ разъ параллельно соотвѣтствующему мѣсту Поученія, гдѣ онъ названъ такимъ же образомъ (Ивакинъ „Владим. Моном.“, стр. 265, примѣч. 2; „Лавр. Лѣт.“, стр. 241).

3) Данныя для подобнаго обвиненія заключаются именно въ этомъ Посланіи митрополита Никифора. Другихъ данныхъ нѣтъ. Весьма возможно, что объ этой самой ереси Никифоръ узналъ только отъ Мономаха. (Фотинскій „Посланіе митрополита Никифора къ Волынск. князю Ярославу Святополковичу“, стр. 12—13; въ „Волынскомъ Ист.-Археологич. Сборникѣ“, вып. I).

4) Соловьевъ „Ист. Росс.“, т. II, стр. 80; Грушевскій „Ист. Укр.-Руси“, т. II, стр. 111.

5) Грушевскій „Ист. Кіев. Земли“, стр. 133.

На ряду съ усиленіемъ внутренняго господства, шла успѣшно и внѣшняя политика. Мстиславъ Владиміровичъ совершилъ съ новгородцами и псковичами удачный походъ на Чудь. Столь же успѣшенъ былъ походъ Ярополка Владиміровича на половцевъ. Юрій ходилъ изъ Суздаля на Волгу противъ болгаръ и побѣдилъ ихъ¹⁾. Одно время русскія войска появились даже на Дунаѣ, куда они ходили на помощь Леону, сыну императора Діогена, женатому на дочери Мономаха. Посажены были даже посадники по Дунайскимъ городамъ, но Леонъ былъ убитъ, и дѣло кончилось ничѣмъ²⁾. Если похвала новгородскаго лѣтописца Мономаху, говорящаго, что всѣ страны имени его «трепетаху»³⁾, безъ сомнѣнія, преувеличена, то все же онъ занималъ и во внѣшней политикѣ почетное положеніе, которое подкрѣплялъ дипломатическими браками. Его старшій сынъ Мстиславъ былъ женатъ на Христинѣ, дочери Шведскаго короля; дочь Евфимію онъ выдалъ замужъ за Венгерскаго короля, а другую дочь Марію—за Леона Діогеновича. Когда же престоломъ въ Византіи завладѣлъ Алексѣй Комненъ, и попытка Мономаха завладѣть Болгаріею для его зятя окончилась неудачей, то онъ черезъ нѣкоторое время породнился съ Комненами, устроивъ бракъ своей внучки, дочери Мстислава, съ Іоанномъ Комненомъ⁴⁾. Браки Юрія и Андрея Владиміровичей съ половецкими ханшами показываютъ, что, несмотря на всѣ побѣды, необходимы были родственныя связи и со степью,

1) „Ипат. Лѣт.“, стр. 203, 204—205; „Лавр. Лѣт.“, стр. 276, 277.—

2) „Ипат. Лѣт.“, стр. 204; „Лавр. Лѣт.“, стр. 276; Карамзинъ „Ист. Гос. Росс.“, т. II, стр. 91; Полевой „Ист. Русс. Народа“, т. II, стр. 380; Погодинъ „Др. Русс. Ист.“, т. I, стр. 215; Арцыбашевъ „Повѣст. о Росс.“, т. I, стр. 64, прим. 379; Соловьевъ „Ист. Росс.“, т. II, стр. 80; Пловайскій „Ист. Росс.“, т. I, стр. 146; Грушевскій „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 115.

3) „Новгор. II-я Лѣт.“, стр. 6.

4) „Ипат. Лѣт.“, стр. 197, 204, 206; Карамзинъ „Ист. Госуд. Росс.“, т. II, стр. 91, 99; Погодинъ „Древ. Русс. Ист.“, т. I, стр. 216; Соловьевъ „Ист. Росс.“, т. II, стр. 80, 81; Пловайскій „Ист. Росс.“, т. I, стр. 146; Ивакинъ „Владим. Моном.“, стр. 208—209; Грушевскій „Ист. Кіевск. Земли“, стр. 126; Его-же „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 80, 116, 117; Багалый „Русс. Ист.“, т. I, стр. 156; Арцыбашевъ „Повѣст. о Росс.“, т. I, стр. 69, примѣч. 407; Козловскій „Сношенія Др. Руси“, стр. 137.

для поддержанія мира¹⁾. Нѣкоторые браки въ семействѣ Мономаха были заключены съ цѣлями внутренней дипломатіи. Такъ, Романа Владиміръ женилъ на дочери Володаря Ростиславича; недаромъ же именно его онъ отправилъ княжить во Владиміръ-Волинскій, когда выгналъ оттуда Ярослава Святополчича. Вѣроятно, онъ хотѣлъ этимъ назначеніемъ парализовать возможное недовольство Ростиславичей. Съ подобной же цѣлью, повидимому, онъ выдалъ дочь Агафью за Всеволодка Городенскаго: этимъ онъ парализовалъ еще одну силу на Волыни²⁾.

Окруженный многочисленной семьею, Мономахъ умеръ въ глубокой старости въ 1126 году на р. Альтѣ, гдѣ наблюдалъ за постройкой храма во имя св. мучениковъ Бориса и Глѣба³⁾. Ему было 72 года, онъ пережилъ, кромѣ одного, всѣхъ своихъ двоюродныхъ братьевъ и даже трехъ своихъ сыновей, Изяслава, Святослава и Романа, умершихъ ранѣе его⁴⁾. Умирая, онъ стоялъ во главѣ сильнаго государства и достигъ такой власти, какая изо всѣхъ князей удѣльно-вѣчевого періода принадлежала, можетъ быть, только ему одному. Кіевляне показали, что они оцѣнили приверженность Мономаха ихъ интересамъ: они оплакивали его кончину и привязанность свою перенесли на Мстислава и весь родъ Мономаховъ. Безъ всякаго сопротивленія со стороны кого бы то ни было, Мстиславъ занялъ Кіевъ послѣ смерти Владиміра, и есть извѣстіе, что и его особо приглашали кіевляне къ себѣ на столъ, какъ раньше его отца⁵⁾.

Въ теченіе полувѣка Владиміръ Мономахъ занималъ центральное положеніе въ исторіи Руси, и уже это одно само по

¹⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 187, 205.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 199, 204; Црвѣняковъ „Княж. Право“, стр. 72; Линниченко „Взаим. Отнош.“, стр. 143; Грушевскій „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 111—112; Его-же „Волинскій вопросъ“, стр. 82—83.

³⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 208; „Лавр. Лѣт.“, стр. 270—280.

⁴⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 165, 199, 205.

⁵⁾ „Новгор. Г-я Лѣт.“, стр. 123; Грушевскій „Ист. Кіевск. Земли“, стр. 185.

себѣ показываетъ тѣсную связь между нимъ и его временемъ. При разборѣ его жизни и дѣятельности, эта связь все болѣе подтверждается и выясняется. Между главными теченіями общественной жизни того времени, съ одной стороны, и его взглядами и стремленіями, съ другой стороны, можно установить несомнѣнную зависимость. Какъ подручный князь при своихъ дядьяхъ, какъ правая рука своего отца, какъ могущественнѣйшій изъ областныхъ князей при Святополкѣ и, наконецъ, какъ Великій князь, всегда и вездѣ Мономахъ проводитъ одну мысль, именно идею единства и централизаціи. Въ общественной жизни были силы, на которыя онъ могъ опереться въ этихъ своихъ стремленіяхъ и, дѣйствительно, опирался. Такою силой было тяготѣніе къ единству, основанное, кромѣ общности происхожденія, языка, религіи, еще и на общности экономическихъ интересовъ, и представителемъ ея былъ Кіевъ. На него-то именно и старался всегда опереться Мономахъ. Самымъ сильнымъ общественнымъ классомъ, направлявшимъ политику внутреннюю и внѣшнюю, было боярство; и мы видимъ, что на боярство и опирался Мономахъ. Пользуясь этими силами, онъ поднялъ до такой высоты власть Великаго князя, что Лашнюковъ, на примѣръ, сближалъ его до нѣкоторой степени съ Великими князьями Московскими. Тѣмъ не менѣе, Мономахъ не обнаружилъ попытокъ уничтожить областную систему: отнимая волости у другихъ князей, онъ передавалъ ихъ тотчасъ же своимъ сыновьямъ. Такимъ образомъ онъ стремился доставить обладаніе Русью не одному лицу, а только лишь своему роду. Полъ жизни Мономахъ провелъ въ борьбѣ съ такъ называемыми изгоями, которыхъ поддерживали стремленія отдѣльныхъ земель къ самобытной, областной жизни, и не имѣлъ успѣха. Достигнувъ даже высшей точки своего могущества, онъ все же не могъ управлять областями черезъ посадниковъ, а давалъ имъ князей въ лицѣ своихъ сыновей. Даже любовь Кіевлянъ къ Мономаху и его роду въ значительной мѣрѣ можно объяснить все тѣмъ же желаніемъ имѣть родъ своихъ излюбленныхъ князей, желаніемъ, общимъ и для другихъ земель,

а для Кіева тѣмъ болѣе насущнымъ, что князь чужой земли такъ или иначе, ставилъ его въ зависимость отъ иного торговаго и племенного центра. Такимъ образомъ, Мономахъ, если бы и хотѣлъ уничтожить удѣльную систему, то не могъ бы, при всемъ желаніи, этого сдѣлать. Часто говорятъ о немъ по этому поводу, что онъ былъ вполнѣ сыномъ своего времени и не прокладывалъ новыхъ путей¹⁾. Но желать и мочь—не одно и то же. Желаніе же, несомнѣнно, существовало. Стремленія къ единству на Руси были, хотя и на ряду со стремленіями центробѣжными. Мономахъ же выросъ и воспитался подъ вліяніемъ византійской образованности и находился въ постоянныхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ духовенствомъ, переносившимъ на Русь византійскія традиціи. А между тѣмъ «единовластіе», какъ говоритъ бар. Корфъ, «составляло политическую аксіому Византіи», и потому монархическій принципъ «долженъ былъ быть краеугольнымъ камнемъ міросозерцанія всякаго книжника» и особенно, конечно, духовенства²⁾. Изъ этого источника Мономахъ могъ почерпнуть идеаль единодержавной власти. То значеніе, какое придавалось духовенствомъ его происхожденію отъ греческой царской крови, и легенда о вѣнчаніи его на царство императоромъ Алексѣемъ Комненомъ показываютъ, какое впечатлѣніе производилъ онъ на современниковъ³⁾. И дѣйствительно, такою властью,

¹⁾ Соловьевъ „Ист. Отношеній“, стр. 104; Пловайскій „Ист. Росс.“, т. I, стр. 147—148; Бѣловъ „Ист. Росс.“, стр. 50; Сергѣевичъ „Древн. русс. права“, т. II, стр. 303—306; Грушевскій „Ист. Кіев. Земли“, стр. 134.

²⁾ Бар. Корфъ „Замѣтки объ отношеніяхъ древне-русскаго лѣтописца къ монархическому принципу“, Журн. Мин. Народ. Просв. 1909 г. іюль, стр. 56—59.

³⁾ Легендарность этого сказанія, сохранившагося въ многочисленныхъ вариантахъ и подъ разными названіями, теперь доказана. Болѣе всего, въ своей основѣ, оно, повидимому, имѣетъ отношеніе къ Владимиру Святому и приурочено къ Владимиру Мономаху потому, что „русскіе и греки (позднѣйшей эпохи) имѣли высокое понятіе о древнемъ Великомъ князѣ, регалии котораго, хотя и ошибочно, признавались императорскими“ (Прозоровскій „Къ вопросу о регаліяхъ, приписываемыхъ Владимиру Мономаху“, Труды III Археологич. Съѣзда, т. II, стр. 159, 146—152; Ждановъ „Повѣсти о Вавилонѣ и сказанія о князьяхъ Влади-

какъ Мономахъ, фактически могъ обладать только настоящій монархъ. Такимъ образомъ, хотя Мономахъ не могъ провести въ жизнь идеи единодержавія благодаря условіямъ времени, и, можетъ быть, даже не вполне ясно ее представлялъ себѣ въ примѣненіи къ русской жизни, но, всетаки, онъ, до извѣстной степени, является ея основателемъ на Руси. Дѣло Мономаха было недолговѣчно, такъ какъ тѣ силы, на которыя онъ опирался,—экономическая власть Кіева и боярства,—не все время полновластно господствовали на Руси. Идея единодержавія укрылась въ Суздаль и стала опираться на другія силы; но между Мономахомъ и его знаменитымъ внукомъ Андреемъ Боголюбскимъ и его потомками есть все же одна общая черта, проходящая красною нитью черезъ всю ихъ жизнь: Мономахъ всегда хотѣлъ быть и, подъ конецъ, на самомъ дѣлѣ былъ «самовластцемъ». Таково значеніе и роль Мономаха для его времени и для Руси.

II.

Подобно всѣмъ своимъ современникамъ-князьямъ, Владиміръ Мономахъ носилъ два имени, христіанское и княжеское. Въ крещеніи онъ названъ былъ Василиемъ, вѣроятно, въ честь Владиміра Святого, христіанское имя котораго было также Василій¹⁾. Крестнымъ отцомъ Владиміра былъ его дѣдъ Ярославъ, умершій вскорѣ послѣ крещенія внука. Самъ Мономахъ говоритъ о своемъ имени такъ: «Азъ худый, дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословеннымъ, славнымъ, нареченный въ крещеніи Василій, Русьскимъ именемъ. Володимиръ, отцемъ възлюбленнымъ и

мірекихъ», Журн. Минист. Народ. Просвѣщ. 1891 г. августъ, сентябрь и октябрь; особенно стр. 53—67 въ сент. книгѣ; *Полевой* „Ист. Русск. Народъ“, т. II, стр. 379, прим. 397; *Грушевскій* „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 116). См. также у *Карамзина* „Ист. Госуд. Росс.“, т. II, стр. 90 и *Соловьева* „Ист. Росс.“, т. II, стр. 81, которые отчасти вѣрятъ этому сказанію. Въ лѣтописи оно записано: въ „Никон. Лѣтоп.“, стр. 143—144 и „Воскресен. Лѣт.“, стр. 23.

¹⁾ *Соловьевъ* „Ист. Россіи“, т. II, прим. 93; *Ивакинъ* „Влад. Мон.“, стр. 53.

матерью своею Мьномахы»¹⁾. Въ переводѣ слово Мономахъ означаетъ «единоборецъ». Это обстоятельство дало поводъ Карамзину предположить, что прозвище это было дано Владиміру за какой нибудь случай въ его юности, въ которомъ онъ оказалъ выдающееся мужество²⁾. Но обыкновенно думаютъ, что имя «Мономахъ» было дано ему родителями въ честь дѣда по матери, византійскаго императора Константина Мономаха³⁾. Греческое и царское происхожденіе матери Владиміра отмѣчено Лѣтописью⁴⁾. Соловьевъ замѣчаетъ, что Всеволодъ Ярославичъ гордился происхожденіемъ сына отъ царевны, и для духовенства оно, несомнѣнно, много значило⁵⁾. Это названіе «Мономахъ» является по своему значенію скорѣе прозвищемъ, чѣмъ третьимъ именемъ, хотя на Руси бывали и трехъименные князья, какъ сынъ самого Мономаха, Мстиславъ, третьимъ именемъ называвшійся Гарольдомъ, также въ честь дѣда по матери, короля Англійскаго⁶⁾. Кромѣ Владиміра, у Всеволода былъ еще одинъ только сынъ, Ростиславъ, который былъ значительно моложе брата, такъ какъ родился въ 1070 г.⁷⁾. Можетъ быть, они, при этомъ, были только единокровные, но не единоутробные, потому что Всеволодъ былъ женатъ два

1) „Лавр. Лѣт.“, стр. 232.

2) Карамзинъ „Ист. Гос. Росс.“, т. II, стр. 95.

3) Ариыбашевъ „Повѣст. о Росс.“, т. I, стр. 22; Погодинъ „О Почуеніи Мономаховомъ“, стр. 242 — 243; Костомаровъ „Ист. Росс. въ жизнеопис. ея главн. дѣятелей“, т. I, стр. 17; Соловьевъ „Ист. Рос.“, т. I, стр. 211, т. II, прим. 93; Пловайскій „Ист. Росс.“, т. I, стр. 145; Грушевскій „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 37; Ивакинъ „Владим. Моном.“, стр. 56; Шмелевъ „Владим. Моном.“, стр. 301.

4) „Ипат. Лѣт.“, стр. 113; „Лавр. Лѣт.“, стр. 157. Очень подробно объ этомъ говорится въ Тверской Лѣтописи: „Родися Всеволоду Ярославичу сынъ отъ царицы Грекини Манамахи и наречень бысть Владимиръ Манамахъ дѣднимъ прозвищемъ. Бѣ бо за Всеволодомъ дщи Греческаго царя Константина Манамаха“, стр. 151.

5) Соловьевъ „Ист. Россіи“, т. II, прим. 93; Бѣловъ „Ист. Россіи“, стр. 53; „Посланіе митроп. Никифора къ Владим. Моном.“ въ Русскихъ Достопамяти., т. I, стр. 63.

6) Ивакинъ „Владим. Моном.“, стр. 57.

7) „Лавр. Лѣт.“, стр. 169.

раза¹⁾. О Ростиславѣ Лѣтопись говоритъ мало, тѣмъ болѣе, что онъ рано умеръ, утонувъ въ Стугнѣ во время бѣгства русской рати послѣ несчастной битвы у Треполя²⁾. По Ростиславѣ много плакали мать и родные ради ранней его смерти, но въ народной памяти онъ успѣлъ оставить дурное воспоминаніе. Въ Кіевскомъ Патерикѣ рассказывается, что передъ походомъ, въ которомъ погибъ Ростиславъ, онъ встрѣтился на берегу Днѣпра со Св. Григоріемъ, инокомъ Печерской Лавры, и слуги князя оскорбили старца. Когда же послѣдній предсказалъ имъ всѣмъ смерть отъ воды, то князь, разсердившись, приказалъ утопить Григорія. Въ связь съ этимъ преступленіемъ Ростислава Патерикъ ставитъ его смерть: «возлюбилъ проклятіе, и проклятіе пришло на него», говоритъ по этому поводу его составитель³⁾. Кромѣ брата, у Владиміра были еще три сестры: Янка, или Анна, Екатерина и Евпраксія. Первыя двѣ постриглись и умерли монахинями, а Евпраксія, которую нѣмецкія хроники называютъ Адельгейдой, или Агнессой, была замужемъ за нѣмецкимъ императоромъ Генрихомъ IV. Ей пришлось много вытерпѣть отъ мужа, такъ что она, наконецъ, развелась съ нимъ и искала покровительства у папы Григорія VII и маркграфини Матильды Тосканской. Наконецъ, она возвратилась въ Кіевъ и приняла монашество. Черезъ два года она умерла и была погребена въ Печерской Лаврѣ⁴⁾. Сохранились нѣкоторыя извѣстія, показывающія, что Мономахъ очень любилъ своихъ родныхъ. Такъ, онъ не задумался рискнуть своею жизнью при переправѣ черезъ Стугну, чтобы попытаться спасти утопавшаго брата. Попытка эта была тѣмъ болѣе опасна, что бѣгство русской рати совершалось съ поля сраженія, т. е. въ пол-

¹⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 172, 196; „Лавр. Лѣт.“, стр. 254; *Карамзинъ* „Ист. Гос. Росс.“, т. II, стр. 60.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 153—154; „Лавр. Лѣт.“, стр. 213.

³⁾ Кіево-Печерскій Патерикъ, стр. 99—101.

⁴⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 186, 188, 197; „Лавр. Лѣт.“, стр. 202; *Карамзинъ* „Ист. Гос. Росс.“, т. II, стр. 60, прим. 156, 157; *Арцыбашевъ* „Повѣств. о Росс.“, т. I, стр. 73, прим. 280; *Погодинъ* „Древ. Русс. Ист.“, т. I, стр. 175; *Иловайскій* „Ист. Росс.“, т. I, стр. 123; *Грушевскій* „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 79.

номъ вооруженіи, которое было настолько тяжело, что во время похода его возили на возахъ¹⁾. Есть и другое указаніе, показывающее, что онъ любилъ и уважалъ свою мачеху: иначе кіевляне не отправили бы ее съ митрополитомъ къ нему въ лагерь, чтобы уговорить его согласиться на миръ²⁾.

Какъ велось воспитаніе Мономаха, и чему его учили, можно только предполагать. Лѣтописи сохранили названіе боярина-кормилица, который былъ, очевидно, воспитателемъ князя. Эти бояре оставались при своихъ воспитанникахъ и тогда, когда тѣ становились уже взрослыми, и нерѣдко занимали при нихъ видное и вліятельное положеніе. Самъ Мономахъ впоследствии далъ такого воспитателя своему сыну Юрію³⁾. Весьма возможно, что и Владиміръ воспитывался такимъ же образомъ. Несомнѣнно, важную роль въ воспитаніи должно было имѣть приученіе къ охотѣ и войнѣ, двумъ важнымъ и постояннымъ занятіямъ каждаго князя. Обученіе это должно было начинаться съ дѣтства, такъ какъ вступали въ жизнь князья очень рано. Мономахъ пишетъ о себѣ, что онъ сталъ охотиться и исполнять порученія отца съ 13-ти лѣтъ⁴⁾. При этомъ охота была не времяпрепровожденіемъ, а серьезнымъ дѣломъ. Недаромъ Мономахъ упоминаетъ свои ловы при перечисленіи своихъ трудовъ. Обученіе того времени, очень бѣдное по содержанію, сводилось къ чтенію, письму, отчасти счисленію, да еще церковному пѣнію⁵⁾. Могъ

1) „Лавр. Лѣт.“, стр. 240; „Новг. IV я“, стр. 21.

2) „Ипат. Лѣт.“, стр. 172.

3) *Пръсняковъ* „Княж. Право“, стр. 233—237; *Его-же* „Кормилецъ, воевода, тысяцкій“ въ Извѣстіяхъ Императ. Акад. Наукъ, 1908 г., кн. I, стр. 148 — 153, 171; *Голубовскій* „Ист. Смоленск. Земли“, стр. 227 — 228; *Кієво-Печерскій Патерикъ*, стр. 64.

4) *Костомаровъ* „Ист. Росс. въ жизнеопис. ея главн. дѣят.“, т. I, стр. 41; *Погодинъ* „О Поуч. Моном.“, стр. 244; *Ивакинъ* „Влад. Моном.“, стр. 143; *Шмелевъ* „Владим. Моном.“, стр. 301.

5) *Голубинскій* „Ист. Русс. Церкви“, т. I, стр. 590, 597—602; *Ивакинъ* „Владим. Моном.“, стр. 113 — 114; *Харламповичъ* „Борьба школьныхъ вліяній въ до-Петровской Руси“ въ Кіевск. Старинѣ, 1902 г. июль, стр. 4—7; *Перетцъ* „Образованность“ въ „Книгѣ для чтенія“ стр. 537, 548.

Владиміръ научиться и языкамъ. По его собственному сообщенію, отецъ его Всеволодъ, дома сидя, научился пяти языкамъ¹⁾. Какіе это были языки, рѣшали различно²⁾; во всякомъ случаѣ, въ число этихъ пяти языковъ должны были входить скандинавскій и греческій, по давнимъ и частымъ сношеніямъ съ этими народами; къ тому же и жена Всеволода была гречанка. Необязательно, конечно, предполагать, что сынъ зналъ то же, что и отецъ, но это вполне возможно. Кромѣ того, ему могъ быть знакомъ языкъ скандинавскій, а можетъ быть, и нѣмецкій потому, что женою его была дочь англійскаго короля Гарольда, Гида, долго жившая въ Даніи³⁾. Греческій языкъ онъ могъ знать отъ матери. Когда Владимиръ приводитъ отца въ примѣръ своимъ дѣтямъ и говоритъ: «что знаете, того не забывайте, чего не знаете—тому учитесь»⁴⁾, то трудно предположить, чтобы онъ самъ не старался слѣдовать тому же правилу. Все же изъ тогдашняго обученія можно было почерпнуть весьма мало, и

1) „Лавр. Лѣт.“, стр. 238.

2) *Сухомлиновъ* „О языкознаніи въ Др. Россіи“ въ Учен. Запискахъ II Отд. Имп. Акад. Наукъ 1854 г., кн. I, стр. 200—201; *Ивакинъ* „Владим. Моном.“, стр. 137—138; *Голубинскій* „Ист. Русс. Церкви“ т. I, стр. 585—587.

3) Мономахъ, повидимому, былъ женатъ два раза. По крайней мѣрѣ, Лаврентьевская Лѣтопись два раза говоритъ о смерти Володиміровой княгини („Лавр. Лѣтоп.“, стр. 271, 281). Первою его супругой была Гида Гарольдовна, бракъ съ которой совершился въ 1074 г. или 1075 г., такъ какъ въ 1076 г. у Мономаха родился уже сынъ Мстиславъ, котораго онъ называетъ въ Поученіи своимъ первенцемъ („Ипат. Лѣт.“, стр. 139; „Лавр. Лѣт.“, стр. 238). О происхожденіи же и имени его второй жены—ничего не извѣстно. Впрочемъ, Карамзинъ, Арцыбашевъ и Иловайскій полагали, что Мономахъ былъ женатъ три раза, отличая Гиду Гарольдовну отъ матери Юрія, о смерти которой говорится Мономахомъ въ его Поученіи, а также въ Лѣтописи подъ 1107 г. Однако, Ивакинъ остроумно доказываетъ, что Гида и мать Юрія—одно и то же лицо, и, слѣдовательно, Мономахъ былъ женатъ только 2 раза (*Карамзинъ* „Ист. Гос. Росс.“, т. II, стр. 20, 99, прим. 45, 201, 240—241; *Арцыбашевъ* „Повѣст. о Росс.“, т. I, стр. 68, прим. 405; *Иловайскій* „Ист. Росс.“, т. 1, стр. 145—146; *Бѣловъ* „Ист. Росс.“, стр. 9; *Козловскій* „Сношенія Древн. Руси“, стр. 14; *Грушевскій* „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 80; *Ляскаронскій* „Владим. Моном.“, стр. 11; *Ивакинъ* „Владим. Моном.“, стр. 206—209, 254—255).

4) „Лавр. Лѣт.“, стр. 238.

центр тяжести въ образованіи ложился на чтеніе, «почитаніе книжное», какъ тогда говорили. Книга у насъ въ древности была окружена большимъ почетомъ; книги собирали и переписывали съ любовью. У Ярослава Мудраго, у Святослава, дяди Мономаха, и нѣкоторыхъ другихъ князей составлялись цѣлыя бібліотеки¹⁾. «Велика бо полза чловѣку бываетъ отъ ученія книжнаго; се бо суть реки, напаяющи вселеную всю, се суть исходяща мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина»²⁾, говоритъ лѣтописецъ. Насколько чтеніе было потребностью общества, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго мѣста въ одномъ сочиненіи Кирилла Туровскаго: «Аще бо міра сего властели, иже въ житейскихъ вещахъ труждаются, прилежно требуютъ книжнаго почитанія, кольми паче намъ (т. е. духовнымъ) подобаетъ учиться въ нихъ»³⁾. Внукъ, сынъ и племянникъ образованныхъ людей, сынъ греческой царевны и мужъ англійской принцессы, Мономахъ и самъ не могъ быть чуждымъ образованію. Несомнѣнно, что съ современной ему литературой, переводной и мѣстной, Мономахъ былъ знакомъ. Главная часть этой литературы была, преимущественно, духовно-назидательнаго характера; второе мѣсто занимали произведенія историческія и на самомъ послѣднемъ стояли книги, могущія дать какія-нибудь свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ. Однако и эти немногія свѣдѣнія носили часто на себѣ отпечатокъ крайней фантастичности⁴⁾. Кромѣ книгъ Священнаго Писанія, большое распространеніе имѣли тво-

¹⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 106—107; „Лавр. Лѣт.“, стр. 148—149; *Пытинъ* „Ист. Русс. Литературы“, т. I, стр. 104—105; *Погодинъ* „Образованіе и грамотность въ древнемъ періодѣ Русской Исторіи“, въ Журн. Минист. Народн. Просв. 1871 г. январь, стр. 12; *Грушевскій* „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 40, 67.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 107.

³⁾ *Погодинъ* „Образованіе и грамотн. въ древ. період. Русс. Ист.“, стр. 10.

⁴⁾ *Пытинъ* „Ист. Русс. Литер.“, т. I, стр. 238—239, 249—251; *Голубинскій* „Ист. Русс. Церкви“, т. I, стр. 606; *Перетцъ* „Образованность“, стр. 542—546, въ Кн. для чтенія по Русс. Ист., т. I.

ренія отцовъ Церкви, между ними, особенно, Іоанна Златоуста¹⁾. Ветхій Завѣтъ замѣняла Палея съ апокрифическими добавленіями и толкованіями. Вообще, апокрифическая литература была широко распространена, и характеръ чудесности и самой сказочной фантастичности, которымъ зачастую проникнуты эти апокрифы, сообщалъ міровоззрѣнію эпохи совершенно особенный оттѣнокъ. Оно было не только религіозно и церковно въ своей основѣ, не только всѣ факты внѣшней жизни пригонялись къ Библии и толковались на основаніи отцовъ Церкви, но въ него, благодаря апокрифамъ, проникала еще сильная струя сказочности и окутывала весь міръ, въ глазахъ ихъ читателя, таинственнымъ и вмѣстѣ благочестивымъ покровомъ²⁾. Обширный и притомъ наиболѣе любимый обществомъ отдѣлъ чтенія состоялъ изъ произведеній нравоучительныхъ, всякихъ Словъ, Патериковъ, особенно же литературы житійной, къ которой скоро стали присоединяться и житія мѣстныхъ святыхъ³⁾. Литература историческая, кромѣ многочисленныхъ греческихъ Хроникъ, давала русскому читателю еще и собственную Лѣтопись, къ составленію которой былъ такъ близокъ Мономахъ. Рядомъ съ Лѣтописью составлялись и отдѣльныя историческія повѣсти, изъ которыхъ многія вошли въ Лѣтопись; иныя же, особенно съ житійнымъ характеромъ, существовали и отдѣльно⁴⁾. Переводная литература, возбуждая образовательные интересы, способствовала проявленію также мѣстныхъ силъ. Владиміръ Мономахъ могъ быть, на-

¹⁾ *Пытинъ* „Ист. Русс. Литер.“, т. I, стр. 84—88; *Голубинскій* „Ист. Русс. Церкви“, т. I, стр. 605—606; *Порфирьевъ* „О почитаніи книжномъ въ древн. времена Россіи“ въ Православ. Собесѣдн. 1958 г. кн. 2, стр. 191, 447.

²⁾ *Пытинъ* „Ист. Русс. Литер.“, т. I, стр. 88—89, 234—242, 418—420; *Голубинскій* „Ист. Русс. Церкви“, т. I, стр. 607; *Порфирьевъ* „О почитаніи книжномъ“, стр. 454, 448.

³⁾ *Голубинскій* „Ист. Русс. Церкви“, т. I, стр. 64, 607—610, 620, 622—627; *Порфирьевъ* „О почитаніи книжномъ“, стр. 446.

⁴⁾ *Пытинъ* „Ист. Русс. Лит.“, т. I, стр. 300, 177—179, 287—291; *Голубинскій* „Ист. Русс. Церкви“, т. I, стр. 607—608, 646—647; *Порфирьевъ* „О почитаніи книжномъ“, стр. 449—450; *Черетцъ* „Образованность“, стр. 549.

примѣръ, знакомъ съ твореніями митрополитовъ Леона, Георгія, Іоанна, съ нравоучительными Словами преп. Θεодосія и, наконецъ, такого «мастера самаго високаго разбора», какимъ былъ митр. Иларіонъ¹⁾, о «Словѣ» котораго Пыпинъ замѣчаетъ, что оно свидѣтельствуетъ о существованіи настоящаго просвѣщенія на Руси²⁾. Какъ видно изъ Поученія Мономаха, онъ любилъ книги, даже въ разъѣздахъ бралъ ихъ съ собою и обращался къ нимъ въ трудныя минуты своей жизни³⁾. При этомъ къ чтенію онъ относился серьезно и вдумывался въ содержаніе прочитаннаго. Любимою книгою у него была Псалтырь. Въ Поученіи есть много выписокъ изъ нея и, вообще, видно, что Мономахъ хорошо ее зналъ⁴⁾. Извѣстно, какое широкое распространеніе имѣла Псалтырь у насъ въ древности. Ее читали и заучивали, по ней учились и молились, наконецъ, по ней гадали,—обыкновеніе, повидимому, не оставшееся чуждымъ и самому Мономаху⁵⁾.

Однако, Мономахъ не только читалъ: онъ писалъ самъ, и его «Поученіе» дѣтямъ занимаетъ почетное положеніе въ древнерусской литературѣ. Въ Поученіи, пожалуй, больше выписокъ и извлеченій изъ различныхъ книгъ духовнаго содержанія, чѣмъ собственныхъ мыслей Мономаха. Однако, было бы несправедливо смотрѣть на Поученіе, какъ на простую компиляцію. По собственнымъ своимъ словамъ, Мономахъ выбралъ мѣста «любая»,

1) Голубинскій „Ист. Русс. Церкви“, т. I, стр. 692.

2) Пыпинъ „Ист. Русс. Лит.“, т. I, стр. 91—94; Голубинскій „Ист. Русс. Церкви“, т. I, стр. 584, 674—676, 694—697.

3) „Лавр. Лѣт.“, стр. 233.

4) Протопоповъ „Поученіе Владим. Моном., какъ памятникъ религ.-нравств. возрѣній и жизни на Руси въ до-татарск. эпоху“, стр. 250—251 въ Журн. Мин. Народн. Просв. 1874 г. кн. 2; Порфирьевъ „Употребленіе книги Псалтырь въ древн. быту русс. народа“ въ Правосл. Собесѣдн. 1857 г. стр. 841; Ивакинъ „Влад. Моном.“, стр. 9—12; Шляковъ „О Поученіи Влад. Моном.“, стр. 46—47.

5) Порфирьевъ „Употребленіе кн. Псалтырь“, стр. 825—835, 839—840, 855; Ивакинъ „Владим. Моном.“, стр. 79; Порфирьевъ „О почитаніи книжи.“, стр. 185; Сперанскій „Гаданія по Псалтыри“, стр. 5—10, въ Памяти. древней Письменности и искусства 1899 г.

т. е. особенно нравившіяся ему въ прочитанныхъ книгахъ, и затѣмъ довольно искусно скомпоновалъ ихъ въ единое цѣлое, подчиняя своимъ руководящимъ идеямъ. При этомъ въ Поученіи есть много мѣстъ, на которыхъ замѣтно только вліяніе того или другого произведенія, которое онъ, вѣроятно, читалъ, но составленныхъ самостоятельно. На Поученіи Мономаха можно прослѣдить, что онъ читалъ; хотя, конечно, могли быть и такія книги, которыя онъ читалъ, но которыя не оказали вліянія на его работу. Съ этой точки зрѣнія Поученіе было разсмотрено многими изслѣдователями, которые отмѣчаютъ въ немъ рядъ выписокъ, а также мѣстъ самостоятельныхъ, но написанныхъ подъ вліяніемъ отцовъ Церкви, Іоанна Златоуста, имя котораго на Руси было окружено «величайшимъ почтеніемъ и живою любовью»¹⁾, Василия Великаго и другихъ; далѣе русскихъ духовныхъ писателей, какъ Луки Жидяты, Іакова Мниха, митр. Іоанна, митр. Никифора, Иларіона, преп. Нестора, Св. Θεодосія; затѣмъ книгъ Священнаго Писанія и, наконецъ, молитвословіи изъ книгъ богослужебныхъ²⁾. На основаніи такого матеріала взглядъ на жизнь могъ выработаться только христіанскій, при этомъ церковнаго и аскетическаго характера. Мономахъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ строго аскетическихъ поученій Василия Великаго. Но онъ не являлся исключеніемъ въ этомъ отношеніи: вся, вообще, литература того времени носила подобный характеръ. Однако,

¹⁾ *Ждановъ*, 34-й отчетъ объ Уваровскихъ преміяхъ, на соч. Архангельскаго, „Творенія отцовъ Церкви въ древн.-русс. письм.“, стр. 122.

²⁾ *Протопоповъ* „Поуч. Владим. Моном.“, стр. 251—256, 278—282, 284; *Аскоченскій* „Владим. Моном. какъ писатель“ въ Чтеніи Общ. Люб. Духовн. Просвѣщен. 1886 г. августъ, стр. 227—228, 242—243; *Ивакинъ* „Владим. Моном.“, стр. 19, 20, 90, 110—111, 117—118; *Шляковъ* „О Поученіи Владим. Моном.“, стр. 49, 51, 54, 57—68, 75—82, 85—87; *Пытинъ* „Ист. Русс. Лит.“, т. I, стр. 183, 240; *Ждановъ* 34-й отчетъ объ Уваровскихъ Преміяхъ, стр. 122—123. Образцомъ для Поученія послужило, по видимому, „Поученіе Ксенофонта и Θεодоры“, вошедшее въ Изборникъ Святослава, и апокрифическіе „Завѣты 12-ти патріарховъ“ (*Протопоповъ* „Поуч. Владим. Моном.“, стр. 244—245; *Аскоченскій* „Владиміръ Моном. какъ писатель“, стр. 235—236; *Ивакинъ* „Владим. Моном.“, стр. 17, 20; *Шляковъ* „О Поученіи Владим. Моном.“, стр. 89—90).

Мономаху не чужда мысль о томъ, что и въ міру возможно спасеніе; мысль, взятая имъ, впрочемъ, также изъ современной литературы¹⁾. Содержаніе Поученія состоитъ въ томъ, что Мономахъ старается выяснитъ обязанности человѣка по отношенію къ Богу, къ людямъ, и, наконецъ, къ самому себѣ²⁾. Обязанности эти онъ разсматриваетъ съ точки зрѣнія положенія князя и частнаго человѣка. Его простыя и задушевныя слова невольно подкупаютъ въ пользу автора, и, если и теперь Поученіе Мономаха можно прочесть съ удовольствіемъ, то можно себѣ представить, какимъ выдающимся произведеніемъ оно являлось для своего времени. Интересно, что самъ Владиміръ смотрѣлъ на свой трудъ, какъ на трудъ литературный, предназначенный не для однихъ дѣтей его, но и для другихъ людей, для общества³⁾. Нѣкоторые изслѣдователи находили въ Поученіи весьма высокія литературныя достоинства, правильность построенія, красивый слогъ, единство плана⁴⁾. Во всякомъ случаѣ, оно занимаетъ почетное положеніе въ древне-русской литературѣ, какъ по содержательности мысли, такъ и по своему изложенію. Определеніе времени, когда было написано Поученіе, является вопросомъ спорнымъ. Многіе относятъ его къ 1099-му году, когда послы отъ братіи застали Мономаха на пути въ Ростовъ и предложили содѣйствовать изгнанію Ростиславичей⁵⁾. Къ болѣе позднему

¹⁾ *Протопоповъ* „Поучен. Владим. Моном.“, стр. 256 — 259, 289; *Аскоченскій* „Владим. Моном. какъ писатель“, стр. 243 — 248; *Ивакинъ* „Владим. Моном.“, стр. 99—101.

²⁾ *Протопоповъ* „Поучен. Владим. Моном.“, стр. 246 — 250; *Аскоченскій* „Владим. Моном. какъ писатель“, стр. 242; *Шляковъ* „О Поученіи Владим. Моном.“, стр. 92—95.

³⁾ „Дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сію грамотицу“ („Лавр. Лѣт.“, стр. 232); *Погодинъ* „О Поученіи Мономаховомъ“, стр. 242; *Протопоповъ* „Поучен. Владим. Моном.“, стр. 237.

⁴⁾ *Шляковъ* „О Поученіи Владим. Моном.“, стр. 92—95, 110. Проф. Лобода называетъ Мономаха „умѣлымъ писателемъ“ („Къ вопросу о древне-русс. образованности въ до-татарск. періодъ“, въ Чтеніяхъ Нестора Лѣтописца, т. XVII, в. 3).

⁵⁾ *Пытинъ* „Ист. Русс. Лит.“, т. I, стр. 118; *Погодинъ* „О Поучен. Моном.“, стр. 235—237; *Протопоповъ* „Поуч. Владим. Моном.“, стр. 236—237; *Аскоченскій* „Владим. Моном. какъ писатель“, стр. 227, 233—234.

времени, именно къ 1106-му году, относятъ Поученіе Шляковъ¹⁾ и Соловьевъ, по мнѣнію котораго, свиданіе Мономаха съ послами его братіи происходило послѣ Витичевскаго съѣзда²⁾. Ивакинъ же приходитъ къ выводу, что Поученіе написано Мономахомъ «въ лѣтахъ преклонныхъ» (или, какъ говоритъ Карамзинъ, «приближаясь ко гробу»), и относитъ его ко времени между 1118 и 1125-ымъ годомъ³⁾. Такимъ образомъ, Владиміръ не только былъ по своему времени весьма образованнымъ человекомъ, но и лично потрудился на пользу просвѣщенія, выступивъ въ качествѣ незауряднаго писателя.

Во главѣ просвѣщенія стояло духовенство, и поэтому любовь къ чтенію и образованію необходимо должна была сближать Мономаха съ представителями Церкви. Изъ Посланія митр. Никифора къ Владиміру видно, какъ высоко почитало его духовенство. Митрополитъ хвалитъ его за простоту и воздержанность жизни, которыя считались великими добродѣтелями среди роскоши и разнузданности нравовъ того времени, за его милостыню, справедливость и, особенно, за правовѣріе⁴⁾. Если благочестіе Мономаха и имѣло внѣшній, обрядовой характеръ, обращающій вниманіе на внѣшнія проявленія вѣры (таковы, напри- мѣръ, наставленія Поученія о ночныхъ поклонахъ и пѣніи, о способѣ «малымъ дѣломъ улучити милость Божію»⁵⁾), то это было общимъ отличіемъ вѣка въ этой области. Во всякомъ случаѣ, эта набожность была вполнѣ искренна, и многія мѣста Поученія дышатъ теплой вѣрой и душевнымъ желаніемъ исполнять ея предписанія. Милостыня, которую вообще щедро раздавали въ то время, и на которую особенно обращалъ вниманіе Мономахъ⁶⁾,

1) Шляковъ „О Поуч. Владим. Моном.“, стр. 43, 70, 109.

2) Соловьевъ „Ист. Росс.“, т. III, стр. 101.

3) Карамзинъ „Ист. Госуд. Росс.“, т. II, стр. 95; Ивакинъ „Влад. Моном.“, стр. 4—8, 73—75.

4) „Русскія Достопамятности“, т. I, стр. 62—63, 69—70.

5) „Лавр. Лѣт.“, стр. 235, 236.

6) Въ житіи Св. Агапита въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ разсказывается, что Владиміръ, будучи еще Черниговскимъ княземъ, сильно заболѣлъ. Исцѣленный Св. Агапитомъ, въ благодарность за выздоров-

должна была располагать къ нему духовенство и народъ. Такое же доброе впечатлѣніе оставляли такіе его поступки, какъ заступничество Владиміра за игумена Печерскаго Іоанна, который обличалъ Святополка за жадность и насилія и едва за это не былъ подвергнутъ заточенію¹⁾. Если все міровоззрѣніе того времени носило религіозный характеръ, то и воспитаніе велось въ томъ же духѣ, и въ самой семьѣ Мономаха было для него много примѣровъ въ этомъ отношеніи. Достаточно сказать, что бабушка его, жена Ярослава Мудраго, и родной дядя, Владиміръ Ярославичъ, были причислены вполслѣдствіи къ лику святыхъ²⁾. Отецъ его, Всеволодъ, также отличался благочестіемъ: по словамъ Лѣтописи, онъ воздавалъ «честь епискупомъ и презвутерамъ, излиха же любяше черноризьци, подаяше требуемое имъ»³⁾. Дядя Мономаха, Святославъ, былъ близокъ къ Св. Θεодосію, а самъ Владиміръ, еще юношею, былъ свидѣтелемъ великаго чуда при созданіи церкви въ Печерской Лаврѣ⁴⁾. Вся эта атмосфера не могла не создать набожнаго характера. И дѣйствительно, о набожности Мономаха сохранились самые лестные отзывы въ Лѣтописи: «Володиміръ же такъ бѣше любезнивъ, любовь имѣя къ митрополитомъ, и къ епискупомъ, и къ игуменомъ, паче же чернечскій чинъ любя и черници любя», и въ другомъ мѣстѣ: «И церкви зижє и украшая, чтяшетъ же излиха чернечскій чинъ и поповскій»⁵⁾. Лѣтописецъ правъ, говоря, что онъ строилъ и украшалъ: въ Переяславлѣ онъ построилъ церковь Св. Богородицы на княжомъ дворѣ, въ Смоленскѣ—каменную «епискупью», въ Кіевѣ—церковь Св. Ивана на Копыревѣ концѣ, въ Ростовѣ—церковь Пресв. Бо-

леніе, онъ все имѣніе свое роздалъ нищимъ. (Патерикъ, стр. 89—91). Конечно, не все имѣніе, но значитъ, судя по этому выраженію, размѣры милостыни были весьма велики.

1) „Патерикъ“, стр. 122.

2) Голубинскій „Ист. канонизаціи святыхъ Русской Церкви“, въ Чтеніяхъ О-ва Ист. и Древн. Росс. 1903 г., кн. 1, стр. 73—74.

3) „Лавр. Лѣт.“, стр. 208—209.

4) „Патерикъ“, стр. 75—76.

5) „Лавр. Лѣт.“, стр. 255, 279—280; „Ипат. Лѣт.“, стр. 172—173.

городицы по образцу Печерской, во Владимірѣ Залѣсскомъ—церковь Св. Спаса и, наконецъ, на р. Альтѣ—церковь Свв. Бориса и Глѣба, которую особенно любилъ и около которой умеръ¹⁾. Въ храмѣ тѣхъ же святыхъ въ Вышгородѣ онъ такъ богато украсилъ раку, гдѣ покоились ихъ мощи, что даже иностранцы дивились ея красотѣ²⁾.

Если духовенство привлекалось къ Мономаху его набожностью и любовью къ просвѣщенію, то въ его характерѣ были черты, привлекавшія къ нему и другіе классы общества. По понятіямъ того времени, главными обязанностями князя были: во первыхъ, защита Земли отъ внѣшнихъ враговъ и, во-вторыхъ, судъ. Храбрость свою Владиміръ доказалъ въ многочисленныхъ битвахъ; но это качество было присуще, вообще, всѣмъ южнымъ князьямъ, и имъ нельзя было удивить населенія. Онъ же присоединялъ къ мужеству еще благоразуміе, осторожность и неистощимую энергію. Если бы Святополкъ и его дружина, которые рвались въ бой передъ битвой у Треполя, болѣе обращали вниманія на его совѣты, то сраженіе могло бы и не окончиться такъ печально. Осторожность, однако, не исключала смѣлости: Мономахъ вспоминаетъ разныя опасныя приключенія, случившіяся съ нимъ на охотѣ, съ замѣтнымъ удовольствіемъ³⁾. Что особенно выдѣляло его, это—его неутомимая энергія. По его словамъ, съ 13-ти лѣтъ совершалъ онъ пути и ловы, и впродолженіе всей его долгой жизни нельзя почти указать такого промежутка, когда бы онъ оставался въ покоѣ или бездѣятельности. Самъ онъ считалъ, что его великихъ путей было 83, а малыхъ, конечно, нельзя было всѣхъ и упомнить⁴⁾. Ни при какихъ обстоятельствахъ онъ не терялъ присутствія духа и всегда умѣлъ найти наилучшій выходъ въ самыхъ затруднительныхъ условіяхъ. Эту неослабную

1) „Ипат. Лѣт.“, стр. 179, 181, 216; „Патерикъ“, стр. 76; „Новгород. I-я Лѣт.“, стр. 435; „Лѣт. Авразмки“, стр. 43; „Лавр. Лѣт.“, стр. 280.

2) „Ипат. Лѣт.“, стр. 203; *Иловайскій* „Ист. Росс.“, т. I, стр. 154.

3) „Лавр. Лѣт.“, стр. 242.

4) „Лавр. Лѣт.“, стр. 241.

энергію Мономахъ ясно сознавалъ въ себѣ и гордился ею: онъ думалъ, что его примѣръ можетъ побудить и другихъ «не лѣнитися и такоже тружатися»¹⁾. При подобныхъ качествахъ, Мономахъ, дѣйствительно, могъ быть неутомимымъ защитникомъ Земли, и земство цѣнило это. Какъ судья, онъ также, повидимому, удовлетворялъ желаніямъ народа. Какъ можно видѣть изъ его Поученія, Владиміръ самъ старался вникать во все, не полагаясь на воеводъ и стараясь не допускать несправедливостей со стороны сильныхъ и богатыхъ. Въ Поученіи часто встрѣчаются наставленія въ родѣ слѣдующихъ: «избавите обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицю», «не вдавайте сильнымъ погубити человекѣ», «не зрите на воеводы», «не дайте пакости дѣяти отрокомъ»²⁾. Такимъ образомъ, какъ правитель, онъ вполне заслуживалъ любовь, какую питало къ нему Кіевское земство. Всегда уважая и защищая интересы Кіева и Кіевской Земли, онъ добился въ ней популярности, которой, конечно, не мало содѣйствовали его достоинства, какъ правителя³⁾. Къ этому надо прибавить его постоянную заботу о своей доброй славѣ: «боле же чтите гостя, наставляеть Мономахъ своихъ дѣтей, откуда же къ вамъ придетъ или простъ или добръ или соль, аще не можете даромъ—браш-

¹⁾ „Лавр. Лѣт.“, стр. 232. Вообще, черта самодовольства и самолюбования постоянно проглядываетъ въ Поученіи, несмотря на частыя выраженія вродѣ: „азъ худый“, „азъ грѣшный“ и проч. (*Протопоповъ* „Поуч. Владим. Моном.“, стр. 276; *Аскоченскій* „Влад. Мон.“, стр. 240).

²⁾ „Лавр. Лѣт.“, стр. 235, 236, 237.

³⁾ Что не помѣшало, однако, Черниговцамъ любить не Мономаха, а Святославичей. Слѣдовательно, народная любовь тоже разграничивалась по областямъ. Каждый князь былъ хорошъ только для своей волости. Одно мѣсто Лѣтописи поразительно ярко выражаегъ этотъ взглядъ на „своего“ и „чужого“ князя. Въ 1176 г. Владимірцы укоряли своихъ князей, Ростиславичей, за насилія и грабежъ такимъ образомъ: „мы есмы волная князя прияли..., а си яко не свою волость творита, яко не творящия сѣдѣти у насъ, грабита не токмо волость всю, по и церкви“ („Лавр. Лѣт.“, стр. 356). Слѣдовательно, по понятіямъ Владимірцевъ, не „свой“ князь обязательно долженъ былъ грабить и насильничать. Такова была общеизвѣстная практика времени. Въ результатъ Владимірцы выгнали Ростиславичей, какъ въ свое время поступили и Черниговцы, тоже добивавшіеся „своихъ“ князей.

номъ и питьемъ: ти бо мимоходячи прославятъ челоуѣка по всѣмъ землямъ либо добрымъ либо злымъ»¹⁾). Кромѣ того, Владиміръ былъ очень щедръ, о чемъ свидѣтельствуютъ митр. Никифоръ, а также его собственныя наставленія о милостынѣ²⁾). Видно, что Мономахъ зналъ, чѣмъ и какъ можно пріобрѣсти популярность, и умѣлъ это дѣлать. Для щедрости и широкаго гостепріимства средства ему доставляло заботливо устроенное хозяйство. Въ Поученіи имѣются наставленія о томъ, какъ надо во все входить самому и не полагаться на слугъ; какъ истинный сынъ своего торговаго вѣка, Мономахъ считалъ необходимымъ постоянный хозяйственный оборотъ, говоря, что хранить золото въ землѣ—великій грѣхъ³⁾). О семейной его жизни мы ничего не знаемъ, кромѣ того, что онъ былъ женатъ два или три раза, имѣлъ много дѣтей, сыновей и дочерей, и совѣтовалъ сыновьямъ любить своихъ женъ, но не давать имъ надъ собою власти⁴⁾). Таковы были положительныя качества личности Владиміра Мономаха, какъ правителя и частнаго челоуѣка, качества, вызывавшія къ нему любовь и уваженіе. Въ жизни общественной уже одно умѣнье соединять всегда свои интересы съ интересами Кіева и даже всей Русской Земли, какъ, напримѣръ, при походахъ на половцевъ, доставившихъ ему славу и широкую извѣстность, показываетъ въ немъ недюжинный умъ и дипломатическія способности.

Современные ученые, по большей части, относятся къ Мономаху очень благосклонно и рисуютъ его идеаломъ князя и христіанина. «Никто изъ древнихъ князей Россійскихъ не имѣетъ болѣе правъ на любовь потомства», пишетъ о немъ Карамзинъ, «ибо онъ съ живѣйшимъ усердіемъ служилъ отечеству и добродѣтели»⁵⁾). «Личными доблестями, строгимъ

1) „Лавр. Лѣт.“, стр. 237.

2) „Лавр. Лѣт.“, стр. 235, 236.

3) „Лавр. Лѣт.“, стр. 237; *Протопоповъ* „Поучен. Владим. Моном.“, стр. 277—278.

4) „Лавр. Лѣт.“, стр. 237—238.

5) *Карамзинъ* „Ист. Гос. Росс.“, т. II, стр. 94—95, 98, 100.

исполненіемъ обязанностей онъ прикрывалъ недостатки существующаго порядка», говоритъ Соловьевъ. И далѣе у него же читаемъ: «Мономахъ во время злой вражды между братьями сумѣлъ заслужить названіе братолюбца»; «съ ранней молодости онъ стоялъ на стражѣ Русской Земли»; «храбрость, дѣятельность Мономаха всегда совпадала съ пользою для Русской Земли»; «изъ всего можно замѣтить, что онъ былъ сынъ добраго Всеволода и принцессы греческой». Наконецъ, Соловьевъ соглашается съ Лѣтописью, что Мономахъ просвѣтилъ Русскую Землю, какъ солнце¹⁾. Послѣ долгихъ похвалъ Мономаху, Погодинъ говоритъ: «И теперь вѣнецъ, которымъ вѣнчается Русскій Царь, имѣнуется Мономаховымъ, какъ бы въ знаменіе той любви, той взаимной преданности, того высокаго, чистаго духовнаго союза, который долженствуетъ быть между Русскимъ Царемъ и Русскимъ Царствомъ»²⁾. Иловайскій, соглашаясь съ характеристикой Лѣтописи, говоритъ: «онъ миритъ враждующихъ, свято соблюдаетъ крестное цѣлованіе, подаетъ примѣръ набожности, правосудія, гостепріимства»³⁾. «Владиміръ Мономахъ былъ, безспорно, однимъ изъ лучшихъ князей Древней Руси»⁴⁾, пишетъ Бестужевъ-Рюминъ. «Любовь земства къ Мономаху рисуется намъ идеаль нужнаго ему князя», замѣчаетъ проф. Линниченко⁵⁾. «Владиміръ Мономахъ былъ самый добрый и умный изъ Ярославичей», говоритъ о немъ Ключевскій⁶⁾. «Живя въ обществѣ, едва выходявшемъ изъ самаго варварскаго состоянія, вращаясь въ такой средѣ, гдѣ всякій гонялся за узкими своекорыстными интересами, одинъ Мономахъ держалъ знамя общей для всѣхъ правды и собиралъ подъ него силы Русской

¹⁾ Соловьевъ „Ист. Росс.“, т. II, стр. 38—40, 82; *Его-же* „Ист. Отношеній“, стр. 104—106.

²⁾ Погодинъ „Древ.-Русс. Ист.“, т. I, стр. 220.

³⁾ Иловайскій „Ист. Росс.“, т. I, стр. 142—143.

⁴⁾ Бестужевъ-Рюминъ „Русская Ист.“, т. I, стр. 167.

⁵⁾ Линниченко „Вѣче въ Кіев. области“, стр. 29.

⁶⁾ Ключевскій „Курсы Русс. Ист.“, т. I, стр. 343.

Земли», пишетъ Костомаровъ¹⁾. Даже Лашнюковъ, которому принадлежитъ рѣзкая критика политики Мономаха, подъ конецъ говоритъ, что онъ пріобрѣлъ любовь потомства благочестіемъ, любовью къ просвѣщенію, честностью, правдивостью, высокимъ патріотизмомъ; былъ въ глазахъ современниковъ образцомъ князя и чловѣка²⁾.

Такое восторженное отношеніе основывается, главнымъ образомъ, на характеристикѣ Лѣтописи и на Поученіи. Дѣйствительно, и тамъ, и здѣсь Мономахъ рисуется очень симпатичными чертами. Вотъ что говоритъ о немъ лѣтописецъ: «преставися благовѣрный, христоролюбивый и великій князь всея Руси Володимерь Мономахъ, иже просвѣти Рускую Землю, акы солнце луча пушая; его же слухъ произиде по всимъ странамъ, наипаче же бѣ страшень поганымъ, братолюбець, нищелюбець и добрый страдалецъ за Рускую Землю»³⁾. «Сей же чюдный князь Володимерь потщися Божья хранити заповѣди и Божьи страхъ присно имѣя въ сердци». «Вся бо замыслы его вда Богъ подъ руцѣ его, но не взношашесе, ни величашесе, но на Бога възлагаше все, и Богъ покоряше подъ нозѣ его вся врагы; онъ же заповѣдь Божью храня, добро творяше врагомъ своимъ, отпущаше я одарены. Милостивъ же бяше паче мѣры» и проч.⁴⁾. Относительно Лѣтописи не надо забывать, что какъ разъ въ эпоху жизни Мономаха она была переработана и въ такомъ видѣ легла въ основу позднѣйшихъ сводовъ. Между тѣмъ эта редакція вышла изъ-подъ пера Сильвестра, игумена родового Мономахова монастыря, затѣмъ епископа Переяславскаго. Изъ этого слѣдуетъ, что ея похваламъ нужно довѣрять съ крайней осторожностью. Да и вообще событія въ Лѣтописи оцѣниваются,

¹⁾ Костомаровъ „Ист. Росс. въ жизнеопис. ея главнѣйш. дѣят.“, т. I, стр. 70.

²⁾ Лашнюковъ „Владим. Моном.“, стр. 769; подобное же, весьма лестное мнѣніе у проф. Лясковецкаго—„Владим. Моном.“, стр. 40—42.

³⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 208.

⁴⁾ „Лавр. Лѣт.“, стр. 255, 279--280.

преимущественно, съ кievской точки зрѣнія, а Мономахъ всегда былъ наилучшимъ представителемъ и защитникомъ кievскихъ интересовъ. Далѣе, Поученіе есть не болѣе, какъ автобіографія, и, слѣдовательно, по самому своему существу принадлежитъ къ числу первоисточниковъ, требующихъ самой строгой провѣрки, такъ какъ никто не можетъ свидѣтельствовать самъ о себѣ. Третьимъ первоисточникомъ для характеристики Мономаха является посланіе къ нему митрополита Никифора. Митрополитъ Никифоръ прибылъ въ Кіевъ въ 1104 г., а умеръ въ 1121 году. Такимъ образомъ, онъ былъ свидѣтелемъ самага славнаго періода въ жизни Владиміра Мономаха, его походовъ на половцевъ и великокняженія. Будучи мало знакомъ съ Русью, не владѣя даже ея языкомъ, митрополитъ Никифоръ долженъ былъ чувствовать особое уваженіе къ князю, который на Руси едва-ли не казался ему единственнымъ законнымъ ея правителемъ, такъ какъ самъ Богъ, по его мнѣнію, предназначилъ Мономаха къ власти, «отъ царской и княжеской крови смѣсивъ». При этомъ Мономахъ не могъ не привлекать митрополита своимъ уваженіемъ къ духовенству, милостынею, воздержанностью и прочими своими подобными добродѣтелями, а, особенно, своимъ православіемъ. Извѣстно, что одно изъ посланій митрополита Никифора о латинахъ было написано по прямой просьбѣ правовѣрнаго Владиміра, между тѣмъ какъ одного изъ его противниковъ митрополиту пришлось предостерегать отъ латинской ереси. Впрочемъ, и въ глазахъ Никифора Мономахъ не былъ совершенствомъ. Въ словѣ о Постѣ митрополитъ умоляетъ князя вспомнить о всѣхъ имъ изгнанныхъ и наказанныхъ по доносамъ и клеветамъ, хотя и высказываетъ свою просьбу весьма осторожно, извиняясь тѣмъ, что во время Великаго Поста Церковь повелѣваетъ «и князьямъ говорить нѣчто полезное». Голубинскій полагаеъ даже, что цѣлью этого Слова было увѣщаніе о невниманіи наушникамъ¹⁾. Таковы три первоисточника

¹⁾ О митрополитѣ Никифорѣ и его произведеніяхъ см.: „Ипат. Лѣт.“ стр. 185; „Русс. Достопамятности“, т. I, стр. 59, 63; *Митроп. Макарій*

для характеристики Мономаха. Трудно доверять имъ на слово. Другихъ же источниковъ, которые имѣли бы происхожденіе въ слояхъ населенія, отдѣльныхъ людяхъ или мѣстностяхъ, не сочувствовавшихъ Мономаху, не дошло до насъ вовсе.

Единственный способъ провѣрить имѣющіяся на лицо свидѣтельства о Мономахѣ—это послѣдовательный разборъ фактовъ его жизни, и тогда картина получается нѣсколько иная. Основною чертою Мономаха въ общественной жизни является умѣнье связывать свои интересы съ интересами общими. Но онъ умѣлъ не только это. Свои личныя, корыстныя цѣли онъ искусно прикрывалъ интересами общими. Когда Мономахъ зоветъ Святополка на великое княженіе, когда сдаетъ Черниговъ Олегу, на съѣздахъ въ Любечѣ и Витичевѣ,—всюду и всегда онъ умѣлъ поставить дѣло такъ, что, стремясь къ достиженію собственныхъ личныхъ цѣлей, имѣлъ видъ только «страдальца» за Русскую Землю. Этотъ «страдалецъ» очень рѣдко задумывался въ выборѣ средствъ и часто свое честолюбіе и своекорыстіе прикрывалъ христіанскимъ смиреніемъ и братолюбіемъ. Въ глазахъ современнаго общества или, по крайней мѣрѣ, части его, благодаря стараніямъ Владиміра, было ясно, что онъ уступилъ власть Святополку не потому, что не чувствовалъ подъ собою твердой почвы, а потому, что не хотѣлъ междоусобій; Черниговъ онъ сдалъ Олегу не потому, что не могъ въ немъ держаться, а потому, что ему «жаль стало сель горящихъ и монастырей»; письмо къ Олегу онъ пишетъ также безъ всякихъ соображеній о невозможности удержать за собою Сѣверщину, а только въ силу христіанскаго смиренія. Еще ранѣе онъ подъ Стародубомъ, отнявши у Олега Черниговъ, предлагаетъ ему Рязань потому, что «умилосердился» надъ нимъ. Мономахъ съ негодованіемъ отказался помогать Святополку противъ Ростиславичей, и онъ же былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ Витичевѣ, гдѣ постанов-

„Ист. Русс. Церкви“, т. II, стр. 7, 148—149, 156—157, 159—161; Голубинскій „Ист. Русс. Церкви“, т. I, стр. 697—699; Фотинскій „Послание митрополита Никифора къ Волынск. кн. Яросл. Святоп.“, стр. 1—2.

лено было отобрать волость у слѣпого Василька. Осадивъ Минскъ и доведя до крайности Глѣба Всеславича, Владиміръ согласился на миръ, и, хотя онъ былъ купленъ Глѣбомъ цѣною полной покорности, униженія и потери двухъ важныхъ городовъ, все-таки, по Лѣтописи, главная причина была та, что Мономахъ не хотѣлъ проливать кровь «въ дни постные Великаго Поста». Въ столкновеніи съ Ярославомъ Святополчичемъ онъ все дѣло представилъ такъ, что Ярославъ оказался гордымъ и нечестивымъ, а самъ Мономахъ, выгнавшій его изъ волости, — смиреннымъ и покорнымъ волѣ Божіей. Когда же, наконецъ, Ярославъ погибъ отъ руки убійцъ, подосланныхъ сыномъ Мономаха, то онъ возрадовался и возблагодарилъ Бога «о такомъ чудеси Божии». Подобный образъ дѣйствій, который, по справедливости, можно назвать лицемѣріемъ и жестокостью, долженъ былъ вызывать ненависть со стороны тѣхъ, кто становился его жертвой. Лѣтопись говоритъ, что Владиміръ Мономахъ и Олегъ Святославичъ ненавидѣли другъ друга. Но, какъ истый политикъ, оцѣнивавшій по достоинству силу общественнаго мнѣнія, Мономахъ очень старался въ глазахъ общества оправдывать свои поступки и чернить поступки своихъ враговъ. Фактъ сохраненія Письма къ Олегу въ приложеніи къ Поученію, письма, въ которомъ подчеркиваются изобрѣтенная имъ вина Олега и братолюбіе Мономаха, свидѣтельствуемъ въ пользу такого мнѣнія. Да и въ Поученіи есть не мало мѣстъ съ подобнымъ же назначеніемъ. Такъ, Мономахъ пишетъ, что они со Святополкомъ пошли на Олега потому, что тотъ «приложися къ поганымъ». На Ярослава, или Ярославца, какъ пренебрежительно выражается Владиміръ, онъ ходилъ «не терпяче злѣбъ его»¹⁾. Далѣе, стоитъ прослѣдить, какъ тщательно Лѣтопись, находившаяся въ тѣсной связи съ Мономахомъ, отмѣчаетъ и восхваляетъ всякій хорошій поступокъ Владиміра и какъ сглаживаетъ всѣ шероховатости. Если Олегъ не пришелъ

¹⁾ „Лавр. Лѣт.“, стр. 241.

на судъ въ Кіевъ по приглашенію Мономаха, то, конечно, это — дѣйствіе его буйнаго нрава и злыхъ совѣтниковъ; если Мономахъ послѣ этого воюетъ съ нимъ, то, конечно, Олегъ — союзникъ половцевъ; если погибъ въ борьбѣ съ Владиміромъ Ярославъ Святополчичъ, то это Богъ наказалъ его за гордость. Болѣе того, въ такомъ ясномъ случаѣ, какъ убійство Итларя и Китана, которое даже Карамзинъ считалъ темнымъ пятномъ на Мономахѣ, Лѣтопись смягчаетъ неблагоприятное впечатлѣніе, подчеркивая вліяніе дружины. А требованіе убить Итларевича, направленное къ Олегу, она же объясняетъ тѣмъ, что Итларевичъ есть «ворогъ Русской Землѣ». Если сравнить поступокъ Владиміра съ поступкомъ Олега, отказавшагося выдать беззащитнаго Итларевича, то сравненіе окажется не въ пользу перваго. Что подобное предательство¹⁾ не было обычаемъ времени, показываютъ собственныя колебанія Мономаха передъ убійствомъ Итларя и Китана. Когда же эти колебанія окончились, какъ обдуманно, ловко была имъ устроена ловушка для половецкихъ князей! Изъ собственныхъ выраженій лѣтописца видно, что именно онъ, а не дружина, стоялъ тутъ во главѣ дѣйствія²⁾. Щедрость и широкая милостыня прекрасно сочетались въ немъ съ хищничествомъ, какъ выражается о немъ Ключевскій³⁾. Знаменитый разгромъ Минска, въ которомъ онъ, какъ самъ говоритъ, не оставилъ ни челядины, ни скотины, и разграбленіе имущества Ярополка Изяславича достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Въ заключеніе надо прибавить, что Владиміръ Мономахъ приводилъ неоднократно половцевъ на Русскую Землю, что онъ самъ часто ставилъ въ вину другимъ. Если послѣднія черты были, вообще, въ нравахъ времени, то это лишній разъ показываетъ, что Мономахъ, какъ нравственная личность, не былъ выдающимся человекомъ, а тѣмъ болѣе тѣмъ идеальнымъ княземъ — христіани-

¹⁾ Карамзинъ „Ист. Госуд. Росс.“, т. II, стр. 65; Погодинъ „Древ.-Русс. Ист.“, т. I, стр. 359; Грушевскій „Ист. Кіевск. Земли“, стр. 103.

²⁾ „Ипат. Лѣт.“, стр. 158—159; „Лавр. Лѣт.“, стр. 219—220.

³⁾ Ключевскій „Кур. Русс. Ист.“, т. I, стр. 343.

номъ, какимъ его часто стараются изобразить. Правда, нѣкоторые изслѣдователи не раздѣляютъ общаго отношенія къ Мономаху, но такихъ немного. Такъ, еще Полевой удивлялся пристрастію Карамзина къ Мономаху, а самъ считалъ его хитрецомъ и лицемеромъ, который подъ смиреніемъ и кротостью скрывалъ честолюбіе и запятналъ своекорыстіемъ свою, во многомъ выдающуюся, личность¹⁾. «Нельзя не замѣтить, что Мономахъ въ борьбѣ съ Олегомъ преслѣдовалъ свои личныя цѣли, прикрывая ихъ общественными интересами», пишетъ Лашнюковъ и называетъ его притѣснителемъ Олега. «Вотъ отчего», говоритъ онъ далѣе, «при всеобщемъ уваженіи и довѣріи къ Мономаху, люди болѣе дальновидные не довѣряли ему. Олегъ Святославичъ и Ростиславичи, люди далеко недюжинные, не раздѣляли общаго довѣрія къ Мономаху»²⁾. Подобное же отношеніе проглядываетъ у Рожкова, Андриашева, Голубовскаго, Аскоченскаго³⁾. Отдавая справедливость положительнымъ качествамъ характера Мономаха, проф. Грушевскій говоритъ о немъ: «Мономахъ старался облекать свои дѣйствія въ благовидную форму..., но въ то же время собственная выгода неизмѣнно фигурируетъ въ его дѣятельности и обуславливаетъ его поступки»⁴⁾. Обладая большимъ умомъ и любознательностью, справедливый правитель, добрый семьянинъ, заботливый хозяинъ, усердный сынъ Церкви, онъ при всемъ томъ не останавливался ни передъ чѣмъ, когда дѣло касалось его личной выгоды. И горе было тому, кто становился на дорогѣ у этого «христіанина»! Такова была эта личность, сложная и сильная, заполнившая своею дѣятельностью полстолѣтія и оставившая послѣ себя глубокой слѣдъ въ исторіи Русской Земли.

Наталія Голубовская.

¹⁾ Полевой „Ист. Русс. народа“, т. II, стр. 315, 376—377.

²⁾ Лашнюковъ „Владим. Моном.“, стр. 750, 772.

³⁾ Рожковъ „Обзоръ Русс. Ист. съ соціолог. точки зрѣнія“, т. I, стр. 160—162; Андриашевъ „Ист. Волын. Земли“, стр. 115, 117; Голубовскій „Ист. Сѣверск. Земли“, стр. 82, 89, 94—95, 99—101; Аскоченскій „Влад. Моном. какъ писатель“, стр. 241.

⁴⁾ Грушевскій „Ист. Кіевск. Земли“, стр. 134; Его-же „Волинскій Вопр.“, стр. 36; Его-же „Ист. Укр.—Руси“, т. II, стр. 121.

Дополненія.

Къ стр. 3 прим. 1. Къ числу изслѣдователей, признающихъ множественность причинъ областного раздробленія Древней Руси, принадлежитъ профессоръ Любавскій, книга котораго, «Лекціи по Древней Русской Исторіи» (Москва, 1915 г.), вышла въ то время, когда печаталась моя работа. Раздробленіе Руси начинается, по мнѣнію проф. Любавскаго, съ Ярослава Мудраго, а причиною его является «обычная эволюція, въ силу которой единичныя владѣнія и хозяйства по смерти ихъ основателей превращались въ совмѣстныя владѣнія ихъ потомковъ безъ окончательнаго раздѣла подѣ главнымъ распоряженіемъ старшдго». Далѣе, въ силу размноженія князей и постепеннаго разложенія родовыхъ началъ, на первый планъ выдвигаются личныя интересы князей, стремящихся подѣлить Русскую землю. Однимъ изъ средствъ добыванія столовъ является соглашеніе съ мѣстными обществами, которыя въ связи съ этимъ растутъ въ своемъ значеніи. Эти междукняжескія отношенія выражаются въ усобицахъ, которыя, въ совокупности съ половецкими набѣгами, вызываютъ удаленіе населенія изъ пустѣющаго Поднѣпровья и къ концу XII в. приводятъ къ новому географическому размѣщенію населенія, имѣвшему слѣдствіемъ появленіе мѣстныхъ политическихъ и торгово-промышленныхъ интересовъ, въ свою очередь сильно способствовавшихъ раздробленію Руси на части (стр. 65—66, 70, 101, 103, 105—110). Такимъ образомъ проф. Любавскимъ выставляется рядъ причинъ этого историческаго яв-

ленія, изъ которыхъ основными и первоначальными являются, однако, формы княжескаго владѣнія и княжескія усобицы.

Тѣ же мнѣнія о причинахъ раздробленія Руси, какія высказываются Ключевскимъ въ его «Курсѣ Русской Исторіи», излагаются имъ также въ другомъ его трудѣ, «Боярская Дума Древней Руси», стр. 23—26, 49—50 (Москва, 1902 г.).

Къ стр. 5 прим. 1. См. также проф. Любавскаго «Лекціи по Древней Русской Исторіи», стр. 51, 75, 81—83 и Ключевскаго «Боярская Дума Древней Руси», стр. 22, 24.

Къ стр. 12 прим. 1. См. также проф. Любавскаго «Лекціи по Древней Русской Исторіи», стр. 114 и Покровскаго «Русская Исторія съ древнѣйшихъ временъ», т. I, стр. 147—148.

Къ стр. 13 прим. 2. См. также проф. Любавскаго «Лекціи по Древней Русской Исторіи», стр. 69, 74.

Къ стр. 13 прим. 3. См. тамъ же, стр. 100.

Къ стр. 15 прим. 2. См. тамъ же, стр. 109, 112.

Къ стр. 34—35 прим. 3. «Матеріалы къ русской сфрагистикѣ» А. В. Орѣшникова напечатаны въ III томѣ «Трудовъ Московскаго Нумизматическаго Общества» (Москва, 1905 г.). О печатяхъ Ратибора см. стр. 135—141; рисунки этихъ печатей см. на табл. II, рис. 15 и 16.

Къ стр. 41 прим. 1. См. проф. Любавскаго «Лекціи по Древней Русской Исторіи» (стр. 102).

Къ стр. 77 прим. 2. См. тамъ же (стр. 120—121).

Къ стр. 78 прим. 1. Любавскій «Лекціи», стр. 118—119; Покровскій «Русская Исторія», т. I, стр. 81—82, 130.

Къ прим. 79 стр. 2. См. также Ключевскій «Боярская Дума Древней Руси», стр. 51—53.

Къ стр. 81 прим. 1. Покровскій «Русская Исторія», т. I, стр. 126—128.

Къ стр. 81 прим. 4. То же мнѣніе у Покровскаго «Русская Исторія», т. I, стр. 126—127, 131.

Къ стр. 82 прим. 1. Покровскій «Русская Исторія», т. I, стр. 130—131—о законодательствѣ Мономаха.

Къ стр. 84 прим. 8. Народнымъ избранникомъ считаетъ кн. Всеслава также Покровский «Русская Исторія», т. I, стр. 123—124.

Къ стр. 91 прим. 4. О бракѣ Мстиславны см. также статьи: Лопарева «Бракъ Мстиславны» и Пападимитріу «Бракъ русской княжны Мстиславны Добродѣи съ греческимъ царевичемъ Алексѣемъ Комниномъ», помѣщенныя въ «Византійскомъ Временникѣ», изд. Импер. Акад. Наукъ подъ редакціей Регеля, первая—въ 3—4-омъ выпускѣ IX тома 1902 г., а вторая—въ 1—2-омъ выпускѣ XI т. 1904 г. Расходясь во многихъ подробностяхъ, оба эти изслѣдователя, однако, вполне согласно доказываютъ, что Мстиславна была замужемъ не за самимъ императоромъ Іоанномъ Комненомъ, а за его сыномъ Алексѣемъ, который умеръ, не достигнувъ престола.

Къ стр. 94 прим. 3. Подробное археологическое изслѣдованіе о шапкѣ Мономаха принадлежитъ заслуженному академику Кондакову, который доказываетъ, что, по своему происхожденію, Мономахова шапка не корона, а парадный почетный шлемъ византійскаго происхожденія XII в., исполненный, однако, не въ самомъ Константинополѣ, а въ Малой Азіи, на Кавказѣ или въ Херсонесѣ, чѣмъ объясняется нѣкоторое восточное вліяніе, которое замѣчается въ орнаментахъ Мономаховой шапки. Легенду же о вѣнчаніи Владиміра Мономаха на царство онъ считаетъ вполне недостоверной и относящейся по существу къ Владиміру Святому (Толстой и Кондаковъ «Русскія Древности въ памятникахъ искусства», Петр. 1897 г., в. V, стр. 40, 42—45, 48; Кондаковъ «Русскіе Клады», Петр. 1896 г., т. I, стр. 66, 68—69, 75). При этомъ акад. Кондаковъ подвергаетъ детальной критикѣ мнѣніе, по которому шапка Мономаха является, будто бы, продуктомъ искусства поздне-татарской эпохи (стр. 71—72, 74—75). Подобное мнѣніе выставилъ одинъ изъ современныхъ археологовъ, г. Спицынъ, въ своей статьѣ «Бухарскій кладъ и Мономахова шапка» («Извѣстія Императ. Археолог. Комиссіи», Петр., 1909 г., вып. 29). Легенды о вѣнчаніи

Мономаха на царство подробно разбираетъ и подвергаетъ ихъ критикѣ также Дьяконовъ въ своемъ трудѣ «Власть Московскихъ государей», при чемъ самую легенду онъ называетъ фикціей («Власть Московскихъ Государей», Петр. 1909 г., стр. 119—125).

Къ стр. 107 прим. 2. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о Кіевскомъ пригородѣ Вышгородѣ. Въ недавнее время проф. Ляскоронскій выставилъ теорію, по которой этотъ Вышгородъ есть ни что иное, какъ древнѣйшая часть Кіевского Кремля, гдѣ и были погребены Свв. Борисъ и Глѣбъ (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1913 г. Апрель — Декабрь, «Кіевскій Вышгородъ въ Удѣльно-вѣчевое время»; въ частности о мѣстѣ погребенія Бориса и Глѣба см. майская книжка, стр. 91—100, и июньская, стр. 335—342, 349—358). Эта теорія основывается на терминологіи позднѣйшихъ памятниковъ и представляетъ просто научное недоразумѣніе. Какъ извѣстно, большинство русскихъ историковъ совершенно правильно рассматриваетъ Вышгородъ, какъ Кіевскій пригородъ, а не какъ часть самого г. Кіева. При этомъ проф. Ляскоронскій подчеркиваетъ соперничество князей, въ частности Мономаха и Олега Святославича, въ усердіи къ Свв. Борису и Глѣбу, такъ какъ подобное усердіе увеличивало популярность даннаго князя въ народѣ и ставило его въ глазахъ общества ближе къ Кіеву, обладавшему этой общей-русской, національной святыней (июнь, стр. 353—354, 369; сентябрь, стр. 81 — 82). Такъ лишній разъ можно отмѣтить своекорыстную подкладку идеальной стороны личности Мономаха.

ЗАПИСКИ

Императорскаго Харьковскаго Университета

1915 годъ.

„Записки“ выходятъ 4 раза въ годъ книжками въ объемъ отъ 20 до 25 печатныхъ листовъ.

Содержаніе книжекъ: I. Оффиціальный отдѣлъ (го-
дичный отчетъ Университета, отчеты объ ученыхъ
командировкахъ, отзывы о диссертаціяхъ и сочине-
ніяхъ). II. Научный отдѣлъ (статьи и изслѣдованія).
III. Критика и библиографія. IV. Научныя извѣстія.
V. Лѣтопись Университета (статьи, относящіяся къ
исторіи Харьковскаго Университета). VI. Приложе-
нія (курсы профессоровъ; результаты наблюденій
метеорологической станціи при Харьковскомъ Уни-
верситетѣ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

5 рублей въ годъ съ пересылкой, 4 рубля безъ пе-
ресылки; для студентовъ Харьковскаго Университета
2 рубля.

Адресъ редакціи „Записокъ Харьковскаго Университета“:
Харьковъ, въ здаціи Университета.

Редакторъ проф. С. Кульбакинъ.

Имѣются въ продажѣ:

MINERVA Вып. I. Стр. IV. + 2 неп. + 162. К. 1913. 80 к.

А. А. Купрѣвичъ, «Стихотворенія въ прозѣ» Тургенева и «Диалоги» Леопарди.—*Н. Д. Полонская*, Наглядныя пособія по русской исторіи.—*С. Г. Ковалевская*, Драма Лопе де Веги «Великій князь Московскій».—*Н. П. Голубовская*, Географическія данныя въ Русской Правдѣ.

Вып. II. Стр. 168 + XII. К. 1913. 1 р.

Критико-библіографическій обзоръ учебной литературы по исторіи на русскомъ языкѣ съ 1890 по 1912 г. Учебники по русской исторіи. Составлено группой слушательницъ Историко-Филологическаго Отдѣленія Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Кіевѣ, подъ редакціей *П. Н. Ардашева*.

Вып. III. Стр. VI + 160. К. 1914. 1 р.

И. Григорьева, Судъ во Франціи при старомъ порядкѣ по наказамъ третьяго сословія Санскаго бальяжа. Подъ редакціей и съ предисловіемъ *проф. Г. Н. Ардашева*.—*Ролашканъ*, Педагогика высшей школы. Подъ редакціей и съ предисловіемъ *прив.-доц. С. А. Ананьина*.

Вып. IV. Стр. 118. К. 1914. 1 р.

В. Е. Козловская, Славянскіе курганы и городища, какъ историческій источникъ.—*Л. Н. Кудъ*, Костюмъ и украшенія древне-русской женщины.

**Складъ изданія при Историко-Филологическомъ Семинарѣ
Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Кіевѣ.**

Цѣна 80 коп.

